

ЗИМНЯЯ КОЛЛЕКЦИЯ ДЕТЕКТИВА



ТРИ РОМАНА ПОД ОДНОЙ ОБЛОЖКОЙ!



Татьяна УСТИНОВА



Татьяна ПОЛЯКОВА



Анна и Сергей ЛИТВИНОВЫ



Великолепные детективные истории

Татьяна Полякова

Зимняя коллекция детектива

«ЭКСМО»

2021

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6я43

Полякова Т. В.

Зимняя коллекция детектива / Т. В. Полякова — «Эксмо»,
2021 — (Великолепные детективные истории)

ISBN 978-5-04-159652-1

«Зимняя коллекция детектива» – это три увлекательных остросюжетных романа под одной обложкой! Татьяна Устинова, Татьяна Полякова, Анна и Сергей Литвиновы – эти писатели не нуждаются в особом представлении, их имена хорошо известны всем поклонникам остросюжетного жанра. Увлекательные и захватывающие романы, вошедшие в сборник «Зимняя коллекция детектива», объединяет то, что действие в них разворачивается во время наших любимых зимних праздников. Волшебное настроение, головокружительные интриги, яркие харизматичные герои – все, что мы любим и ценим в хорошем детективе, вы найдете под одной стильной обложкой!

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6я43

ISBN 978-5-04-159652-1

© Полякова Т. В., 2021
© Эксмо, 2021

Содержание

Татьяна Устинова. Ковчег Марка	6
Конец ознакомительного фрагмента.	119

**Татьяна Полякова, Татьяна
Устинова, Анна и Сергей Литвиновы
Зимняя коллекция детектива**

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2021

* * *

Татьяна Устинова. Ковчег Марка

Алле Каргиной с уважением и любовью.

– Куда?! С ума сошел?!

Марк и ухом не повел, сунул ботинок в крепление. Привычно щелкнул замок, и он поболтал ногой, проверяя. Все в полном порядке – как всегда.

– Нет, я не понял. Сдурел совсем?!

Марк нагнулся и поднял палки, которые завалились, когда он дрыгал лыжами, и только после этого оглянулся. Кузьмич стоял в двух шагах, от возмущения даже шапку свою знаменитую сдернул, снег падал на голову, не таял, и нападало его уже порядочно, холмиком.

– Ты бы лучше палки мои посмотрел, Кузьмич.

– Чего на них смотреть, я сто раз смотрел! А идти сегодня нельзя. Ты прогноза не слышал, чокнутый!?

– Шапку надень. Башку застудишь.

– Марк, твою мать, нельзя сегодня! Метеорологи три раза предупреждали!

– Мы с тобой дольше базарить будем.

– Да не надо со мной базарить, я сказал – не пуцу!..

Из-за угла дома, вокруг которого метель уже намела небольшой сугроб, появился Вик и остановился в отдалении. Он не любил ссор и никогда в них не участвовал.

Марк толкнулся тихонько, слегка, просвистел рядом с Кузьмичом – тот неловко, как куль, шатнулся в сторону, как будто Марк на самом деле мог его задеть, – и выскочил на лыжню. Ее было почти не видно, снег усиливался с каждой минутой, как будто марля колыхалась между деревьями. И ветер налегал все ощутимей.

...Может, прав Кузьмич? Может, не ходить сегодня?..

Если бы тот не стоял у него за спиной, не притоптывал на месте от возмущения, не сдерживал с бритой головы шапку, может, он и не пошел бы, а так...

– Я на час, не больше.

– Да пропади ты пропадом в лесу этом! Связи, может, уже через пятнадцать минут не будет, кто тебя спасать пойдет?! Я не пойду, точно тебе говорю!..

Марк опустил на нос очки, толкнулся и пошел впосилы, приноравливаясь к непривычным палкам. Вроде и скорость небольшая, а ветер сразу засвистел и заулюлюкал в ушах, острый снег заколол нос и щеки и как-то моментально стал забиваться под воротник. Не слишком приятно, и кожу теперь натрет до крови – ни умыться, ни побриться!.. Впрочем, какая разница.

Трассу он знал так, что мог пройти по ней ночью с закрытыми глазами, связанными руками и ни разу не ошибиться.

Он набрал скорость. Сейчас небольшой спуск с уклоном влево, потом короткий подъем, лощинка, очень неудобная, потому что в ней все время заносит, и затяжная горка, которую нужно отрабатывать уже всю.

Марк контролировал дыхание, даже принялся считать, чего не делал почти никогда со времен розовой юности – раз, два!.. Ррраз, два! Чуть сильнее. Раз, два! Еще чуть нажать, вот так, хорошо!

Считал он потому, что в такую метель на самом деле еще не выходил ни разу, ему странно было, что он почти не видит лыжню, и это мешало, отвлекало от работы, которая только началась.

...Кузьмич постоял немного, глядя под горку в лес. Никого и ничего уже не было видно, только снег сыпал прямо перед глазами и хотелось отдернуть его рукой, как занавеску. Потом посмотрел на часы, поднеся запястье почти к носу.

Будем надеяться, что за час лыжню не засыплет окончательно. Чего там надеяться, когда ясно, что засыплет!.. Большой ладонью он крепко отер голову, напялил шапку, немного подумал, не плюнуть ли вслед, и плевать не стал.

Кузьмич был суеверен, хотя никому и никогда в этом не признавался.

Темная громада лиственничного дома, казалось, покачивается из стороны в сторону за пеленой только расходившейся метели, а лес за ним совсем пропал, сгинул, не стало его.

Головой вперед, раздвигая метель, Кузьмич пошел к высокому, в несколько ступенек, крыльцу под резным затейливым навесом. Неопределенная тень приблизилась и остановилась в отдалении.

– Чего ты там мнешься? – спросил Кузьмич, не оборачиваясь. – Ушел, да. А я чего могу?!

От двери он все же оглянулся. Тени не было, исчезла.

Он вошел в просторные сени, и, не отряхиваясь и не раздеваясь, рванул вторую дверь. Оттуда сразу пахло теплом и привычными запахами, кажется, даже где-то музыка играла. Марк, что ль, забыл выключить?..

В просторном помещении было совсем темно, несмотря на то что на улице вроде день, и от этой темноты кромешной Кузьмич окончательно и сильно рассердился.

...А что, свет нельзя зажечь?! Так и будем впотьмах ковыряться?

В глубине коридора показалась высокая фигура в домашних пимах и расшитом свитере.

– Ушел! – гаркнул Кузьмич, как будто фигура о чем-то его спросила. – Сказал, на час, не больше.

Он сдернул куртку, с которой капало, швырнул ее на пол и пошел по коридору в самую дальнюю комнату. У двери содрал шапку и запулил ею в куртку. Молчаливая фигура, сделав неуловимое молниеносное движение, на лету поймала шапку, потом подошла и подняла куртку.

Кузьмич медлил на пороге.

– Генератор бы надо проверить, – помолчав, молвила фигура.

– Без вас давно проверил!

– Карабины?

– В порядке карабины!

– Военных нужно предупредить.

– Ну, поучите меня, поучите!..

Фигура еще какое-то время маячила в коридоре, а потом канула неизвестно куда.

Кузьмич вошел в комнату, уставленную сложной аппаратурой, железными шкафами, ящиками и стеллажами. Почему-то она называлась «оружейной», хотя из оружия в ней хранилась всего пара винтовок.

...Если дело так пойдет, свет вырубится самое большее минут через сорок. Хорошо, на прошлой неделе солярки завезли много, на какое-то время хватит. Кузьмич никому ни в чем не доверял – ни людям, ни погоде, ни природе – и всегда делал запасы. Иногда его запасы разрастались до стратегических масштабов, из-за чего у них случались стычки с Марком, который был абсолютно уверен в себе и считал, что всегда найдет выход из любого положения. Кузьмич же считал, что такая самоуверенность проистекает исключительно от молодости, с Марком старался не спорить, а запасы хорошенько маскировать.

Он прошагал к железному широкому столу, зачем-то посмотрел в окно – ничего не видно, только снег валит! – и стал по очереди включать тумблеры. Пульт отозвался, загудел утробно, как шмель, загорелись зеленые огоньки. Кузьмич дернул на себя продавленное кресло, покры-

тое какой-то неопределенной шкурой, сел и пристроил на бритую голову наушники – одно ухо выше другого.

– Орел, Орел, вызывает кордон «полста-три». Как слышите, Орел?..

В наушниках затрещало, как будто тряпка порвалась – почему в них всегда трещит?! И пятнадцать лет назад трещало, и десять, и сейчас трещит! А все говорят – технологии, технологии! Вперед, мол, ушли технологии эти! Куда они ушли, если в наушниках как трещало, так и трещит до сих пор?!

В данную секунду Кузьмича злило все, и технологии тоже.

– Орел, кордон «полста-три» вызывает, как слышно?..

– Слышу отлично, «полста-три», – отозвался из наушников далекий голос, прерываемый треском. – Ты, что ль, Кузьмич?..

– Я, я.

– Чего у вас?

– У нас человек в лесу. Ушел, – он мельком глянул на часы, – в двенадцать часов четырнадцать минут в направлении Галыгина. Штатно должен вернуться в тринадцать пятнадцать. Слышишь меня, Орел?

Треск в наушниках, и больше ничего.

– Орел, как слышно, прием?

– Кузьмич, вы чего там? Обалдели?! – грозно спросили сквозь помехи. – Штормовое предупреждение еще когда объявили! Башки, что ль, ни у кого нет?! Шутки, что ль, тут все шутят?!

Кузьмич старательно прожевал длинную матерную тираду, не предназначенную для радиоэфира, а предназначенную как раз для ушедшего в сторону Галыгина Марка. Прожевал, а в микрофон сказал:

– Орел, в случае нештатной ситуации связь в пятнадцать ноль-ноль.

– Принял, кордон «полста-три», вашу мать! Только вас нам не хватает, вашу мать!.. Прогноз по ветру знаете?

– Знаем.

– В вашем районе группа туристов со вчерашнего дня на связь не выходит. От Васюганской горки на восток вышли в сторону Тугаринских сопок и пропали, мать их, козлы!.. Ты там посматривай, Кузьмич!

– Есть, принял.

– У тебя соляра в достатке? Перевал закрыли.

– В достатке, Орел. До связи.

– До связи, кордон «полста-три».

Кузьмич сдернул наушники, зацепил одним «ухом» за край железного стола и еще поси-
дел немного.

...Попробуй останови его, если он что себе в голову заберет! Он заберет, а Кузьмич – валяй, разгребай! Эмчезовцам звони, объясняй, по шее получай! А самое главное – сиди вот теперь, жди.

Жди и гадай – вернется или нет.

Жди и думай – дойдет или пропадет.

Жди и молчи – скулить или материться вслух запрещено.

...Марк стал тем, кем стал, только и исключительно потому, что остановить его не было никакой возможности, что бы он ни забирал себе в голову. Кузьмич знал это его качество, уважал и считался с ним, но – твою мать! – хоть иногда-то нужно прислушиваться к тому, что старшие говорят!

Свет замигал, но не погас. Кузьмич выключил станцию, вышел в коридор, где по-прежнему было темно, разыскал на вешалке пуховик, который давеча швырнул на пол, и нахлобучил шапку. Снаружи возились, что-то глухо стучало о пол. Он толкнул дверь и вышел в сени.

Наружная дверь была распахнута настежь. Безмолвная фигура, по самые глаза закутанная от лепившего снега, молча и сосредоточенно складывала вдоль лиственничной стены дрова. Кузьмич обошел ее и сбежал с крыльца, оскальзываясь на заметенных ступенях. Перед крыльцом под навесом стояли деревянные сани, доверху нагруженные поленьями. В несколько приемов Кузьмич перекидал тяжелые сырые дровины на крыльцо.

– Вик следом ушел, – проинформировала фигура без всякого выражения.

– Хорошо.

Он пошел вокруг дома – ноги вязли в снегу, и дорожки почти совсем замело, – дошел до того места, откуда вроде бы начиналась лыжня, остановился и посмотрел.

Никого и ничего. Только взбесившийся снег.

От леса, который был в той стороне, куда ушел Марк, потихоньку поднимался странный и ровный гул – ветер усиливался, не ошиблись метеорологи. Впрочем, это из телевизора вечно про погоду глупости говорят, а военные почти никогда не ошибаются.

Кузьмич повыше подтянул «молнию» и застегнул «липучки» на воротнике, который сразу закрыл всю нижнюю половину лица, как маска. Воротник был мокрый от снега, противный.

Он вернулся к дому и проверил морской канат, протянутый по всему периметру через металлические кольца. Когда поднималась серьезная пурга, ходить можно было только так, держась за канат. Два шага в сторону, и все, пропадешь. Мозг, вовлеченный в буйство метели, моментально теряет направление, можно уйти в сторону и замерзнуть в ста метрах от собственного дома. Сколько таких случаев бывало!..

Стараясь не смотреть в метель, за которой был лес, а в лесу Марк, Кузьмич дошел до ангара. Загремела металлическая дверь, зажглись под потолком мощные лампы.

Здесь помещались два снегохода, широченный, мощный ратрак и небольшой тракторишка, на котором ездили в распутицу. В углу был резервный генератор, на случай если откажет основной, стратегические запасы солянки, о которой не знал Марк, и тьма всяких секретных станков и приспособлений, необходимых Кузьмичу для его работы.

Иногда, пребывая в хорошем настроении, Марк называл Кузьмича Мерлином и решительно отказывался объяснять, кто такой этот самый Мерлин есть!..

Погладив ратрак по красному полированному боку, Кузьмич зашел за него, достал из металлического ящика несколько фальшфейеров и, сердито сопя, рассовал их по карманам. На полке в ряд стояли фонари, от огромных, напоминавших переносные прожекторы, до маленьких, карманных. Кузьмич нацепил поверх шапки налобную лампочку, прихватил с собой еще одну и самый большой фонарь.

Больше в ангаре делать было нечего.

Кузьмич вышел, сильно прихлопнул дверь и заложил перекладиной, чтобы ее не распахнуло ветром.

Лес под горой уже не стонал, а гудел, грозно, трубно.

...Вернись, мысленно велел Кузьмич Марку. Ты ж не дурачок малолетний, а взрослый, умный мужик!.. Видишь, чего творится!

И с надеждой вновь посмотрел туда, где вроде бы еще утром была лыжня. Ничего и никого не было видно, и он двинулся дальше, на ходу проверяя металлические вешки с натянутым морским канатом.

В его собственном доме было совсем темно и тихо, пахло парафином и лыжной мазью, самый лучший запах на свете. Дом состоял из трех комнат – на кой ляд ему одному столько, непонятно, только уборки больше, но Марк так решил. А если он чего решил, с места его не

сдвинешь!.. Одна называлась какая-то гостиная – на кой ляд ему гостиная, кто у него гостит-то! – а еще спальня и столовая! У всех нормальных людей кухня бывает, а у него столовая!

На кой ляд ему столовая...

Он замер посреди этой самой столовой и проворно сдернул с головы шапку.

Показалось или нет?..

Еще секунду он прислушивался, потом выскочил за дверь и помчался к большому дому.

На горке поскользнулся, чуть не упал и, трудно дыша, подбежал к высокому крыльцу.

Безмолвная фигура, закутанная по самые глаза, выступила из метели ему навстречу.

– Там, – сказала она и показала в лес.

– Точно?

– Со стороны Галыгина.

И оба замолчали, прислушиваясь.

Лес гудел, и ничего нельзя было расслышать в его вое.

Кузьмич поднялся на крыльцо – никаких дров уже не было в сенях, – добежал до «оружейной», включил и настроил портативную рацию, зацепил ее за пояс и проверил, хорошо ли держится. В коридоре стянул унты, толкнул дверь в соседнюю комнату, где хранилось снаряжение, выбрал лыжи, палки и ботинки и стал обуваться.

Безмолвная фигура маячила в коридоре.

– Из чего стреляли? – обуваться было неудобно, Кузьмич говорил глухо.

– Из двустволки, похоже.

– Из нашей?

– Похоже, из нашей.

– Там какие-то туристы застряли, МЧС сказал.

Ответа не последовало.

Кузьмич нацепил на запястье компас, похожий на огромные уродливые часы, и потопал ногами, чтобы ботинки сели надежно.

– Давай.

Фигура молча протянула давно приготовленный рюкзак. В нем всегда держали аварийный запас: медикаменты, бинты, шприцы с обезболивающим. Сбоку приторочены складные волокуши, сработанные местным умельцем, – тащить пострадавшего, если придется.

– Связь в пятнадцать.

Свет по всему дому мигнул раз-другой прощально и погас. Кузьмич зажег лампочку на шапке и вытащил лыжи и палки, сильно загромыхавшие по лиственничному полу.

– В той куртке запасные фальшфейеры. Ракетница где всегда.

Фигура опять промолчала.

Кузьмич вывалился на заметенное крыльцо, и черная тень метнулась ему наперерез. От страха, перехватившего горло, он задохнулся, и его качнуло назад.

– Вик?! Вик, ты вернулся?!

Волкодав припал на лапы, заскулил и пополз. Кузьмич, стараясь дышать, оглянулся на безмолвную фигуру.

– Поторапливаться нужно, – ровно сказала та, и спокойный, почти безразличный голос привел Кузьмича в чувство.

Он нацепил лыжи, погасил фонарь, от которого не было никакого толку, поглубже натянул шапку.

– Вик, вперед! Веди! Веди, Вик!..

Волкодав вскочил и потрусил, белый хвост мотался в метели, и этот хвост был единственной надеждой. Он должен привести куда надо.

Туда, где стряслась беда.

Рацию Володя утопил в ручье еще утром. Кто ж знал, что на этом самом Приполярном Урале в это самое время года попадают незамерзшие ручьи! Так не бывает просто потому, что не может быть!

Володя шел первым, провалился, сломал лыжу и утопил рацию.

Пока его тащили, пока стягивали моментально задубевший ботинок, пока Алла Ивановна доставала из рюкзака сухие носки, а Сергей Васильевич бестолково суетился рядом, про рацию так и не вспомнили, а потом Марина сказала:

– Ребята, кажется, мы без связи остались.

И на это тоже особенного внимания не обратили!

Степан, бывалый и закаленный походник, утверждал, что только дураки и салаги ходят с рациями, информируют МЧС, согласовывают маршрутные карты! Опытные люди ничего этого не делают, потому что без толку. Никто не станет никого спасать, если что случится, а тогда зачем?.. Только связывать себя по рукам и ногам: МЧС пристанет как банный лист, возьмется выяснять, какая у похода категория сложности, какая подготовка у группы, кто инструктор и какая у него квалификация, и пошло-поехало!.. Дальше Бронниц не пустят. Кому это надо?..

Володя тем не менее Степана не послушался, заявку в МЧС дал, и в самом начале похода у них вышла из-за этого почти ссора. Впрочем, они все время ссорились, потому что Володя был руководителем группы, а Степан считал, что руководит он плохо, неумело.

– Как бы обморожения не было, – сказал Сергей Васильевич, с сомнением рассматривая побелевшую Володину ступню, которую Алла Ивановна растирала снегом. Все остальные бестолково топтались рядом, а никчемушная Женька по прозвищу Жужа сразу села в сугроб, разбросав палки, и закрыла глаза. – Может, лучше спиртиком?

– Спирта мало, – ответила Алла Ивановна, не прекращая растирать. – Только на одну ночевку.

– Да чего там ночевка! – вступил рыхлый и одышливый Диман, отправившийся в зимний лыжный поход на спор с кем-то. – Тут осталось всего ничего, если по карте! Вон за той сопкой уже Галыгино, и все, конец нашим мучениям!

– С Севером шутки плохи, – заметила Алла Ивановна. Она недолюбливала Димана и из-за всех сил старалась этого не показывать, но все видели.

Алле Ивановну тоже недолюбливали, за десять дней она всем надоела. Во-первых, потому что старая карга, лет сорок, а то и больше – зачем потащилась?! Во-вторых, потому что на лыжах она шла лучше всех, быстрее всех ставила в снегу палатку, сноровисто варила в котелке гречку и умела растянуть плитку шоколада, выдававшуюся на ужин, на весь следующий день, а есть хотелось невыносимо. Алла Ивановна своим шоколадом подкармливала никчемушную Женьку по прозвищу Жужа и еще Марину, а больше никого, а хотелось-то всем! В-третьих, она никогда не возражала Володе, который руководил группой, но и не выполняла его указаний. Когда Жужа стала отставать, а это случилось примерно через пять минут после старта, Володя переставил ее в начало, сразу за собой – он шел первым. Но Жужа все равно отставала безнадежно, ее обходили, она плелась в хвосте, и Алла Ивановна, оценив ситуацию, пристроилась за ней, самой последней, и больше позицию не меняла, хотя Володя утверждал, что сильные всегда идут впереди, так положено по правилам. Степан с ним не согласился, и тогда они в первый раз поспорили всерьез.

– К вечеру дойдем, – бодро сказал Володя, которого перепугал ручей, и было непонятно, как теперь идти, на одной лыже!.. – Тут действительно рукой подать.

– Плохо дело, – помолчав, констатировала Алла Ивановна, поднялась с корточек и оглядела притихшую группу. – Марин, что ты про рацию говорила?.. Подмогу надо вызывать.

– Рация утонула.

– Не нужно никого вызывать, – тут же встрял Володя и тоже стал подниматься, Сергей Васильевич его поддержал. – Сами дойдем, чего тут осталось!..

– Сами мы точно не дойдем.

Никчемушная Женька по прозвищу Жужа валялась на спине и ела снег, зачерпывая его горстью. Опытный походник Степан молчал, смотрел на небо, которое что-то хмурилось. Марина думала про Володину ногу – хорошо бы шину наложить, но на это потребуется время, а ей почему-то казалось, что темнеет и нужно спешить, хотя до сумерек было далеко. Толстый Диман тосковал, потому что хотел есть, спать и домой, а Петечка придумывал, что именно напишет в своем блоге, как только кончится вся эта дурацкая канитель с «испытанием себя».

Он напишет, что современный человек – двадцать первого века – даст сто очков вперед любому аборигену, который кичится своей дикостью, то есть способностью выживать. Человек двадцать первого века, вооруженный знаниями, технологиями, таблетками сухого спирта, карбоном, карбидом, бензольным кольцом, углепластиком или чем там еще, справится с любыми первобытными трудностями именно потому, что они первобытны, а он современен.

Петечка считал себя очень современным человеком.

Скорей бы только оказаться там, где есть Интернет и технологии! И еще ванна, полная горячей воды, кровать с одеялом, бутерброд с колбасой. Где есть батарея, от которой идет ровное сухое тепло, и не нужно разводить костер и стоять по щиколотку в луже растаявшего снега, подкладывая сырые трескучие ветки. Где можно выпить сколько угодно кружек чаю и кипятка не кончится – до похода на Приполярный Урал Петечке и в голову не приходило, что кипяток может кончиться, что его нужно экономить, беречь, и вот эта самая кружка с горячей водой, в которой плавают хвоинки, – одна, больше не будет. Ее можно выпить, а можно из нее умыться, но она всего одна.

Петечка ни за что не признался бы себе – и никому! – как замучили его, современного человека, первобытные трудности, как он устал, промерз так, что по ночам ему казалось, что кости внутри его тела состоят из тяжелого льда, как ему хочется спать каждую минуту, с того самого мига, когда Володя фальшивым, нарочитым, отвратительно бодрым голосом объявлял на всю палатку: «Группа, подъем! Доброе утро!» и до самого вечера, до «отбоя», после которого Петечка трясся мелкой ознобной дрожью в своем спальнике и согревался только под утро, задремывал ненадолго, а тут уже ненавистное: «Группа, подъем!»

Он считал часы и минуты, оставшиеся до спасения, то есть до конца похода. Он шел, лыжи вязли в снегу, отталкивался палками, палки проваливались, и считал: впереди еще неделя, стало быть, семь дней, то есть сто шестьдесят восемь часов, не так уж и много. Десять тысяч с чем-то минут, ужасно много!.. Он смотрел на часы, чтобы засечь пять минут, и они длились и длились, и все никак не заканчивались! Картинка перед глазами не менялась – все та же спина с рюкзаком впередиидущего вверх-вниз, вверх-вниз, вокруг все то же белое пространство до самого горизонта, до небес, ничего больше нет на земле, кроме этого белого пространства, и оно не кончится никогда! И впереди ничего нет, только работа, все время работа, даже чтобы получить возжеленную кружку кипятка, придется работать, ставить палатку, увязая по пояс, рубить и тащить дрова, разводить костер, топить снег в котелке, а сил уже нет совсем. Когда костер кое-как загорался, нужно было продолжать работать, шевелиться, двигаться, а Петечка не мог, ну совсем не мог!.. Он стоял над костром, который сильно чадил, дым ел глаза так, что приходилось то и дело сглатывать слезы, свесив руки и ссутулив плечи, не отходил к товарищам, устраивавшим ночлег, ничем не помогал. Опытный походник Степан называл такое Петечкино стояние «полярной стойкой» и презирал его за слабование. Поначалу Петечку это злило, а потом ему стало все равно.

Ему бы только дойти до этого ненавистного Галыгина, сесть в тряский, жесткий вагон, который тащит по однокорейке чумазый дизелек, добраться до Ивделя, потом до Екатеринбургa, а оттуда до Москвы рукой подать, и можно будет написать в блоге, как он, Петечка, плевать хотел на все трудности и лишения, и выживание – вопрос технологий, а никакой не силы духа!..

В этот день до самого злополучного ручья он шел и придумывал будущий текст, и у него выходило хорошо, складно, и он все боялся позабыть, так складно выходило!..

И это испытание напоследок – незамерзший ручей в промерзших до центра земли горах! – станет самой драматической частью его повествования.

В том, что они к вечеру доберутся до Галыгина и дизелька, у Петечки не было никаких сомнений, что тут идти-то!..

Оказалось, что идти Володя не может. Просто не может, и все тут.

– Растяжение, – констатировала Марина, ощупав Володину ногу. – Может, и связки порваны, так не определить. Степ, срежь какую-нибудь палку. Придется все-таки шину наложить. Жень, вставай, хватит валяться, замерзнешь.

Никчемушная Женька тут же прикрыла глаза, демонстрируя, что ни за что не встанет. Степан скинул с плеч рюкзак и на лыжах двинулся в сторону ближайших деревьев.

– Лагерь нужно разбивать, – сказала Алла Ивановна, переглянувшись с Сергеем Васильевичем, – и попробовать отремонтировать лыжу.

– Как ее отремонтировать-то? – издали спросил Диман. Он стоял, наклонившись вперед, почти висел на палках, но рюкзак не снимал. Снять-то снимешь, а потом опять придется взваливать, тяжело и неохота, сил нет. – Она вон вся на куски разлетелась!

– Куски я соберу, – сказала Алла Ивановна решительно. – Попробуем склеить.

– Да чего там клеить?!

– Если получится, утром пойдем потихоньку.

Тут Петечка вдруг сообразил, что они всерьез – всерьез! – намерены устроить еще одну ночевку в тайге! Из-за какой-то сломанной лыжи и неведомого растяжения!

– Вы что?! – спросил он сразу у всех. – С ума сошли?! Какая ночевка, какой лагерь?! Идти надо, тут совсем близко!

– Идти мы не можем.

– Почему не можем-то?!

– Володя повредил ногу, – отчетливо и громко заявила Алла Ивановна, как будто Петечка был глуховат. – Мы даже не знаем, целы связки или нет. На одной лыже он не дойдет уж точно.

Сам Володя сидел на снегу, неудобно вытянув ногу, часть лица между шапкой и натянутым почти до глаз воротником куртки была даже не бледной, а какой-то зеленой, нос заострился.

Петечка посмотрел на него и по этому заострившемуся носу понял, что до Галыгина они точно сегодня не дойдут.

...Но как же так?! Ведь все уже почти кончилось! Дотерпеть осталось совсем немного, а теперь получается, что... много? Что нужно дальше терпеть?!

Затрещали ветки, затюкал топор, и все оглянулись. Степана не было видно, только качались тоненькие деревца в отдалении.

– Может, в низинку попробуем спуститься? – Сергей Васильевич шмыгнул носом и показал куда-то в сторону. – Тут ветрено больно. А к ночи если разгуляется...

– Попробовать можно, – издали отозвалась Алла Ивановна.

Они разговаривали друг с другом так, как будто знали нечто такое, о чем остальная группа понятия не имела.

– Нужно идти, – вдруг подал голос Володя, и Петечка подумал: слава богу, сообразил! А то расселся и сидит! Тут до Галыгина рукой подать! – Марин, ты мне правда шину наложи, и я пойду.

Алла Ивановна ничего не сказала, и Сергей Васильевич промолчал. Вернулся Степан с длинной дровиной, вдвоем с Сергеем Васильевичем они ловко расщепили ее пополам и еще пополам, и Марина стала прилаживать получившуюся шину.

Диман, поняв, что это дело долгое, скинул с плеч рюкзак, который беззвучно ухнул в сугроб, и тоже сел в снег на манер Женьки.

– Сходили бы пока за дровами, мужики, – посоветовала Алла Ивановна. – Самое время. Этого Петечка вынести не смог:

– Зачем нам дрова, если мы дальше пойдем?! Мы их что, с собой понесем?

– Есть хочу, – сказала Женька специальным тоненьким голосом. За этот специальный «девочкин» голос Марина ее ненавидела. – Хочу-у-у е-е-есть!

– Жень, вставай! – велела Алла Ивановна как-то так, что Женька стала подтягивать лыжи и подниматься. – Есть все хотят, терпи.

– Не могу я больше терпеть!

– Тогда не терпи, – разрешила Алла Ивановна почти весело. – Степ, возьми вон Диму, сходите за дровами!

– Так мы же в Галыгино решили идти! Володь, ты командир, скажи им!

– Мы пойдем дальше, – морщась от того, что Марина так и сяк крутила его ногу и належала на нее, выговорил Володя. – Чтобы закончить маршрут сегодня.

– Вот именно!

– Хорошо, – согласилась Алла Ивановна так, как будто не соглашалась, в своей обычной манере, которая всем надоела.

Марина подергала шину, надежна ли – Володя дернулся от боли, – и тут выяснилось, что надеть на замотанную таким образом ногу ботинок нет никакой возможности.

Некоторое время решали, что делать – Алла Ивановна участия в этом не принимала. Аккуратно переступая лыжами, чтобы не съехать в предательский ручей, она собирала пластиковые обломки. Решили обернуть ногу запасным свитером, Володин рюкзак отдать Сергею Васильевичу. Степан и Диман с двух сторон поведут Володю, он пойдет между ними на уцелевшей лыже, а его палки понесет Марина.

Петечка беспокоился все сильнее. Время шло, до Галыгина рукой подать, только вон за ту сопку перевалить – а не добраться, как до Луны.

Алла Ивановна ловко приторочила обломки Володиной лыжи к своему рюкзаку, отрянула сзади Женькин комбинезон, как будто та была маленькой, подтолкнула ее, чтобы встала впереди, улыбнулась Марине и приготовилась идти.

Сразу же, с первых метров, стало понятно, что идти нельзя.

На одной лыже Володя проваливался в снег, Степан его тащил, а Диман быстро выдохся, и опыта таких ситуаций ни у кого из них не было! Свитер на ноге как-то моментально размотался, приходилось то и дело его поправлять, отряхивать от снега, привязывать снова.

Сергей Васильевич сменил Димана, но тому пришлось взвалить на себя второй рюкзак, лыжи затрещали, и испуганный Диман бросил рюкзак в снег.

– У меня вес большой, – сказал он виновато, – сто кило с лишком...

Тогда рюкзак взял Петечка – что угодно, лишь бы дойти до Галыгина сегодня!.. Алла Ивановна помогла его приладить – на правое плечо лямка от его собственного рюкзака, на левое от Володиного, – и Петечка тут же завалился на спину, не устоял, так это оказалось тяжело.

Он завалился и вдруг увидел над сопкой солнце – красное, низкое, грозное. Это солнце не предвещало ничего хорошего.

Сделали еще несколько попыток.

– Нет, – в конце концов сказал Степан. Он тяжело дышал и облизывал губы. – Не выйдет ничего, мужики. Будем лагерь ставить.

– В низинку бы спуститься, – опять посоветовал Сергей Васильевич. – Ветер поднимается.

– Нужно идти, – повторил Володя, кажется, только для того, чтобы возразить Степану.

– Ну иди, – ответил Степан мрачно, сбросил рюкзак, вытащил топор и пошел в сторону деревьев, где Алла Ивановна и никчемушная Женька ломали ветки для костра, складывали в кучу и наломали уже довольно много.

Спустились на несколько метров, где, кажется, дуло чуть меньше, стали разбивать лагерь.

– У тебя обезболивающее есть? – негромко спросила Алла Ивановна Марину, когда поставили палатку и закрепили последнюю растяжку. – Сильное?

Марина кивнула. Ей было тревожно, как будто что-то страшное надвигалось и остановить его никак нельзя.

– Две ампулы.

– Ты ему сегодня не коли, – тихо посоветовала Алла. – У него сейчас нога разболится, это точно! Мы с Василичем попробуем лыжу склеить, на одной он не дойдет. Ты ему завтра уколешь, он какое-то время сможет двигаться. А сегодня не коли.

– Я сама разберусь, Алла Ивановна, – сказала Марина неприязненно. – Я врач.

– Погода мне не нравится, – продолжала Алла, не слушая. – И главное, связи нет! Вот угораздило...

– Что вы там все каркаете?! – неприятным голосом спросил Петечка, услышавший, что «угораздило». – Тут до людей рукой подать! Вообще я считаю, что кто-то из нас должен пойти и привести подмогу! Это очень просто.

– Никто никуда не пойдет, – отрезал Володя. – Нога сегодня отдохнет, и завтра мы...

– Завтра будет только хуже, – встрял Степан. – И ты это прекрасно понимаешь. Ногу разнесет, в ботинок ее все равно не засунешь, даже если наши дедуля с бабулей лыжу склеят! Хотя чего там клеить!

– Тогда точно надо идти за людьми, – повторил Петечка. – Я пойду.

– Не пойдешь!

– Я руководитель группы, и я запрещаю...

– Какой ты, на фиг, руководитель? Все из-за тебя! Под ноги бы лучше смотрел!

– Хорош лаяться, мужики, – подал голос Сергей Васильевич. Он устраивал место под костер. – А ходить по одному не годится. Ветер поднимается.

– И чего?! Ждать, когда метель начнется?! – возмутился Петечка.

– Метель, может, и не начнется, но ветер подозрительный какой-то.

– Вот именно! Надо сейчас идти!

– Я запрещаю!

– Плевать я хотел на твои запреты!

– Мальчики, – пропищала Женька «девочкиным» голосом, – ну что вы ссоритесь? Ну как получилось, так и получилось! Ну завтра дойдем! А что?

– А то, что и завтра мы никуда не дойдем!

Весь оставшийся день, который показался всем странно коротким, Алла Ивановна и Сергей Васильевич, сидя на снегу голова к голове, собирали Володину лыжу, как хирурги раздробленную кость. На куске тряпки рядом с ними были разложены клей, бинты и еще какие-то штуки. Костер горел, и время от времени над ним грели клей, который то и дело застывал. Степан остервенело рубил дрова, притаскивал и складывал, Петечка бесился и грыз ногти, Диман кипятил воду, и ее пили просто так, без чая и сахара, которых было мало, «на одну ночевку», как сказала Алла Ивановна, и ветер, проклятый ветер поднимался!

Ближе к ночи стало понятно, что метель все-таки придет. Она уже совсем близко.

Алла Ивановна обошла палатку, проверяя растяжки. Когда Сергей Васильевич снизу вверх вопросительно кивнул ей, она только пожала плечами. Еды на ужин было мало, вдвое меньше обычного. Сергей Васильевич, назначенный в самом начале похода «завхозом», сказал хмуро, что еду нужно приберечь... на всякий случай, мало ли что, может, одной ночевкой дело не обойдется.

Петечка, которого колотило от холода, объявил, что никакого «всякого случая» не будет, и завтра утром он уйдет в Галыгино, и наплевать ему сто раз на метель, а Володя, баюкавший свою ногу, велел ему заткнуться.

– Да если б не ты, мы бы уже давно!.. – завел было Петечка.

– Так, все, закончили, – вдруг приказала Алла Ивановна таким голосом, что даже Диман, пытавшийся дремать, вынырнул из своей куртки и посмотрел с удивлением, а Женька перестала ложкой хлебать из железной кружки теплую воду. Она говорила, что так вкуснее, больше похоже на суп или на чай. – Положение у нас сложное. Мы все должны это осознать прямо сейчас. Лыжу вроде собрали, до утра она подсохнет и какое-то время продержится. Ну, будем на это надеяться. Плохо, что до Галыгина почти все время в горку! Если завтра мести будет не слишком сильно, попробуем пойти. Если нет, придется ждать погоды.

– Какой погоды? – спросил Петечка, и губы у него задрожали. – А если ее неделю не будет, этой погоды?!

– Значит, неделю будем ждать.

– Мы за неделю с голоду сдохнем!

– За неделю не сдохнем, – отрезала изменившаяся до неузнаваемости Алла Ивановна. – С холодом хуже. Топлива мало, а в метель снаружи костер не разведешь. Придется экономить.

– Нет, ну это свинство, – плаксиво сказала Женька. – Как хотите!.. А вдруг мы все перемерзнем? А вдруг нас волки съедят? Здесь же наверняка кругом волки!

– Дура, – тихо, но отчетливо выговорил Диман, опять зарываясь в свою куртку.

– Нам нельзя сейчас ссориться, – и Алла Ивановна, дотянувшись, потрепала Женьку по плечу, как будто утешила, хотя чего утешать, всем ясно, что она дура! – Вот, бог даст, доберемся до Галыгина, и там поссоримся хорошенько. А сейчас нельзя.

– А что вы командуете-то? – спросил Степан из своего угла. – У нас руководитель отряда есть, чтоб ему!..

– Ивановна права, – поддержал Сергей Васильевич. – Давайте лучше песни петь.

– Ну, ясное дело, – констатировал Петечка. – Государственный переворот. Теперь пиши пропало, старперы будут учить нас жизни.

– Да не жизни, – с досадой сказала Алла. – Выживанию. Это совсем другое дело.

– Вы что? Совсем чокнутая?! Тогда каркали, сейчас каркаете! – взвился Петечка. – Какое еще выживание! Ну, переночуем, черт с вами, хотя надо было днем в Галыгино за людьми идти, а завтра...

– Завтра будет завтра, – перебила его Алла.

Марина зашевелилась и подобралась к Володе, который все держался за ногу.

– Больно тебе?

Он скосил на нее глаза и кивнул.

– Я тебе сейчас обезболивающее уколою. Поспишь.

– Марин, – начала было Алла Ивановна, но та уже открывала рюкзак.

– Посветите мне.

– Марин, лучше бы завтра...

– Я врач, – отрезала та, – мне видней.

Ночь тянулась долго и трудно. Палатку трясло от ветра, как будто под ней работал дизельный движок, и Петечке, который все не мог согреться, в мутной дреме привиделось, что он едет в тряском вагоне, который тащит по рельсам бодрый чумазый дизелек, и это было так чудесно! И какая-то печка приснилась ему с раскаленным докрасна зевом, чугунная дверца покачивается, и еще почему-то кусок сала, а рядом кирпич черного хлеба, и можно сколько угодно съесть этого хлеба с салом!..

Петечка вздрогнул, потому что рядом неловко повернулся и застонал Володя – он спал, Маринина ампула, видно, подействовала! И Женька спала между Аллой Ивановной и Мариной, посвистывала носом.

Утром выбраться из палатки оказалось почти невозможно – снегу намело, фартук не отстегнуть. Сергей Васильевич долго с ним возился. Он первым выполз в тусклый свет, в круговорот метели и ветра, за ним полезла Алла Иванова.

– Женька, вставай, – велел Петечка, потому что ему было завидно, что никчемушная девица спит как ни в чем не бывало, и слегка пнул ногой ее спальник. – Группа, подъем!

– М-м-м, – замычала Женька и завозилась, поглубже зарываясь в спальник. – А что, уже утро? Хочу кофе! И банан! И яблоко! Петечка, у тебя есть яблоко?

– Володь, как нога? – Это Марина спросила. Она стояла на коленях посреди палатки и пыталась пригладить волосы, торчавшие в разные стороны. Петечка в этом приглаживании увидел ложь и фальшь – красоту она наводит! Кому тут какое дело до ее красоты?!

– Лучше, лучше нога, – торопливо сказал Володя. – Все почти нормально!

Алла Иванова задом вползла в палатку, вжикнула «молнией». Вместе с ней вполз холод и запах свежего снега.

– Ну, не так все ужасно, как могло быть, – бодро объявила она. – Метет, конечно, но ничего такого!..

– Какого такого?! – Петечка рывком натянул непромокаемые штаны поверх двух шерстяных, в которых спал. – Идти нужно. Прямо сейчас.

– После завтрака пойдем, – сказал Володя. – Где Василич?..

– Снаружи. Костер разводит.

– Диман, крикни ему, пусть паек всем выдаст.

– Вроде подсохла, – Алла осмотрела лыжу. – Может, будет держать.

– Алла Иванова, – на ухо ей сказал Степан. – Вы же понимаете! Мы не дойдем. Вам нужно оставаться, а я за помощью.

Она ничего не ответила, продолжала осматривать лыжу.

– Другого выхода нет, – продолжал Степан.

– Нужно искать выход, – она аккуратно отложила лыжу.

– Вы о чем? – настороженно спросил Володя. Нога у него сильно отекала, стала похожа на бревно, и ему страшно было подумать, что сейчас придется подниматься и идти – много километров по снегу.

Он руководитель группы. Он должен.

Он отвечает за людей.

Самоуговоры не помогали. «Отвечать за людей» он умел – так ему казалось в московском офисе, и в характеристике, данной ему именитым психологом, было сказано, что у Владимира Кравцова присутствуют «ярковыраженные лидерские качества». В палатке посреди гор Приполярного Урала с распухшей, похожей на бревно ногой, голодный, замерзший Володя вдруг понял, что «отвечать за людей» он не может, а главное, не хочет!

Он хочет, чтоб его спасли – эти люди или какие-то другие, не важно. Чтобы вдруг кто-нибудь взмахнул волшебной палочкой и оказалось, что все позади.

Крибле, крабле, бумс!.. И он уже в Москве, в чистом, теплом и просторном медицинском кабинете, и над ним склонились заботливые врачи, и ему больше ничего не угрожает, и нужно только принимать заботу и внимание, которые все вокруг готовы оказывать!

Выходит, он слабак и тряпка. Так выходит?!

Но рассердиться на себя тоже не получалось. Для того чтоб сердиться, нужны силы, а их почти не осталось, последние забирала боль, с которой тоже приходилось бороться.

А если он здесь погибнет? Если он так и останется в этой чертовой палатке, а остальные уйдут?! И весной случайная экспедиция найдет его останки, объединенные волками и медведями?!

– Я сейчас тебе еще укол сделаю, – сказала Марина и осторожно вытерла ему лоб, на котором выступила испарина. – Потерпи немножко.

– Марин, побереги обезболивающее. Послушай меня, я знаю, что говорю!

– Я тоже знаю, что делаю, Алла Ивановна!

На завтрак были галеты с крохотным кусочком сливочного масла и замерзший каменный пащтет, который Сергей Васильевич выколупывал из банки большим охотничьим ножом.

– Вкусно! – сказала дура-Женька, слизывая пащтет. – Вернусь домой, куплю себе десять банок и сразу съем!.. Вот будет красота!

– Понос у тебя будет, а не красота. – Диман разом проглотил свою порцию и разозлился – еда уже кончилась, а он даже не заметил, что она была.

– А ночью волк приходил, я слышала! – похвасталась Женька. – Правда-правда! С той стороны. Терся о палатку. А может, медведь.

– Если бы медведь приходил, нас бы уже не было, – мрачно отозвался Степан.

– Почему? – перепугалась дура.

– Сожрал бы, – объяснил Степан и обвел глазами людей. – Мужики, давайте решать, чего делать будем.

– Вы как хотите, так и решайте, а я в Галыгино пойду. С меня хватит, – заявил Петечка.

– Ты, Петь, не горячись, тут как следует подумать надо. – Сергей Васильевич аккуратно приладил отогнутую жестяную крышку, а банку припрятал. Диман проводил ее глазами и тяжело сглотнул. – Если дальше метель разойдется, идти нельзя, а прогноза мы не знаем. И одному – куда?.. Всем вместе надо.

– Да как вместе, если у нас, блин, инвалид?!

– Предлагаю нам с Василичем пойти, а остальным остаться. Мы без рюкзаков в два счета до людей добежим, – и Степан твердо посмотрел на Володю, который собрался возражать. – Ну что, что?.. Какой из тебя ходок? Ты хоть сейчас-то логику включи!.. Командир, тоже мне...

Сергей Васильевич облизал ложку, осмотрел ее со всех сторон, вытер о штаны и сунул за ремень.

– Я не пойду.

– Как?!

– Ребят, – это Алла Ивановна вступила, ясное дело! – Во-первых, для начала нужно попробовать всем вместе дойти. Ты как, Володь? Сможешь?

– Смогу, – сказал тот, хотя был абсолютно уверен, что не сможет, и ему показалось, что все это поняли.

– За помощью посылать надо самых опытных. Опытных у нас...

– Сами, что ли, набиваетесь? – Петечка от отчаяния, что его не берут, не берут в Галыгино, до которого рукой подать, а там люди, печка, дизелек и сало с хлебом, чуть не рыдал. Он чувствовал близкие слезы, злые, горячие, даже голос у него изменился. – Я все равно уйду, уйду!..

– Ну и сгинешь.

– Я не сгину! Это вы тут все!..

– Петь, ну чего ты? – «девочкиным» голосом спросила Женька, придвинулась к нему и взяла за руку. – Чего ты злишься-то так? Ну, подумаешь, метель, она же не навсегда! Переждем да и пойдем себе, как раньше! А сейчас отдохнем пока...

Петечка вырвал руку.

– Тебе надо, ты и отдыхай, а я пойду!

– Володя, давай попробуем ботинок надеть и на лыжи встать, – предложила Алла Ивановна как ни в чем не бывало, и Петечка понял, что все будет так, как они скажут – она и Сергей Васильевич, – и их придется слушаться! И Степан это понял, и Володя.

На попытку приладить ботинок и лыжи ушло довольно много времени. Сильно мело, снег набивался в нос и рот, лепил под воротники и шапки, пальцы, стоило только сдернуть перчатку, моментально стыли, как будто их судорогой сводило.

Кое-как поставив Володю на лыжи, попробовали двигаться, и вначале даже получилось!..

– Василич, вы идите потихоньку, – прокричала Алла Ивановна, отворачиваясь от снега, – а мы лагерь свернем и догоним! Только направление держите!

– До темноты все равно не успеем!

– С богом!..

Лагерь свернули в мгновение ока, как будто от этого зависела жизнь, и двинули – первый Степан, последняя Алла Ивановна, подгонявшая никчемушную Женьку. Володю и Сергея Васильевича догнали быстро, идти они почти не могли. Обезболивающее действие Марининой ампулы заканчивалось, Володя старался терпеть, и все силы у него уходили на эти старания.

– Сколько мы прошли?

Алла махнула рукой.

Попробовали по-вчерашнему – Володя в середине, по бокам Степан и Диман, волочившие его под руки. Так шли еще какое-то время, медленно, монотонно, ничего не менялось перед глазами, только снег на земле, на небе и в воздухе.

Только снег, и больше ничего.

Потом вдруг Диман нелепо взмахнул руками – палка отлетела в сторону – и пропал.

Никто ничего не понял.

– Там вроде овраг! Он в овраг скатился!

– Стоп! Всем стоп!..

– Володя, стой на месте и не двигайся! Степа, держи его!..

– Дима-а-а! Дима! Где ты?!

Алла Ивановна сбросила с плеч рюкзак, подобралась, осторожно перебирая лыжами. Они тонули в свежих сугробах.

– Я здесь. Я жив.

– Встать можешь?!

Алла начала шаг за шагом спускаться по откосу, за ней, ступая по ее следам, двинулся Сергей Васильевич.

Петечка подошел поближе к Степану.

– Ты что, не видишь, куда прешь?! Походник чертов!

– Ничего я не вижу, – огрызнулся Степан, на котором, тяжело дыша, висел Володя. Он то и дело прикрывал глаза, подтягивал ногу, как раненая собака, и казалось, что он вообще ничего не понимает.

– Они нас угробят, ты понимаешь или нет?! – опять заорал Петечка. – Они нас всех угробят! За подмогой надо идти, а не ковыряться тут!

– Может, все же Диме помочь? – влезла Женька. – Он же такой большой! Как он вылезет?

– Там без нас помощников хватает! Все! Я ушел!

– Стой, куда, придурок?!

– Я не желаю тут с вами сдохнуть! Я пока в своем уме!

Тут на уровне их ног показались две головы – совершенно одинаковые головы в капюшонах, шапках, застегнутые почти до глаз.

– Мужики, помогите!

Степан стряхнул Володю, который тут же сел в снег, и вдвоем с никчемушной Женькой за руки они вытащили Димана. Следом выбралась Алла.

– Димочка, ты не ушибся?
– Я лыжу потерял.
– Как?!

– Отстегнулась и уехала, как, как!..
– Там Сергей Васильевич ищет, – бодро сказала Алла Ивановна. – Слава богу, руки-ноги целы.

– Мы все тут замерзнем.
Они повернулись и посмотрели.
Володя сидел на снегу, закрыв глаза, и вид у него было неважный.

– Мы все замерзнем до смерти.
– Володя, ну что ты говоришь?.. Ну конечно, мы не замерзнем! Мы костер разведем, тепло будет, – сказала Женька.

– Заткнись, дура, – сквозь зубы велел Степан. – Так. Я иду за помощью. Кто со мной?
– Я! – моментально отозвался Петечка и скинул рюкзак.
– Хватит дурака валять, – жестко сказала Алла Ивановна.
– Мы не собираемся торчать тут и ждать, когда вы нас погубите! Мы уходим.
– Этого нельзя делать.
– Все, поруководили – и хватит! Теперь моя очередь. – Степан весь преобразился, подобрался, подтянул завязки на штанах, поглядывая на Петечку. – Если будешь отставать, возвращайся. Засеки направление. Я с тобой возиться не буду, некогда мне.

– Я не отстану.
Марина, присев на корточки, шупала Володину ногу. Он не открывал глаз.
– Ставьте палатку и ждите подмогу, – продолжал Степан. – Все, я ушел.
– А как же мы? – спросила Женька «девочкиным» голосом. – А если на нас волки нападут?..
– Не нападут!
И они ушли!..
Какое-то время, очень недолго, в метели маячили красные куртки, а потом исчезли, растворились.

Из оврага показался Сергей Васильевич с лыжей в руке.
– Глубоко зарылась, – кряхтя выговорил он, выбираясь. – Ты, Диман, видать, когда падал...
Он оглядел притихших людей.
– Е-мое!.. Ушли?! Ал, ты куда смотрела?! Пропадут ведь теперь!
– Мы все пропадем, – сказал Володя. – Точно!
– Так, поднимайся, парень, и двинем потихонечку! Давай-давай!..
– Я не могу.
– Чего там не могу, когда надо! Дим, лыжу-то надевай! Рюкзаки бери. Вот козлы, налегке ушли, всю снарягу бросили!.. Ах ты, мать честная! А если ночевать придется? Ни топоров, ни спичек не взяли! Ал, куда смотрела?!
И тут истошным голосом завопила Женька.
– Волки-и-и!.. Волки-и-и!!!
Марина качнулась и повалилась в снег. Диман схватил палку и занес ее над головой. Сергей Васильевич молниеносным движением выхватил нож. Алла бросилась к Женьке.
– Волки-и-и! – кричала та. – Спасите-е-е!
Крупный волк неторопливо и как-то вальяжно трусил довольно далеко, на границе видимости, почему-то почти не проваливаясь в снег. Остановился, подумал и повернул в их сторону. Тут он увяз, но все равно приближался стремительно, как будто плыл саженками.
– Спасите! – пикнула Женька.

– Тихо! Он не подойдет. Нас много.

Тем не менее волк приближался. Марина вскочила и стала тащить Володю, который изо всех сил старался встать, но у него не получалось.

– Я боюсь его, боюсь!

– Фу ты! – вдруг выдохнул Сергей Васильевич и опустил руку. – Ох ты...

– Это не волк, – быстро сказала Алла. – Это не волк, ребята, это собака!..

Невиданный зверь сделал еще прыжок и остановился. Вильнул хвостом и двинулся снова, ныряя в снег.

– Собачка, – пролепетала Женька и всхлипнула. – Ты правда собачка?

Пес приблизился, снова повилял хвостом, как будто приветствуя, обошел людей – они сторонились и смотрели на него во все глаза.

– Выходит, жильё близко? – сама у себя спросила Алла Ивановна. – Иначе откуда в лесу собака?

Пес фыркнул, мотнул башкой и ринулся прочь по целине, туда, откуда пришел.

– Собачка! – закричала Женька. – Постой, ты куда? Отведи нас к людям!

– Жень, не голоси, – велела Алла. – Подождем, посмотрим.

– Ушел, – прошептала Марина. – И этот тоже нас бросил.

Все молчали, смотрели зверю вслед.

– Странное дело.

– А может, это наши уже дошли? Может, тут все рядом? – затараторила Женька. – А? Люди, трактора, собаки! Может, они сейчас тоже придут?

Метель, от которой ломило в глазах и звенело в ушах, и больше ничего и никого не было видно, сколько они ни всматривались.

Нужно продолжать двигаться, но все как-то разом обессилели, даже разговаривали с трудом.

– Это из-за меня, – мрачно сказал Диман. – Надо было под ноги смотреть.

– Какая теперь разница.

– Ну он же вернется? Собачка вернется?

– Мы не знаем. Собираемся и пойдем потихоньку.

Никто не заметил, как из метели вынырнул лыжник – самый обыкновенный лыжник в красном комбинезоне, шапке и очках, как будто совершавший здесь, в уральских горах, увеселительную прогулку. Сквозь метель он двигался свободно и спокойно, а перед ним бежал давешний пес!..

Женька увидела их первыми, стала хрипеть, давиться и показывать рукой, люди оглянулись и замерли.

– Здравсте, – прокричал человек издалика, подошел, как-то по-особенному ставя лыжи, и задрал на лоб очки. – Откуда путь держите?

Какое-то время все таращились на него, как будто с неба спустился марсианин, и понятно, что это именно марсианин, но все страшно рады его видеть, а потом разом заорали:

– Мы в походе! Уже десять дней! Мы рацию утопили!

– У Володи растяжение и лыжа сломана! Идти не может!

– Мы в Галыгино идем! И у нас еда почти кончилась!

– А вы откуда? Здесь что, жильё поблизости?

Лыжник слушал совершенно спокойно, пес крутился возле него, махал хвостом.

– Надо нам поторапливаться, – сказал лыжник как ни в чем не бывало, когда все перестали орать, – штормовое предупреждение еще вчера объявили. У вас... только один ранен?

– И еще двое за подмогой ушли.

Лыжник присвистнул. Сергей Васильевич выпростал из перчатки руку и протянул лыжнику.

– Здравствуйте. Сергей Васильевич меня зовут.

Лыжник тоже стянул перчатку и пожал его руку.

– Марк. Давно ушли?

– Да уж... с полчаса. В сторону Галыгина. Компас у них с собой, а рюкзаки они бросили.

Если метель их застанет, плохо дело, заночевать не смогут...

Лыжник по имени Марк подумал немного и подозвал свою собаку.

– Вик, домой! Домой, Вик.

Пес как ни в чем не бывало повернулся и, извиваясь в снегу, стал большими прыжками уходить в метель.

– Он не заблудится? – спросила глупая Женька. Всем было страшно, что собака уйдет, и этот человек уйдет тоже, и они опять останутся одни.

– Не заблудится, – Марк мельком улыбнулся. – Тут все близко.

– Как близко?!

– До лыжни метров двести, и по лыжне два восемьсот.

– До какой... лыжни?

Не отвечая, Марк присел на корточки перед Володей, осмотрел его ботинок и лыжу и вдруг сказал:

– Склеена хорошо, отлично просто!.. Ну, пошли.

– Откуда тут лыжня? – спросила Алла Ивановна. – Вы... точно знаете? До Галыгина пятнадцать с гаком, а вы говорите два!

– Два восемьсот, – поправил Марк. – До нашего кордона. До Галыгина не дойти, через перевал сейчас никак.

– Так наши в Галыгино ушли!..

– Догоним, – сказал Марк. – Догоним и вернем, не беспокойтесь.

Профессиональным движением он сдернул с плеча двустволку, на которую никто поначалу не обратил внимания, выстрелил в воздух и – оп-ля! – двустволка как будто сама по себе вернулась ему за спину.

– Ой! – Женька зажала уши ладонями. – Ой, как громко!

– Это хорошо, что громко, – успокоил ее Марк. – Зато кому надо, все услышат. На всякий случай. Хотя Вик Кузьмича и так приведет.

– Я не могу идти, – сказал Володя. – Я не могу, понимаете?

– Вставай, – велел ему Марк. – По целине потерпишь, а там легче будет. Ну, давай, давай!..

Он говорил и двигался столь уверенно, и ни у кого не возникло сомнений в том, что все будет именно так, как он говорит.

– Парень, бери рюкзак. И ты, Сергей Васильевич!

– А Володю кто поведет?

– Сам пойдет, – сказал Марк. – А я помогу немного. Растяжение, подумаешь!

– Откуда вы знаете? Вы что, врач? – пробурчала Марина. Ей казалось, что очень уверенный в себе спасатель по имени Марк не верит или не понимает, что Володе больно, на самом деле больно!

– Я не врач, но это не важно. Пошли!

И они пошли!..

Марк вел Володю, держа обе свои палки в одной руке, они шли, почти обнявшись, в ногу, равномерно покачиваясь, и Марина, которая смотрела им в спины, все боялась, что Володя упадет.

Но он не упал.

Совершенно неожиданно лыжи перестали проваливаться, и это было так странно – как будто они из воды выбрались на сушу! Не утонули, а, наоборот, спаслись!

– Ну, вот и лыжня, – сказал Марк как ни в чем не бывало. – Сейчас Кузьмича дождемся, и я за вашими отщепенцами сбегаяю.

– Как... сбегаете? – спросил Диман.

– Откуда здесь лыжня? – спросила Алла.

– Володя, ты как? – спросила Марина.

– А ваша собака точно не заблудится? – спросила Женька.

Марк палкой показал куда-то в лес.

С горки сквозь снег несся пес, белый хвост мотался в метели, а следом мчался еще один лыжник!..

Он не шел, а именно мчался, снежные вихри крутились за ним, и Алла Ивановна вдруг заплакала громко, изо всех сил.

Это было так неожиданно и так странно, что вся группа уставилась на нее.

– Ничего, ничего, – выговорила она и вытерла глаза рукавом. – Это я... так.

Человек подкатил, затормозил, «плугом» сведя концы лыж, поднял очки на лоб и спросил будничным тоном:

– Ты чего стрелял, Марк?..

– Один ногу растянул так, что идти не может, а еще двое в Галыгино ушли.

– Давно?

– Полчаса или чуть больше.

Они говорили, одновременно в четыре руки развязывая и открывая рюкзак, который принес второй. Туристы стояли, обступив их, безвольные и обессиленные. Алла Ивановна шмыгала носом.

В мгновение ока спасатели вытащили и раздали крохотные бутылочки, велев всем выпить. Все послушно выпили. В бутылочках была какая-то гадость, похожая по вкусу на фруктовый кисель. Из аптечки извлекли шприц.

– Что это? – встрепелась Марина.

– Блокада. Чтoб ваш раненый до дома дострадал.

– Я утром ему колола анальгизин и...

Тут Марк и его напарник засмеялись – и Марине опять показалось, что смеются они обидно и именно на Володин счет!

– Анальгизин – это так, для самоуспокоения. А мы сейчас уколем, чтоб идти можно было!

– Давай сюда конечность, парень!

Марк всадил в Володину голень шприц прямо сквозь многочисленные штаны. Тот дернулся.

– Терпи, ну что ты? – укоризненно сказал второй, забрал шприц и аккуратно убрал обратно в рюкзак. – Сейчас быстрее ветра побежишь. Одно дело, что в подъем.

– Да какой там подъем, Кузьмич.

– Да какой ни есть, а они, видишь, все раскисли.

– Мы дойдем! – «девочкиным» голосом пообещала Женька.

– Вот ты умница какая! – похвалил Кузьмич. – Конечно, дойдем, никуда не денемся.

Моментально они собрали рюкзак и поменялись – Марк отдал напарнику ружье, а тот ему рюкзак и рацию. Потом Кузьмич выдернул откуда-то карту.

– Вы с гавриками где расстались? В картах кто понимает?

Алла подошла к нему и Сергей Васильевич тоже.

Карту трепало ветром.

– Ночевали мы вот здесь, а ушли они... Алла, глянь... Вот отсюда. Это овраг, да?

– По-моему, да. Мы после них совсем немного прошли!

– Так это рядом все.

– Не-ет, – протянула Женька. – Это же, наоборот, далеко! Ну что вы?!

И дядьки посмотрели на нее с жалостью, как на убогую.

– Володя, – вмешалась Марина, на которую никто не обращал внимания, а ей хотелось, чтобы обращали. – Ты можешь идти?

– Могу.

– Точно?

Вместо ответа Володя оттолкнулся палками и прошел немного.

Кузьмич почесал бровь.

– Да по лыжне одно удовольствие!.. Хоть снежком и присыпало маленько.

– У него же нога...

– А у меня две, – сказал Кузьмич обидно. – Марк, ты... того. Отсюда влево забирай, их как пить дать влево снесло. Где вещи?

– Какие вещи?

– Гавриков ваших!

Алла подтащила Петечкин рюкзак.

– Вик, нюхай.

Пес, все время крутившийся рядом, подошел и понюхал. Алле показалось, что он ухмыльнулся и кивнул – должно быть, из-за морочной метели так показалось!..

– Ищи, Вик! Ищи!..

– Марк, связь в пятнадцать. Ракетница с правой стороны. Волокуши где всегда.

– Понял, Кузьмич.

– Я до кордона их провожу и подскочу. Сигнализирую.

Марк опустил на глаза очки – и как не было их, – ни его, ни волшебной улыбающейся собаки. Напарник немного поглядел им вслед, вздохнул и обвел глазами оставшихся.

Марине показалось, что он сразу сделался недоволен.

– Ну, двинем, что ли, экскурсанты?.. За мной, за мной! Тут слегка в горочку, зато по лыжне! Ты, дядя, замыкающим пойдешь, – велел он Сергей Васильевичу.

– Откуда среди леса такая лыжня? – Алла задыхалась, но старалась идти вровень с Кузьмичом.

– От ратрака. Мы ратраком прокладываем.

– А вы – это кто?

– Кузьмин Павел Николаевич мы, – представился Кузьмич. – А этот ваш давно конечность повредил?

– Вчера утром. Мы после этого почти ничего не прошли, метель началась.

– Бог милостив, это пока еще не метель. А гавриков зачем от себя отпустили?

– Они нас не спрашивали. Сами ушли.

– Насвоевольничали? – удивился Кузьмич. Он очень старался не торопиться и все время думал о Марке. – А руководитель группы чего проглядел?

– Вон наш руководитель. – Алла показала палкой на Володю, который шел бодро, даже не хромал.

– Да ладно! Правда, что ли?

Алла на ходу покивала.

– Чудеса! Что это за группа такая?!

Алле не хотелось рассказывать про группу, неловко было, но все же пришлось:

– Из Интернета.

– Чего такое?!

– Группа собирается в Интернете. Есть специальные сайты для походников.

– Не для походников, а для покойников! – вдруг с сердцем сказал Кузьмич. – Кто это из Интернета сразу на зимний Урал прет?!

Алла пожала плечами.

Теперь, когда отпустили ответственность и страх, она вдруг почувствовала себя очень усталой, старой, немытой, голодной. Пятка левая стерта почти до мяса – носок порвался, а она не стала останавливаться, поленилась, хоть и знала, что с ногами шутки плохи. Спина болит, перетрудила. Палец давеча обожгла у костра, когда клей для Володиной лыжи грели, саднит.

Который раз она себе повторяет – больше никогда в жизни, какие походы, сорок два года, на печи давно пора лежать, и все равно идет!..

Кузьмич оглянулся на растянувшуюся группу и закричал зычно:

– Работаем, работаем в подъем! Не отставай, дядя!.. Подтягиваемся! Раз, два! Раз, два!

Алла понимала, что вопрос глуп, в духе Женьки, но все-таки спросила:

– А ваш Марк найдет Петю и Степана?

– Авось не иголка в стоге сена, найдет. Через перевал они уйти не могли, и Вик не подведет.

Алле казалось, что она ни за что не залезет в затяжной подъем, силы кончатся, упадет, и тут ей конец придет. То и дело она оглядывалась и приостанавливалась, как будто чтоб посмотреть, как там Женька. И Марина останавливалась, хотя Володя шел впереди и даже не оглядывался, и ей приходилось делать вид, что она тоже смотрит на Женьку. Диман пыхтел, сопел и не произносил ни слова – очень старался.

Кузьмич всех подгонял.

Сердце стучало часто и гулко, как будто работал дизельный движок – ту-ту-ту-ту-ту!..

А потом вдруг из-за ближайших деревьев взметнулась ракета, бабахнула в небе, озарив снег и елки красным.

– Да чего ты палишь, мы уж тут! – под нос себе пробормотал Кузьмич и снова группе во весь голос: – Терпим, терпим, почти пришли!..

Деревья расступились, и из метели, совсем близко, вырисовался островерхий дом. Окна светились, и дизель стучал – ту-ту-ту-ту!..

Дизель, а вовсе не сердце.

Кузьмич взял рацию и сразу ушел, оставив группу на попечении безмолвной фигуры в расшитом бисером свитере и мягких меховых сапогах. Фигуру звали Зоя Петровна.

– Гляньте, чего там у одного с ногой! – с крыльца велел Кузьмич. – И эмчээсовцам сообщите, что туристы на нас вышли, еще двоих сейчас приведем.

Алла Ивановна как села в коридоре на пол, так и осталась сидеть, а Диман лег лицом вниз. Марина стягивала с Володиной ноги ботинок. Сергей Васильевич таскал в сени рюкзаки, а Женька стояла возле голландской печки, и ее с головы до ног была дрожь.

Безмолвная Зоя Петровна помогла Сергею Васильевичу перекидать рюкзаки, вошла и аккуратно прикрыла за собой обе двери – уличную и в сени.

– Я не могу, – лежа на полу, выговорил Диман. – Я больше не могу.

Мягко и неслышно ступая, Зоя Петровна перешагнула через Димана, подошла к Женьке и, поворачивая ее, как куклу, стянула перчатки, шапку и комбинезон. Женька не сопротивлялась. Покидав вещи на пол, Зоя Петровна перешла к Марине.

– Я сама, – вяло сказала та. – Не надо, что вы.

Зоя Петровна раздела и ее тоже, а Алла не далась. К тому времени, когда та подступила к ней, она уже стаскивала рейтузы.

– Куда положить?

Молчаливая Зоя Петровна подбородком указала на кучу вещей.

С Диманом вышло сложнее, он был большой, тяжелый и не понимал, чего от него хотят, но Зоя Петровна справилась. Некоторое время посмотрев на Володю, который был почти в обмороке, она приняла какое-то решение, раздевать его не стала и сказала негромко:

– Женщины, за мной ступайте.

Подталкивая впереди себя Женьку и придерживая под руку Марину, Зоя Петровна куда-то повела их, и Алла поплелась за ними. Брели в полумраке довольно долго, спускались, держась за полированные перила и путаясь ногами. Женька все тряслась.

Хозяйка – или кто она?.. – открывала перед ними двери, и вдруг оказалось, что они пришли в баню!

– В чане кипяток, в кадушке ледяная, – проинформировала хозяйка. – Сами справитесь или мыть вас?

– Сами, – хриплым голосом сказала Алла. – Мы сами, спасибо!

Даже в предбаннике было жарко, раскаленный воздух, пахнувший хвоей и свежей водой, забил нос. От неожиданного и щедрого тепла у Аллы волосы на голове зашевелились и тело покрылось мурашками.

Торопясь, как будто баня и тепло могут исчезнуть, пропасть, оказаться видением в ледяном метельном лесу, Алла затолкала Женьку и Марину в парную – они сразу повалились на выскобленные добела полки – и стала поливать их по очереди из ковшика.

– Господи, – прошептала Женка, слизывая с губ воду, – как хорошо... А вода не кончится?

Воды было полно, в каменной печи пылали дрова, в ушате мокли веники, в предбаннике стопкой лежали махровые полотенца – почти до потолка.

Куда они попали? В рай?! Именно так выглядит рай для замерзающих на Приполярном Урале туристов?!

Неизвестно, сколько прошло времени, должно быть, много, потому что, когда в очередной раз они выбрались в предбанник и рухнули в изнеможении на лавки, открылась дверь, и на пороге возникла давешняя Зоя Петровна.

– Не угорели? – осведомилась безразлично. – Нету вас и нету.

Она прошла и распахнула двойную форточку, в которую сразу повалил морозный пар. Женька сунулась к форточке – дышать.

– Женя, простынешь, – вяло сказала Марина.

– Мы уже выходим, – и Алла Ивановна заискивающе улыбнулась Зое Петровне. – Пора, да?

– Давно пора. Вещи здесь берите, – и хозяйка распахнула решетчатую дверь шкафа. – Снизу штаны, сверху свитера. Носки вон там.

– А наши? Наши вернулись?

Женька на лавке пристраивалась спать, и Марина из последних сил таращила слипающиеся глаза. Алла заставила их одеться, и по скользкой полированной лесенке они забрались наверх в широкий коридор, освещенный единственной лампочкой.

За толстой стеной дома, сложенной из круглых бревен, что-то сильно бабахнуло, коридор на мгновение залило красным, а Женька шарахнулась и вскрикнула:

– Ой!

Распахнулась дверь в сени, появилась Зоя Петровна и объявила:

– На подступах!..

– Где Володя? – спросила Марина. Ей было стыдно, что она совсем про него позабыла.

– Это который же Володя?

– У которого... который ногу повредил.

– Спит, – проинформировала Зоя Петровна. – А вы идите поешьте.

– Как спит?!

– Как люди спят. Умаялся. До утра не проснется.

– А Дима?

– Тоже задремал. Потом разбужу, с мужиками в баню сходит, и я его до утра положу.

– А мы... где? – это Алла Ивановна спросила. – Что это за место?

– Кордон «полста-три», – ответила хозяйка, как будто это все объясняло. – Туда проходите.

Путаясь в чужих слишком длинных брезентовых штанах и волоча за собой Женьку, Алла пошла, куда показала Зоя Петровна, и пришла в просторную, в несколько окон кухню. И это была такая кухня, что Алла остановилась на пороге, Женька с разгону клюнула ее в спину.

Всю середину занимала огромная, сложенная из речных камней плита с медным колпаком вытяжки над ней. В колпаке плавал свет отраженной лампы, а в плите пылали дрова. На закопченных конфорках помещались чугунок и сковорода диаметром, должно быть, в метр, и в ней что-то жарилось, пахло так, что у Аллы помутилось в голове от голода и вожделения. В буфетах с деревянными резными заборчиками были расставлены кувшины и тарелки, их отмытые цветастые морды улыбались. В простенке висели картины. В высоких, по пояс, подсвечниках горели толстые свечи. Длинный деревянный стол, выскобленный, как и стены, добела, терялся вдаль. За ближним его концом сидел Сергей Васильевич, согнувшись в три погибели, и ел. Он оторвался только на секунду, оглянулся, промычал невнятное и продолжал есть.

– К столу, – пригласила хозяйка.

Алла Ивановна отодвинула ближайший стул – тяжеленный, будто из чугуна, – и приткнулась. И Женьку рядом приткнула.

Без Женьки она чувствовала себя совсем неуверенно.

...Как это называется? Кордон «полста-три»?..

Развернулась скатерть-самобранка, сами собой из воздуха явились цветастые тарелки, салфетки, длинные граненые стопки, стаканы, кувшин с морсом и штоф водки.

Алла потрясла головой. Женька осторожно потрогала тарелку. Марина выпрямила и без того прямую спину. Сергей Васильевич ел.

В чугунке оказалось тушеное мясо, а в метровой сковороде жареная картошка.

Тут стало ясно, почему Сергей Васильевич не может ни говорить, ни двигаться. Еда оказалась так вкусна, что ничего этого делать не стоило, можно было только есть, есть, наслаждаясь, насыщаясь, тяжелея, соловея!..

– Как вкусно, – простионала Женька с набитым ртом. – Ох, как вкусно! Вот спасибо-то! Что это за мясо такое необыкновенное?

– Как что? Кабан.

– Какой дивный кабан!.. Вот молодец кабан!

Они ели еще долго, и, должно быть, лопнули бы, но тут где-то в отдалении загремело, застучало, бабахнули двери, забасили голоса.

– Что это? Наши пришли? – спросила Алла, перестав жевать, но безмолвной Зои Петровны уже и след простыл.

Алла бросила вилку, отодвинула тяжеленный стул, и Марина стала подниматься, и даже Сергей Васильевич, а Женька все продолжала жадно запихивать в рот мясо и только пробормотала виновато:

– Я сейчас, сейчас.

Они друг за другом выбрались в коридор, где было очень много народа, холодного воздуха, рюкзаков, лыж, запаха леса, где между людьми моталась улыбающаяся собачища, хвост мел по бревенчатым стенам, коленям и наваленным вещам, и столпились растерянной кучкой.

– Управились, мужики? – спрашивала Зоя Петровна буднично, принимая лыжи, палки, двустолвку.

– Нормально все, – отвечал кто-то из них. – В обратную сторону долго ковырялись. Ветер встречный и подъем.

– Баня топлена.

– Подождите, Зоя Петровна, что-то я без сил.

– Ты?! – Это уже другой удивился. – Когда ты в последний раз был без сил, Марк?

– Кузьмич, эмчеэсовцам доложи, что все на месте.

– Доложено, – проинформировала хозяйка. – Вы как в горку стали подниматься, я на связь вышла, упредила.

– А вы откуда знали, что мы в горку стали подниматься, а?!

– Мне ли не знать.

Скрипели двери, все двигались, шевелились, возились, и в тусклом свете единственной лампочки растерянная Алла никак не могла рассмотреть ни Петечку, ни Степана.

– Велено передать прогноз. Первый заряд прошел, к утру уляжется. А потом второй придет, серьезный, – доложила Зоя Петровна.

– Да ну их к шутам! Опять заряд!

Кузьмич прошагал в глубину коридора и тут только заметил толпу ранее спасенных.

– Приветствую! – зычно провозгласил он и сдернул с бритой башки красную вязаную шапку. – Живы? Целы? Сыты? Мыты?

И Алла, и Марина и даже глупая Женька смотрели на него во все глаза. Женька, кажется, икнула.

Лесной человек с хриплым голосом выпивохи и распоряжался, который был так недоволен тем, что вынужден их спасать, который понукал их, как пастух стадо ленивых баранов, без лыжных очков, куртки до глаз и шапки до носа оказался совсем молодым, обветренным, загорелым, сероглазым!..

– Чего такое? – спросил он, оглянулся и дернул плечом – не понял, почему они на него уставились. Потом зачем-то сунул Алле узкую длинную красную ладонь и представился заново: – Кузьмин Павел.

– Алла, – глупым «девочкиным» голосом отозвалась Алла Ивановна.

Кузьмич, оказавшийся Павлом, немного подержал ее руку, потом выпустил и скрылся за одной из многочисленных дверей и там загрохотал.

Алла посмотрела на свою ладонь.

– Получите отщепенцев! – весело сказал второй и как-то странно, как будто за шкуру, выволок на середину коридора Петечку и Степана.

Петечка был совсем плох – бледен до зелени или до синевы, или так показалось под светом единственной лампочки? Он все время сглатывал, кадык ходил ходуном, глаза как будто подернуты пленкой, словно у умирающей птицы, колени подгибались.

Степан то и дело наклонялся вперед, упирался руками в колени, словно не мог отдышаться.

Зоя Петровна уже ловко расстегивала на нем куртку, стаскивала ее с плеч, поворачивала его в разные стороны.

Марина подошла, взяла Петечку за руки и посмотрела в глаза.

– Петя! Петя, ну!

– Ничего, – сказал Марк. – Он идти совсем не мог, я его всю обратную дорогу на себе волок.

– Вот и без сил, потому что его на себе волок! – громко заявил из-за стены Кузьмич. – Чего в такие походы соваться, если на ногах прямо стоять не можешь?!

– Петя, посмотри на меня! Степа, все закончилось! Все в порядке. Не знаю, может, глюк-козы им уколоть? – озаботилась Марина.

– Вон у нас в углу кактус японский! – Кузьмич возник в коридоре, в руках у него был трос, который он наматывал на локоть. – Можно на кактус посадить, эффект будет тот же самый!

– Отстань от них, Кузьмич.

Тут они все как по команде повернули головы и посмотрели на второго. Он усмехнулся.

– Здравствуйте, дамы.

Этот второй тоже оказался обманщиком!.. Широкоплечий, поджарый, как будто из цельного куска отлитый, темные отросшие волосы падают на глаза. Он улыбался, и у глаз собирались мелкие морщины, которые не старили его, наоборот, от них он казался совсем молодым, странно молодым.

...Как это называется? Ковчег «полста-три»?.. Учет, нет, кордон!..

– В баню, мужики. Я ту истопила, которая в доме.

– Правильно сделали, Зоя Петровна. До дальней в метель не дойдешь.

Тут все разом пошли куда-то и потащили за собой Петечку и Степана, так и не произнесших ни звука, и Сергей Васильевич, про которого все забыли, потопал следом, – Алла Ивановна, Марина и Женька посторонились, встали к стенам.

– А можно я пойду и еще немножечко поем? – на ухо спросила Женька Аллу.

– Чего ж нельзя, – отозвалась издали все услышавшая Зоя Петровна. – Милости просим.

Она за руку привела Димана, который шурился на тусклый свет и тыкался по сторонам.

– Туда ступай, за мужиками.

– Куда мы попали? – Марина подошла к перилам и посмотрела вниз, куда уходили ступени полированной лесенки. – Где мы?.. Что это за место?..

Их разбудил нарастающий мерный рокот – тра-та-та-та. Чуть отдалится и снова нарастает – тра-та-та-та.

– Выключите, – прохныкала Женька, не просыпаясь. – Ну что такое?..

Алла открыла глаза, уверенная, что кордон «полста-три» ей привиделся во сне, и ожидая увидеть мутный полумрак и нейлоновый полог палатки, присыпанный сверху снегом.

Нет никакого полумрака и нейлонового полога.

В большой комнате светло и очень свежо. Стены, сложенные из круглых бревен, большое окно, а за окном все белым-бело и елки, засыпанные снегом.

Алла села. Все тело гудит, как под напряжением, ноги и руки ватные, чужие. Она потерла лицо – изо всех сил.

Рокот опять надвинулся из-за окна и, делая над собой усилие, Алла встала, подошла и посмотрела.

Над лесом кружил вертолет – тра-та-та-та!..

Метели не было, сыпал мелкий частый снег, и сквозь этот снег на круглую расчищенную площадку с огромной нарисованной черным буквой «Н» заходил на посадку вертолет.

Алла прижалась лбом к ледяному стеклу, и внутри головы стало как будто немного просторней.

Высокий человек в красной куртке стоял возле площадки и, задрав голову, смотрел в небо.

– Что там такое? – спросили сзади, и Алла ответила:

– Вертолет.

Марина подошла и тоже стала смотреть. От ее дыхания стекло запотело, Алла протерла.

Вертолет примерился и аккуратно приземлился в центр буквы «Н». Снег разносило в разные стороны, человек отступал и закрывался рукой. Лопасты стали вращаться медленнее, их уже можно было различить. Поехала в сторону дверь, из кабины кто-то выпрыгнул и побежал к высокому человеку. С разгону они обнялись.

Пилот в стрекозином глазу кабины сдергивал наушники, показывал большой палец и делал какие-то знаки тем, кто снаружи.

Та-та-та, договорили лопасти и остановились.

– Куда мы попали, а? Может, это засекреченная военная база?

– Непохоже, Марин.

– Вы бывали на военной базе, Алла Ивановна?

Это спросила прежняя Марина, ироничная, немногословная, деловитая – врач до мозга костей. Не та, что вчера повалилась в парной на лавку, и Алле пришлось некоторое время отливать ее водой!

Женька спала на кушетке, разметавшись под лоскутным одеялом, как в обмороке, – рот приоткрыт, дышит редко и глубоко.

Кроме кушетки, были еще кровать, на которой ночевала Марина, и Аллин диван. Диван был разложен, и – убей бог! – Алла не могла вспомнить, кто и когда его раскладывал и как они все трое вообще попали в эту комнату!

– Может, вертолет за нами прислали?

– Кто прислал, Марин?

– Не знаю. МЧС.

Алла еще посмотрела на улицу. Двое шли по дорожке к дому, разговаривали, жестикулировали и смеялись.

– Вряд ли. Да мы все в него и не поместимся!.. Нужно выйти, узнать, что к чему.

– А где наши рюкзаки, не знаете?

Алла не знала. Она вообще ничего не знала и не понимала!

Тут ей пришло в голову оглядеть себя.

На ней были ее собственные трусы, которые она именovala «походными» – монументальные, крепкие, способные вынести любые испытания, – чужая футболка с вытертой надписью, а больше ничего.

То есть ее еще и раздели на ночь!

Она посмотрела на Марину – ту тоже раздели, – а потом обе они огляделись по сторонам. Возле спальных мест аккуратными кучками была сложена их вчерашняя одежда – брезентовые штаны, свитера и носки. У Аллы был белый свитер с узором, а у Марины черный с полосой.

...Чудеса. Чудеса в решете.

Нет, не в решете. Чудеса на кордоне «полста-три»!

Они проворно оделись и друг за другом, крадучись, как кошки, вышли из комнаты и оказались на лестничной площадке. В одну сторону уходил коридор, как две капли воды похожий на тот, в который их вчера по очереди затаскивали «лесные люди», а с другой была широкая дверь с совершенно неуместной, гладкой алюминиевой табличкой, извещавшей, что «Посторонним вход воспрещен. Только для персонала».

Некоторое время они изучали табличку.

– Для какого персонала? – почему-то шепотом спросила Марина. – Они тут все персонал, что ли?

Алла Ивановна ничего не ответила. Она хоть и не понимала происходящего, но весь ее жизненный опыт подсказывал, что люди на кордоне «полста-три» никакой не персонал, а именно хозяева.

Они держатся как хозяева, разговаривают как хозяева и выглядят как хозяева.

Только вот хозяева чего?.. Тайги? Приполярного Урала?

Внизу топали, доносились приглушенные голоса.

– ...Пурга к вечеру придет, второй заряд, а ты на вертолете!

– ...Да ведь успели до заряда, проскочили!

– ...Кто вас выпустил только!

– ...А мы без спросу, Кузьмич! Без спросу! Мы сами себе диспетчерская служба!

– ...Терпеть не могу самодеятельность эту!

– ...А кто ночует-то у вас?

– ...Да турье какое-то безмозглое! Понесло их в тайгу! Баб набрали в Интернете, и вперед!

– Надо спуститься, – решительно сказала Марина. – Я это слушать не желаю.

Алла Ивановна, пристроившись за ней, только вздохнула.

...Желаем мы слушать или не желаем, все равно придется. Потому что мы пострадавшие, а они спасатели. Мы навязались им на шею, а не они нам. Они метались по лесу за нами, а не мы за ними! Теперь держись.

Разговаривали, кажется, в кухне, и, когда Марина, а за ней Алла Ивановна показались на пороге, голоса смолкли.

– Доброе утро! – громко и уверенно сказала докторица. – Давайте знакомиться. Меня зовут Марина.

– Да уж день давно, – пробурчало из глубин кухни. – И мы вчера познакомились.

Павел-Кузьмич, Кузьмич-Павел стоял над бескрайней плитой из речного камня, опершись о край большими обветренными руками. В центре плиты топился самовар. Из самовара валил дым, уходил под колпак медной вытяжки. Собеседник Кузьмича, прилетевший на вертолете, среднего роста, крепкий, в золотых очках, сидел за бескрайним столом и поднялся, когда Марина вышла на авансцену.

Алле показалось... нет, она была совершенно уверена, что этого, в золотых очках, откуда-то знает, видела много раз, но она не могла его знать и видеть!..

– Игорь, – представился знакомый незнакомец. – Какие милые дамы!

– Да? – удивился Кузьмич. – Дамы, вы милые?..

Марина улыбалась очень определенной улыбкой.

Она терпеть не могла, когда посторонние, особенно мужики, фамильярничали и интелесничали, как будто имели на это право!

– Алла Ивановна, – представилась Алла.

– Обязательно по отчеству?

– Как угодно.

– А что? – наддал Кузьмич, посмотрел на нее и ухмыльнулся. – Я вот всю жизнь Кузьмич, и ничего, мне отлично.

– А где наши... товарищи?

– Ваши товарищи в сознание еще не приходили, – проинформировал Кузьмич. – Вы первые очухались.

– Может, кофейку? – Игорь предупредительно отодвинул стул, возможно, даже каблучками шелкнул бы, если б на унтах были каблучки. Блеснули в зимнем свете его золотые очки.

Все это напоминало сцену из спектакля.

Алла подошла и уставилась на самовар.

Кузьмич-Павел по одной подкидывал в самоварное горло щепки из плетеного короба, тянуло дымом, сладко, вкусно.

– Мы из Москвы, – продолжала Марина, старательно играя в спектакле. – Такой у нас поход в этот раз получился... неудачный.

– Как же неудачный? – Игорь сделал приглашающий жест и посторонился, пропуская ее. – Наоборот, удачный! Могли замерзнуть и не замерзли!.. Повезло.

– Наш командир в ручей провалился, лыжу сломал, – тут Марина вспомнила про Володю.

Господи, как она могла забыть, она же врач!.. У нее на руках пострадавший, а она спит, ест, ведет никчемные разговоры!

– Где Володя?

– Спит Володя, – ответил Кузьмич.

– Не может быть, у него сильно травмирована нога. С такой болью...

– Нету у него никакого боли, – сказал Кузьмич, морщась от дыма. – Мы ж с Марком его вчера кололи! Он и спит.

– Да, но действие препарата должно закончиться...

– Как закончится, так он встанет.

– Можно? – спросила Алла и вытащила из короба щепку. Ей очень хотелось тоже топить самовар.

– Ну, подложите. Он сейчас закипит.

– А Марк где? – поинтересовался очкастый Игорь.

– Где ему быть! На трассе. Как ветер улегся, так и ушел.

– Мне бы поговорить с ним, – став озабоченным, сказал Игорь. – И с тобой тоже. Я за этим и прилетел.

– Да ясное дело, что не на нас любоваться!.. Вернется, поговорим. Он сегодня часа на два. Вчера не добрал! Хотя с этими гавриками ухандокался. Вы чего желаете – чай, кофе?

– Кофе, – ответила Марина, обидевшись на то, что Марк вчера с ними «ухандокался».

– Чай, – сказала Алла, решив, что чай у них наверняка таежный, вкусный.

Еще один человек в унтах и распахнутом летном реглане возник в кухне. Он вволок громоздкие рюкзаки – в каждой руке по одному, желтый и красный.

– Здравия желаю, – сказал человек. – Игорь Ильич, добро куда девать?

– Давай сюда.

Человек опустил рюкзаки на пол, в них что-то грохнуло, как будто они были нагружены камнями.

– Антон, – представился человек в реглане и посмотрел на Аллу без всякого интереса, а на Марину с некоторым намеком на интерес.

– Это наш летчик-вертолетчик, – подхватил Игорь. – Между прочим, отличный пилот! Рекомендую. Если кому-нибудь понадобится куда-нибудь полететь по срочному или секретному делу, обращайтесь только к нему! Не подведет.

Алле Ивановне почудилась в этой рекомендации какая-то фальшь, неправда, как будто очкастый Игорь за что-то был недоволен своим пилотом и давал ему понять, что недоволен.

Летчик-вертолетчик скинул реглан на ближайший стул и стал развязывать рюкзаки. Кузьмич взглянул и опять уставился на самовар:

– Чего ты натащил опять, Игорь?..

– Гостинцы! Я же в гости летел.

По одной Антон вытаскивал из желтого рюкзака высокие бутылки и составлял на край стола. Кузьмич заваривал чай, гремел посудой. Марина смотрела в окно, а Алла на «гостинцы».

Бутылок получилось что-то много, дальше начались банки и пакеты, тугие свертки и длинные палки, упакованные в холстину. Из красного рюкзака явились апельсины в сетке, белый виноград в коричневой бумаге, красные крепкие яблоки россыпью – Алла сглотнула, так захотелось яблока! – а потом опять пошли какие-то свертки.

Подошел Игорь, развернул холстинную палку и трепетно понюхал.

– Салями, – сообщил он с благоговением. – Из Милана привез! Собственноручно выбирал! Все для вас, ничего не жалко!

– Это мы знаем, – сказал Кузьмич, и опять Алле почудилось что-то такое, неискренность или ирония. – Пропали бы без тебя, как пить дать.

...Какие они тут проворачивают дела, на кордоне «полста-три»? Что это за человек на вертолете, у которого ловкий и оборотистый пилот? Почему ему «ничего не жалко» для «лесных людей», обитателей ковчега? Куда ушел Марк, на какую трассу?.. Что тут может быть за трасса посреди тайги, снегов и сопков? Нефтепровод? Газопровод «Северный поток»?..

– Пустите.

Фигура по имени Зоя Петровна ловко отстранила Кузьмича от плиты, и дальше все стало происходить само собой – из воздуха появились тарелки, чашки, салфетки, затрещали дрова, загорелся огонь, запахло вкусной едой.

Игорь вовсю ухаживал за Мариной.

– А давайте сыру и салями?.. Ну что, яичницу с салом? И шоколаду! Я привез бельгийский шоколад. Антон, где шоколад?.. Как же вы оказались в тайге? Вы экстремалка?

– Я врач.

– Какая прекрасная, прекрасная профессия! Самая благородная на земле! А вы какой врач? Детский?

– Я кардиолог.

– Кузьмич, ты слышал? Эта прекрасная девушка кардиолог!

– Я слышал.

– А вы лечите все сердечные болезни или только некоторые?

Марина, которая терпеть не могла, когда незнакомые мужики выделяют вокруг нее пассы и строят всякие куры, отвечала довольно холодно, что нынче можно вылечить любую сердечную болезнь, главное – не упустить время.

– А если время уже упущено, Мариночка? Как же я узнаю? Вдруг мое сердце надорвано? Может быть, вы посчитаете мне пульс? Он наверняка зашкаливает! Как это называется, когда пульс зашкаливает?

– Тахикардия.

Марина поднялась, подошла к окну и сделала неприступную спину. Игорь подмигнул Антону, который складывал пустые, как будто сдувшиеся рюкзаки, и тоже пристроился глядеть в окно. Очки у него сверкали весело.

– Как вам мой вертолет? Отличная машина! Начинали-то мы все на «Робинсонах», они как родные. Ну, как «Жигули». Я на «Жигулях» ездить учился. Вот времечко было, а, Кузьмич?..

– Я на грузовике учился. В армии «Жигулей» не выдавали.

– И устойчивый, и надежный! Нам ветер не ветер и снег не снег! Потому что Антон дело знает лучше всех.

– Красивый вертолет, – подала голос Алла Ивановна, потому что Марина все молчала. – Как он называется?

– «Еврокоптер». А начинали все на «Робинсонах», помнишь, Антон? Этот как «Жигули»!

Зоя Петровна взволокла на стол объемистый расписной чайник.

– Хлеба зачем натащили? У нас свой, печеный.

– Сыр и салями, Зоя Петровна, полагается есть с французским багетом!

– Вам видней.

– Можно мне яблоко? – не выдержала Алла. – Одно.

Кузьмич взял яблоко, ополоснул из ковшика и протянул, холодное и увесистое. Алла некоторое время любовалась яблоком – с красного бока ей на штаны накапали студеньевые капли.

– Яичня, – объявила Зоя Петровна, и перед носом у Аллы появилась тарелка.

...Наплевать. На все наплевать. На правила хорошего тона, необходимость делать «неприступную спину» и не менее неприступное лицо, на вопросы, которые ее мучают и их все больше, а ответов пока никаких, на незнакомых людей, которые кажутся знакомыми, и на их непонятные разговоры. Яичница с ломтем черного «печеного» каравай важнее. Нет на свете ничего важнее яичницы, вот что.

Алла щедро посолила ржаной ломоть, вздохнула и стала есть яичницу с салом, заедая хлебом – именно есть, а не завтракать и не угощаться. Время от времени она длинно вздыхала, переводила дух и прикрывала глаза.

Павел – который Кузьмич – сидел напротив, прихлебывал из кружки чай и посматривал на нее с интересом зоолога, изучающего рацион лемуров, отряд «приматы», подотряд «мокроносы обезьяны».

Ну и наплевать, наплевать на все!..

Марина так и стояла у окна, только теперь рядом с ней изо всех сил старались оба, и Игорь, и пилот Антон.

Это они еще Женьку не видели. Все впереди.

– Иностранная колбаса, – проинформировала Зоя Петровна собравшихся, и на столе появилась широкая и гладкая доска, на которой – Алла проглотила яичницу и еще раз взглянула – все было идеально и в полном соответствии с правилами. Прозрачные ломтики салами, наломанный руками багет, треугольники сыра, веточка белого винограда и горстка грецких орехов.

...Кто эти люди среди тайги?! Что тут такое делается?!

– Это вы ножом так нарезали? – спросила Алла про салами.

Зоя Петровна ответом ее не удостоила, очевидно ввиду крайней глупости вопроса.

Хоровод и ритуальные танцы от окна переместились к столу. Марина села, и кавалеры пристроились по обе стороны от нее. Игорь пользовался некоторым преимуществом, как начальник, но и пилот Антон не зевал.

– Марина, а вы где практикуете?

– Я не практикую, я работаю. В Бакулевском центре.

– Ничего себе! Такая молодая и уже в таком месте работаете! Туда не всех берут, только самых лучших.

Тут она первый раз искренне улыбнулась:

– Это правда.

И взяла с доски кусочек багета и лепесток салами.

– Яичню кому еще?

Алла вздохнула:

– Можно мне, если больше никто не будет.

И обвела глазами всю компанию. Кузьмич вдруг засмеялся, и было понятно, что – над ней. Поднялся и налил ей чаю в большую кружку. Какой любезный!..

Алла доела яичницу, немедленно захотела спать, поняла, что так дело не пойдет, решительно поднялась и предложила Зое Петровне:

– Давайте я посуду помою.

– Сами управимся, мы привычные.

– Может, в бане убрать? Там вчера столько народу было!

– Убрано давно.

– Хотите вертолет посмотреть? – весело предложил Игорь Марине и повернулся к Алле: – И вы... тоже?... Хотите?

Было совершенно ясно, что он позабыл, что ее зовут Аллой.

– Можем даже прокатить над лесочком, пока второй заряд не пришел. Прокатим, Антош? Тут такая красота кругом!.. В Альпах, конечно, тоже красиво, но самая красотища в Кордильерах! Вы там были?

Как ни странно, ни Алле, ни Марине в Кордильерах бывать не приходилось.

– Вот где природа в ее первозданной красоте! Вот где размах! Вот так летишь над горами, а там буйство красок, особенно в ущельях, и думаешь – зачем живем, к чему стараемся? Все равно лучше природы ничего не придумаем! Нужно быть к земле поближе, от цивилизации подальше, сразу в голове проясняется. Я им сколько раз предлагал, – тут он подмигнул Кузьмичу, – дислокацию поменять, а они ни в какую!.. Застрали здесь и сидят, как...

– Зоя Петровна, дизель через часок запустим, – перебил его Кузьмич довольно резко. – Обойдетесь пока?

– Чего там, не в первый раз.

Игорь внимательно посмотрел на него, хотел что-то сказать, передумал и опять приступил к Марине:

– Покатаемся?

– Соглашайтесь, не пожалеете, – поддал пару Антон.

– Спасибо, – поблагодарила Марина, – но у нас пострадавший. Я не знаю, в каком он состоянии. А вы когда собираетесь лететь обратно? Может быть, его придется в больницу отправить.

– Отправим, не вопрос.

– Сейчас метель придет, – сказал Кузьмич уже в дверях. – Никто никуда лететь не сможет.

– Это мы еще посмотрим! У меня пилот – высшей категории!

– А ну тебя!..

Он махнул рукой и вышел. Алла подумала, вышла следом и окликнула:

– Павел Кузьмич!

– Павел Николаевич я. По фамилии Кузьмин. Можно просто Кузьмич.

Алла приблизилась, всем своим видом выражая почтение. Почтение и благодарность.

– Павел Николаевич, я понимаю, что мы вам тут... не к месту.

Он пожал широкими прямыми плечами, но не возразил.

– Ну вот, – торопливо продолжала Алла. – Сейчас наши встанут, и нужно обсудить, как нам отсюда... выбираться.

– Никак, – сказал он. – Метель только начинается, придется переждать. Перевалы все закрыты. Связь пока есть, но того гляди пропадет.

– А метель надолго?

Он вдруг развеселился:

– Да кто же ее знает! Она с нами не советуется. Бывает три дня, бывает неделю. По всякому бывает. Ждать надо.

Алла кивнула. Посмотрела ему в лицо и решилась:

– А что это за место? Ну, вот это все!

– Кордон «полста-три», – ответил он не моргнув глазом. – Если вам заняться нечем, можете свои лыжи под навес перетаскать. Они все перед крыльцом остались. Заметет их или ветром разбросает. Тут ветра сильные.

– Конечно, – согласилась она, – конечно, сейчас все сделаю!

– Да это не к спеху.

– Нет, нет, я сейчас же...

Он взялся за ручку ближайшей двери. В полутемном коридоре было много дверей.

– Валенки и пуховики в кладовке на вешалке, берите любые.

Шагнул внутрь и плотно прикрыл за собой дверь.

...Кордон «полста – три» – и точка! Понимай как хочешь!..

Алла огляделась по сторонам. Никого не было видно, только из кухни доносились голоса – там продолжалась карусель, – и кто-то храпел в отдалении, выводил рулады.

Поколебавшись, Алла пошла в другую сторону – не туда, где сени и кладовка с валенками, – и пришла в большую комнату, выходящую окнами в лес. Здесь были как будто сумерки. Высоченная голландская печь занимала весь простенок, огромная, как белый слон. Рядом вровень с подоконником сложены дрова и отдельно – береста в плетеном коробе, тоже горой. На светлых лиственных полах истоптанные шкуры, медвежьи и еще какие-то, кажется, волчьи. Самая длинная стена сплошь заставлена книжными стеллажами, от пола до потолка – мать честная!.. Кругом высокие кованые подставки с толстыми оплывшими свечами, должно быть, без электричества на кордоне «полста-три» остаются часто. На диванах еще какие-то шкуры, меховые одеяла и толстая книга страницами вниз. Алла подошла и, вывернув шею, прочитала название. Ярослав Гашек, «Похождения бравого солдата Швейка».

За окнами не переставая валил снег, лес был весь засыпан снегом, и так захотелось пристроиться на диван под меховой плед, повздыхать, взять книгу и читать про Швейка с той

самой страницы, где открыто, и чувствовать, что засыпаешь, и знать, что все хорошо, все просто замечательно, беды и опасности, хоть бы и всемирный потоп, остались за глухой и надежной стеной ковчега.

Что-то сильно стукнуло, забрякало железо.

Алла вздрогнула и оглянулась.

Перед голландской печкой на корточках сидела невесть откуда взявшаяся Зоя Петровна, совала в чугунный зев дымящуюся бересту. Береста весело трещала.

– А я тут... просто так. Смотрю, – растерянно сказала Алла.

Береста разгоралась, Зоя Петровна ловко уложила на решетку несколько поленьев и вышла, не промолвив ни слова. Алла проводила ее глазами.

Странные люди, загадочное место.

Впрочем, у нее есть дело – перетаскать лыжи под навес. И раз уж они все неожиданно возникают из воздуха и появляются под самым носом, как болотные духи, просто так соваться во все двери подряд в поисках кладовки она не станет!

– Зоя Петровна!

На этот раз болотный дух возник прямо у нее перед носом.

– А где можно валенки найти? И куртку?

Зоя Петровна молча прошла мимо и толкнула дверь.

Валенки, унты и пимы стояли в ряд вдоль стены, на вешалке было десятка два разнообразных курток. Алла недолго рылась, нашла более или менее подходящие и вышла на улицу.

Метель усилилась, белое небо надвинулось, как будто пузом легло на кордон «полста-три», и ветер пришел, деревья в лесу под горой мерно раскачивались. Алла поглубже натянула шапку, задрала голову и посмотрела вверх.

Снежинки летели ей прямо в глаза, очень много, густо, часто.

Если бы не волшебная собака, умеющая кивать и улыбаться, если бы не лыжник по имени Марк и его странный товарищ Кузьмич, они сейчас были бы наедине с этим снегом и холодом без надежды на помощь и спасение. Они боролись бы, конечно, – в меру своих сил, – но едва ли им удалось бы победить. Они слишком ничтожны и самоуверенны, а снег и ветер слишком равнодушны и сильны. Им нет никакого дела до людей, попавших в беду в этих горах.

– Какое счастье, что мы здесь, Господи, – прошептала Алла в белое небо. – Спасибо тебе.

Она кругом обошла дом, широкий, устойчивый, сложенный из ровных круглых бревен на высоком каменном фундаменте. По всему периметру дома через стальные кольца был протянут морской канат, и такой же канат вился вдоль дорожек, на железных столбиках. Алла улыбнулась. Должно быть, метель здесь – частая гостья. В некотором отдалении за деревьями она увидела еще какие-то строения и пошла в ту сторону. На свежем снегу ее валенки оставляли ровные овальные следы. Под горкой, чуть пониже, оказался еще один дом, поменьше, рядом с крыльцом поленища в высоту стен и ангар – самый настоящий.

Что у них там может быть? Истребитель? Луноход?..

К маленькому дому Алла не стала спускаться, вспомнив, что болотные духи где-то поблизости и могут наблюдать за ней.

Навес, под которым стояли большие деревянные сани и еще одни, поменьше, на широких полозьях, снеговые лопаты, метлы с длинными ручками, верстак с прикрученными тисками и еще много всякого добра обнаружилось с другой стороны большого дома.

Алла сначала собрала все палки и оттащила туда, потом стала чистить от снега лыжи. Ей попалась Володина лыжа, которую они собрали с Сергеем Васильевичем, и она мельком подумала – хорошая работа.

Она несла под навес первую партию, когда на дорожке показался человек в красной куртке. В руке у него была большая пластиковая штука, похожая на рацию, должно быть, спутниковый телефон. Из-за белой мглы Алла не разглядела, кто это.

– Нет пока, – громко говорил человек на дорожке. – И людей принесло на мою голову левых! Откуда я знаю! Их бы турнуть отсюда, зачем нам лишние глаза и уши! Только куда сейчас турнешь? Метель, мать ее! Если не уговорю, значит, заставлю!..

Алла замерла с лыжами в руках.

– Заставлю, да!.. Он тоже, знаешь, человек, а раз человек, значит, ему жить охота!.. Все, давай, до связи!

Неизвестный посмотрел по сторонам – Алла подалась назад в тень, под бревенчатую стену, – сунул телефон в карман и выругался негромко, но отчетливо.

...Кто это? Кузьмич по имени Павел или кто-то из двоих прилетевших, Игорь или Антон? Они все тут в красных куртках и шапках до глаз! Кого он должен уговорить или заставить? Что значит – охота жить?..

Человек за пеленой метели постоял еще немного и пошел под горку, к маленькому дому и ангару. Алла из-под стены проводила его глазами.

...Нужно рассказать Сергею Васильевичу или Марине. Впрочем, Марина вряд ли станет ее слушать.

Вторую партию лыж она ухватила как-то на редкость неловко, прижала обожженный палец, затрясла рукой. Лыжи загрохотали по настилу, разъехались в разные стороны.

– Да что такое!

Она стала собирать лыжи и оказалась нос к носу с громадной собачищей, смотревшей заинтересованно – медвежья голова с маленькими глазками, белый хвост мотается из стороны в сторону.

– Привет, – сказала Алла, не разгибаясь. Пес склонил голову набок и сел. Широкие мохнатые лапы со страшными желтыми загнутыми когтями были перед самым ее носом. – Ты меня не разорвешь?

Пес переложил голову на другую сторону, все так же заинтересованно.

...Северные собаки не нападают на людей. Северные собаки существуют для того, чтобы оберегать и спасать людей – от зверя, от метели, от лавины!.. А эта собака для чего существует? Чтобы оберегать и спасать или чтобы рвать?..

Может быть, в лесу чужих она спасает, а на своей территории разрывает на куски?..

Алла осторожно выпрямилась. Пес напрягнул спину.

– Ты хороший, – похвалила Алла, пытаясь сообразить, что теперь делать. – Ты нас вчера спас, помнишь? Ты нас нашел, людей привел. Ты нам улыбался даже!

Она держала лыжи в охапке, стараясь не двигаться, чтобы они опять не поехали из рук и не загрохотали. Они загрохочут, и собака бросится!..

– Вик, ты чего там? Да вы не бойтесь, он пообщаться пришел! Он не укусит!

Пес ухмыльнулся во всю пасть, фыркнул непочтительно, как будто удивлялся – разве можно его заподозрить в такой глупости, кусаться без всякого повода! – поднялся и потрусил на голос.

Группа людей поднималась с той стороны, куда ушел человек со спутниковым телефоном, их было довольно много. В группе она первым делом узнала Павла Николаевича – Кузьмича, – потом Игоря в золотых очках. Марк, ушедший утром на какую-то трассу, видимо, вернулся, потому что тоже был с ними, и пилот Антон, сменивший реглан на красный пуховик. Пес подбежал и затесался в их компанию.

– Здравствуйте! – издали прокричал Марк и сунул Кузьмичу пластмассовую штуковину, похожую на спутниковый телефон. – Забери.

Алла проводила штуковину глазами. Выходит, это Марк разговаривал на дорожке? Но он только что пришел из леса! Или он уже давно появился?..

– Поговорил, Марк?

– Да так. Связь плохая, почти не слышно.

– Катание на вертолете отменяется! – весело сказал Игорь. – А жаль! Я бы с удовольствием показал вам и вашей подруге настоящую лесную сказку с высоты птичьего полета! Теперь ничего не выйдет, снег повалил. Ну ладно, мы в следующий раз!

– Игорь Ильич, я свои вещи к Кузьмичу пока положил.

– Правильно сделал, Антоша! Всегда ты все правильно делаешь!

– Хотя бы меня спросили, – это сказал Кузьмич, и голос был недовольный.

– А чего нам тебя спрашивать! Где надо, там мы спросим, а где не надо, сами разберемся. Да, Марк?

– Ты лыжи мои посмотри, Кузьмич. На спусках два раза падал, – попросил Марк.

– Странно. Я с утра и температуру, и снег проверял.

Широко ступая, Кузьмич подходил к крыльцу, рассовывая по карманам пластмассовые коробки. Их было две. Выходит, и Кузьмич мог разговаривать о том, что им не нужны лишние глаза и уши!

...Или здесь у каждого по спутниковому телефону?

Кузьмич стрёб лыжи, Алла посторонилась немного.

– Эти тоже давайте.

Алла по одной подала ему лыжи.

– А наши там что? Не знаете? – спросила она.

– Встают, полдничают. Все нормально.

– Ваш доктор оказывает пострадавшим и утомленным медицинскую помощь, – весело сообщил Игорь. – Марк, ты знаком с доктором? Только уговор – этот кадр мой! Кто первый встал, того и тапки!

– След видел, – сказал Марк, приближаясь, и Кузьмич посмотрел на него внимательно. – Сегодняшний, вчерашние все замело.

– Опять приходил?!

Марк забрал оставшиеся лыжи, Аллины собственные.

– Кто приходил? – не выдержала она. – Чьи следы?

– Волк у нас есть, – пояснил Кузьмич и пошел за дом. – Отчаянный.

– Что значит отчаянный?

– Есть такие волки-убийцы. Которые и на зверей, и на людей нападают просто так. Из спортивного интереса. Жажда убийства у них.

– Он с Виком однажды связался. Давно, года два назад, – добавил Марк. – Вик не дался, порвал его. И теперь кто кого.

– Стережет он Вика, – издали продолжал Кузьмич. – Хочет начатое закончить. Не волк, а подлец. Сволочь последняя.

– А пристрелить? – спросил Игорь, наострив уши.

– Пытались, но он хитрый. За ним специально идти надо, а нам все недосуг как-то.

– Конечно, вы люди государственные, занятые!.. Что, Антоша, друг, сходим, добудем волка? Пока наши тут делами важными занимаются?

Марк даже остановился:

– Какой волк в метель?!

– Ты же следы видел!

– Я утренние видел, когда не мело, а сыпало!.. Сейчас как ты его поднимешь? Наверняка залег.

– Вы охотники? – спросила Алла.

– И собаководы! – поддакнул Кузьмич.

– А я бы все равно сходил. – Игорь прикуривал от золотой тяжелой зажигалки, отворачивался от ветра. – Он матерый, волк-то? Матерый волк – добыча знатная.

– В другой раз добудешь.

– Другого раза, дорогой ты мой, может ведь и не случиться. Мало ли где мы в другой раз... окажемся!

Опять почудились Алле какие-то намеки, недосказанность, тайна!.. Будто бы даже противостояние – эти двое, Марк и Кузьмич, по одну сторону, а Игорь и Антон по другую.

Она вернулась в дом, где было очень тепло, раздавались голоса и топот.

– Алла Иванна! – Сергей Васильевич появился в коридоре, когда она стягивала валенки. – Ты откуда взялась?! Я тебя потерял.

– Лыжи под навес перетащила.

Это не совсем соответствовало действительности, но ей нравилось, что она занималась делом, работала, а все остальные дрыхли.

– Как наши?

– По-разному, – ответил Сергей Васильевич. Глаза у него были веселые. Следом за Аллой он заглянул в кладовую с унтами и пуховиками. – Ты мне скажи, куда это мы попали-то, а? Не знаешь?

– Пока не знаю.

– Пойдем, чего покажу.

Сергей Васильевич прошагал по коридору, толкнул дверь и вошел уверенно, как к себе домой. Алла помедлила на пороге.

– Заходи, чего? Мы тут ночевали.

Эта комната была абсолютно «мужской» в отличие от другой, «женской», где ночевали Алла с девицами. Кругом ужасающий беспорядок, раскиданные вещи, разбросанные покрывала, смятые постели и очень холодно – форточка распахнута. Пахло шерстью свитеров, снегом с улицы и немного мужчинами. Здесь были два дивана и кресло-кровать. На кресле аккуратной стопкой сложены подушки и пледы. Алла развеселилась.

– Ты в этом кресле спал, Сергей Васильевич?

– А? А, ну да. Ты погляди сюда, Алла Ивановна.

На деревянном столе под окном Сергей Васильевич раскинул карту, а сверху еще одну. Алла подошла, прикрыла форточку и посмотрела.

– Ну? Увидала?

– Куда смотреть-то?

– Да ты куда хочешь смотри, Ал, а только этого места ни на одной карте нет. Ни на маршрутной... – он зашуршал бумагой и скинул карту на пол, – ни на эмчээсовской. Не существует его в природе.

– Подожди, такого быть не может.

– Сам знаю, что не может, только нету его, и все тут!

Алла провела пальцем. Ну да, все правильно.

Вот отсюда они вышли. Господи, по карте получается, что и прошли-то всего ничего!.. Вот в этом направлении двигались. Вот Васюганская горка. Во-он там, подальше, Тугаринские сопки и перевал. В эту сторону на Галыгино тоже через перевал, до которого они так и не дотянули.

– Ну? И ты тут наблюдаешь хоть какой-нибудь кордон?

– За перевалом кордон, – растерянно сказала Алла. – И вон еще один, «восемнадцать-двадцать»! До него сколько получается? Верст шестьдесят?

– То-то и оно, что никакого «полста-три» нету! Ты маршрутную карту тоже посмотри, посмотри, Алла Ивановна!

...Но такого быть не может. Эти карты не врут никогда. На них всегда наносят населенные пункты, заимки, лесничества, сторожки, брошенные поселки! На всякий случай, мало ли что! Здесь, в горах Приполярного Урала, так мало людей и так много опасностей, что любая землянка, пещера, избушка могут спасти жизнь!

Алла согнула карту пополам и вторую тоже согнула, пристроила рядом и стала сверять.

– Да чего там ты сверяешь, Алла Иванна! Нет «полста-три»!

– Как нет, когда он есть! Мы же здесь.

И они посмотрели друг на друга.

– А шут знает, где мы есть, – сказал Сергей Васильевич серьезно. – Ты видела в тайге кордоны с вертолетными площадками, ангарами и доминой двухэтажной посередке? А пока нас сюда не вынесло, их тут всего трое обреталось! Мужики эти и дух ихний бессловесный, тетка в пимах.

Алла еще посмотрела на карты.

...Вот это совсем странно, прав Сергей Васильевич. Может, правда секретная военная база?!

– И Володьке нашему они чего-то такое укололи, ну вчера, помнишь?

– Конечно, помню!

– Так он всю ночь проспал сном младенца! Нет, Алла, ты в походы всю жизнь ходишь, ты мне ответь – так бывает, чтоб одного шприца, почитай, на двенадцать часов хватило, а?.. Это чего там такое должно быть, в препарате том?

Тут Алла Ивановна рассердилась – именно оттого рассердилась, что Сергей Васильевич был прав.

– Они нас из тайги спасли, – возмутилась она, – к себе привели. Накормили, напоили, спать уложили! А ты какое-то следствие затеял не ко времени!

– Выбираться нам отсюда надо, вот что, – вдруг заявил Сергей Васильевич. – Ты сама подумай. Уж больно место странное. Я в ихних делах участвовать не хочу и секретов ихних знать не желаю.

– Ну что ты говоришь, Сергей Васильевич!

– Я знаю, что говорю. Мало ли групп в горах пропадает! Сгинем мы... через этот кордон «полста-три», и не найдет никто. Потому что и кордона этого нету!

– Зачем они тогда нас спасали?!

– А может, им того только и надо, заманить!.. Может, мы чего видели, что нам видеть не полагалось, или слышали! Вон каждому ночью укольчик сделают, а утром в тайгу сволокут, как и не было нас. Они ребята приспособленные, каждое дерево им тут знакомо, каждый овраг!

– Сергей Васильевич, ты от усталости умом тронулся. Или от недосыпания.

– Сейчас, конечно, не уйти, метель поднялась, но глядеть в оба надо. И откуда мы знаем, что они с МЧС связывались? Это же они нам так сказали! А вертолет? Кто на нем прилетел, зачем? К чему такая спешка? Вечером мы появились, а утром уже – готово дело! – вертолет! Или они решить по-скорому должны, чего с нами делать, и для этого начальство вызвали?

Алла вышла из «мужской» комнаты.

Незатейливое утреннее любопытство сменилось тревогой, колючей, как шерсть белого свитера с узором, который вчера в бане ей выдал бессловесный болотный дух.

У Сергея Васильевича, конечно, паранойя, но кордона на картах действительно нет, а так не бывает, не может, не должно быть!..

...И что это означает? Что и кто тут скрывается? Военные? Ученые? Бандиты? Старатели, открывшие бриллиантовые россыпи и поставившие себе цель утаить от мира месторождение?

Нужно уговорить Марину поближе пообщаться с очкастым Игорем. Может, пококетничать, не делать «неприступную» спину – в интересах дела, разумеется! Похоже, он болтун, и от него многое можно узнать. Нужно пристальнее наблюдать и внимательнее слушать. Вряд ли им на самом деле угрожает опасность, но расслабляться нельзя, прав Сергей Васильевич!..

Алле вдруг стало очень себя жалко. Ей не хотелось снова заступать «на пост», быть начеку, за все отвечать!.. Она уж было поверила, что испытания Приполярным Уралом позади, а те испытания, что остались в Москве, она как-нибудь выдержит. Раньше ей удавалось с ними

справляться, и есть надежда, что и на этот раз она пересилит обстоятельства. Может быть, и пересилит, но сейчас, сию минуту, после короткой передышки – ну совсем короткой! – ей не хочется снова начинать бороться, за все отвечать. Никак не хочется!

Диман, Петечка и Степан сидели в кухне в ряд на тяжелых, как будто чугунных стульях и ели. Безмолвная Зоя Петровна стояла у плиты.

– Слушайте, как вкусно, – промычал Диман с набитым ртом. – Это ужас просто!

– Ребят, а где Марина? И Женька?

– Женька только встала, – проинформировал мрачный Степан. – Вы бы ее подняли, чего она до полдня дрыхнет!

– Ей отдохнуть надо как следует.

– В группе должна быть дисциплина, – процедил Степан сквозь зубы. – Хоть бы и на привале.

– А ты чего теперь? За главного?

Степан ничего не ответил. Петечка, у которого от еды и сна в тепле порозовели обычно бледные щеки, посмотрел на него сбоку, фыркнул и покрутил головой.

– А Марина Володькину ногу смотрит, – сказал Диман и, вытянув шею, заглянул в метровую сковородку, нет ли еще чего-нибудь поесть.

Алла Ивановна обратила внимание, что миланской колбасой салями, сырами и виноградными Зоя Петровна эту компанию не угощает.

– Это там. По коридору предпоследняя дверь. Или предпредпоследняя, что ли! Я здесь путаюсь, – сообщил Диман.

– Провожу, – изрекла Зоя Петровна.

Помещение – которое там по счету, Алла сбилась, – оказалось не слишком просторным. Здесь была высокая медицинская кушетка, самая настоящая, Володя лежал на кушетке, как самый настоящий больной, рядом – белые металлические шкафы со стеклянными дверцами, в потолке круглые зеркальные лампы. Все это напоминало операционную.

... Час от часу не легче!

– Володя, как ты?

Руководитель группы скосил на Аллу Ивановну глаза, как ей показалось, с ненавистью.

– Я прекрасно, – сообщил он. – А вы как? Со всеми уже снюхались? Всех проинформировали, что командир у вас – идиот?

– Никого я не информировала.

– Перелома нет, как я и предполагала! – весело объявила Марина. – И связки не порваны! Конечно, хорошо бы на рентгене просветить...

– Может, у них тут есть рентген?

Алла по очереди заглянула в каждый шкаф – за стеклом сложены какие-то коробки с лекарствами – и обернулась к Марине.

– Что это у них за препараты?

Та пожала плечами.

– Какая нам разница, Алла? Володь, я забинтую, и можешь вставать. Еще дня три поболит и совсем пройдет.

– Сейчас... больно.

– Понятно, что больно, ты же ее сильно потянул! Но наступать сможешь.

– Зачем в доме среди леса специальная медицинская комната? – спросила Алла.

– Наверняка у них тут тоже бывают растяжения связок, может, и переломы! – ответила Марина.

– У них есть свой врач? И он здесь делает операции?

– Да какое наше дело, Алла Ивановна? И это никакой не операционный стол, да будет вам известно. Это самая обыкновенная массажная кушетка! Очень современная, с электрическим приводом.

Словно подтверждая свои слова, Марина нажала какую-то педаль на полу, и современная массажная кушетка стала плавно опускаться вместе с Володи.

– Спасибо тебе, Марин.

Алла скомкала грязные бинты и поискала глазами, куда их выбросить.

– Пойдем кофейку попьем. У них тут отличный кофе, «Лавацца»!

Володя спустил ноги с кушетки и нашарил на полу низкие обрезанные валенки.

– Мне нужно поговорить с группой, – сказал он мрачно, на манер Степана, и Алла Ивановна подумала, что сейчас будет скандал и разбирательства на тему, кто из них командир.

Ничего более глупого и неуместного на кордоне «полста-три» нельзя было придумать! Сейчас «лесные люди» мигом объяснят Володе, кто тут на самом деле «руководитель группы», и ему или придется подчиниться, или затеять революцию. В том, что революция захлебнется, Алла была уверена, и унижение и без того униженного провалом экспедиции Володи ей решительно не нужно. И никому не нужно!..

Надо как-то дотерпеть до Москвы, а там, прямо в Домодедове, по прилете рейса из Екатеринбурга разойтись в разные стороны и больше не вспоминать друг о друге.

Желательно также забыть навсегда о том, где именно находится Приполярный Урал и кордон «полста-три».

Алла отперла хлипкую белую створку, метнула взгляд на полуоткрытую дверь, нет ли за ней болотных духов, и достала коробку с длинной иностранной надписью.

– Марин, это что такое, посмотри?

Марина небрежно взяла коробку и покрутила так и эдак.

– По-моему, для суставов. То ли разогревающее, то ли, наоборот, заморозка какая-то. Положите на место, Алла Ивановна. Или у вас спину прихватило? Застарелый радикулит?

Спина у Аллы действительно болела, но признаваться в этом она не стала, задумчиво вернула коробку на место и прикрыла шкаф.

– У них есть спутниковые телефоны, – сообщила она, раздумывая. – Я видела. Они пока работают. Может, позвонить в МЧС?

– Спасателей вчера предупредили. Вы что, не слышали?

Володя расправил закатанную штанину, постоял и, прихрамывая, пошел к двери.

– Тебе обязательно нужно поесть! И переодеться! – в спину ему сказала Марина. – Постой, я тебя провожу!..

Алла вышла следом и остановилась в коридоре. Откуда-то из глубины дома неслись размеренные громкие звуки, как будто по стенам или по полу равномерно мели железной метлой – вжик, вжи-ик, вжи-ик!.. Она попыталась определить, откуда они доносятся, но так и не определила. Может, Зоя Петровна где-то чистоту наводит?

Словно отвечая на ее мысли, из полумрака коридора возникла безмолвная фигура и мимо Аллы, словно не замечая, вошла в медицинскую комнату. Алла посторонилась, прошла было дальше, вернулась на цыпочках, стараясь не дышать, и заглянула в дверь.

Зоя Петровна молча и проворно сдергивала с кушетки простыни, на которых Марина смотрела Володину ногу. Собрала их в ком, подошла к шкафу и аккуратно заперла дверь, которую отпирала Алла, когда доставала коробочку.

Женька скатилась с лестницы, как раз когда в дом стали один за другим заходить «лесные люди». В сенях они обметали с унтов и валенок снег жестким веничком из голых прутьев, двери были распахнуты, тянуло холодом и запахом снега.

– Здравствуйте! – задорно поздоровалась Женька. Очевидно, так полагалось при виде незнакомых мужиков. – Меня зовут Женя! Ой, как я хорошо спала! Прямо за все походные дни выспалась! В палатке спать бр-р-р!.. Холодно и жестко! А у вас так прекрасно!

– Женя, иди на кухню, – велела Алла Ивановна.

– Игорь, – представился главный местный сердцеед и взглядом оценил достоинства Женьки.

Даже в брезентовых штанах и кофте с перекошенной молнией она была прекрасна!.. Волосы белые, блестящие, вымытые, не зря Алла вчера так старалась, ноги длинные, щечки румяные, глаза ясные, плутовские, как у маленькой девочки-шалуньи.

Ну вот какая я, говорил весь Женькин вид. Я отдохнула, повеселела, повалялась, а теперь давайте играть! Давайте все во что-нибудь играть скорее! Так, чтоб было весело!.. Я же вам нравлюсь, да? Вы хотите со мной играть?..

Алла вздохнула. С этой стороны тоже намечались проблемы и трудности.

– Жень, тебе чаю или кофе сварить?

– А что, есть кофе?

– Есть все что угодно! – Игорь не вошел, а как будто даже вбежал следом. Сидевшая за столом троица разом повернула головы. – Есть шампанское! Хотите шампанского, милая Женя?

– Конечно, хочу! Аллочка, шампанское! Я хочу, хочу!.. Давайте скорей выпьем шампанского! А где собачка? За нами вчера пришла собачка! Я думала – волк, а потом оказалось, что не волк! Это когда уже мальчишки ушли!

Тут она, громко топая ногами в носках, подбежала и поцеловала в щеку сначала Петечку, а потом Степана и потрепала их по вымытым макушкам.

– Фу, какой колючий! Мальчишки, вы зачем ушли? Мы так переволновались! А где Марк? Он нас спас!

Степа отстранил от себя дуру и поднялся навстречу вошедшим.

– Я Степан, а это Петр и Дмитрий, – представил он хмуро, не выходя из роли, и Алле пришлось сделать надо собой усилие, чтобы сообразить, кто такие эти Дмитрий и Петр. – Мы все из Москвы.

– До Москвы отсюда далече, – непочтительно отозвался вертолетчик Антон. – Вы прямо оттуда на лыжах шли?

Женька подцепила какой-то кусок с тарелки Димана, засунула в рот и спросила:

– А это тоже кабан? Вчера был кабан, отличный! А где Марк? Вчерашний?

– Работает.

– А его друг? Который старый? Ну, то есть сначала мне показалось, что он старый, а потом оказалось, что молодой! Ой, мы бы без них пропали совсем!

– Жень, не тарыхти, – в кухню вошел Володя в брезентовых штанах, которые на кордоне «полста-три», по-видимому, выдавались всем гостям, и толстом свитере тоже из местных запасов, а за ним Марина. – Я Владимир Кравцов, руководитель группы.

– Да, он у нас наруководил! – глядя мимо, процедил Степан.

– Степа. Хватит, замолчи.

– А шампанское?

– Сейчас, сейчас будет! Антош, подсуетись! Какое девушки предпочитают? «Вдову Клико» или «Моэ-Шандом»?

– «Моэ», «Моэ»! – закричала Женька в неописуемом восторге. – А давайте все на улицу пойдем пить шампанское под снегом, а? Я так люблю снег!

– Оттого и в поход, наверное, отправились? – спросил ехидный Антон.

Он производил странные манипуляции – достал откуда-то загнутую железяку, похожую на кочергу, и стал ею ковырять чистейший и гладкий лиственничный пол!

– Да нет, ну, в поход я просто так пошла, потому что это круто! Никто не ходит ни в какие походы, а я пошла! Мне папа подарил самые крутые лыжи!

– Лучше б он тебя по попе этими лыжами отходил, – вдруг сказал поблизости Кузьмич и подошел к Антону. – Пусти, я сам.

– А папа не знает, что я в походе! – вытаращив прекрасные темные глазищи, выпалила Женька. Это было очень красиво – разметающиеся белые волосы и темные глаза. – Он улетел надолго по делам, тут я и ушла в поход! Оп-ля!

– Прилетит, надо будет с ним воспитательную работу провести. – Кузьмич ловко поддел кочергой и как будто откинул к стене часть пола. Открылся глубокий и темный лаз, откуда пахнуло морозом.

– С папой? – усомнилась Женька и махнула рукой. – Он все равно не послушается.

– Чего доставать?

– Шампанское, Кузьмич!

– Ишь ты!..

Он ловко и неслышно спрыгнул в лаз, как будто в преисподнюю канул.

Алла подошла и заглянула.

Прыгать не было никакой необходимости – вниз вела, широкая устойчивая лесенка. Там, куда падал свет, были видны полки, а на полках запасы. Банки, консервы, штабеля консервов и банок. Дальше шли бутылки в полчеловеческого роста, а потом мешки.

На кордоне «полста-три», должно быть, можно не только перезимовать без всякого подвоза фуража, но и выдержать многолетнюю осаду, особенно если здесь есть где-то поблизости их собственный родник с ключевой водой и склад с оружием.

В том, что такой склад есть, Алла уже почти не сомневалась.

Прямо у нее под носом вдруг возникла бритая башка и серые внимательные глаза.

– Принимайте, – сказала башка, а длинная красная рука в цыпках одну за другой выставила бутылки шампанского.

Подтянувшись, Кузьмич выпрыгнул наружу и аккуратно закрыл лаз. Тяжелые доски грохнули и стали намертво. Сколько же весит эта крышка? Тонну?

– Женечка, все для вас! И для вас, Марина! – галантный кавалер Игорь только тут вспомнил про Аллу и добавил, что и для нее тоже. – Шампанское для дам, а кавалерам, может, крепкого? Здесь такая настоечка водится, м-м-м!.. – И театральным шепотом добавил: – Зоя Петровна на морошке настаивает! А она шаманка! Потомственная! Кузьмич?..

– Я не буду.

– Ну, как хочешь.

– А мы с удовольствием, – заявил Сергей Васильевич, появившийся неизвестно откуда и неизвестно когда, и даже руки потер в предвкушении. – После такого маршрутика, какой мы проделали, не выпить за чудесное спасение – грех!

Володя хотел что-то сказать, но не стал, а Петечка спросил, есть ли здесь Интернет.

– Как не быть, – хмыкнул Кузьмич и смешно почесал бровь. – Мы без него как без рук, без Интернета этого.

И не понять было, шутит он или говорит серьезно.

– Девушки, шампанского! И вот еще шоколад бельгийский, самый лучший!

– А можно мне бутерброд с салом? – попросила Женька.

Смеющийся Игорь закатил глаза:

– Женечка, как можно? Шампанское с салом?

– Да, а что такое? Я очень люблю!

– Женька, остановись, – велел Степан. – Что ты дурака валяешь?

– Ну почему-у-у? – специальным «девочкиным» голосом затянула Женька. – Степочка, ну я так люблю! После всех лишений мне можно, правда? Правда, Игорь?

– Ну конечно! Все, что угодно!

– Ой, – вдруг воскликнула Женька и поставила на стол свой бокал, из которого только собиралась глотнуть, и глаза у нее стали еще больше и еще темнее. – Я же вас знаю!

– Кого? – удивился Игорь и переглянулся с Антоном. – Меня?! Быть не может!

– Точно, точно знаю! Вас по телевизору все время показывают!

– Женька, отстань от него, – морщась, велел Володя.

Марина положила руку ему на плечо. Карусель теперь вращалась вокруг другого центра притяжения, но зато Марина была «при деле» и не собиралась наблюдать смещение этих самых центров «просто так». Она врач, а вот пострадавший.

– Да точно показывают! Вы Игорь Виноградов! Правильно?

Сергей Васильевич уронил бутылку, она загрохотала по полу, подхватил ее и засмутился. Игорь наклонил голову и припал к Женькиной руке.

– Вы такая проницательная малышка!

Тут Женька засмеялась – проницательная малышка, надо же! – а Алла подумала: странно, что мы сразу его не узнали. Он очень на себя похож! Нет, не так. Этот человек в золотых очках действительно очень похож на Игоря Виноградова из телевизора.

...Пожалуй, там, в пластиковом омуте, он выглядит старше и тяжеловесней, здесь порхает, как бабочка, и щебечет, как скворец. Он находится на каком-то там трудно запоминаемом месте в списке «Forbes», владеет какой-то трудно запоминающейся собственностью и состоянием, которое сложно себе представить.

Странно, что мы его не узнали.

Впрочем, не слишком и странно. Невозможно, ну никак не возможно соотнести человека из телевизора и списка «Forbes» с Приполярным Уралом, метелью и кордоном «полста-три»! Почти невозможно.

– А что вы здесь делаете, Игорь? Отдыхаете? Или у вас дела? Только не говорите, что вы охотник и прилетели на охоту! И будете убивать беззащитных лосей с вертолета! Я терпеть не могу охотников, я их ненавижу!

– У меня здесь друзья, – едва вклинился миллиардер в Женькино красноречие. – Девочки! Шампанского! Мальчики наливают себе сами.

Сергей Васильевич моментально вытащил тяжелую пробку из высокого штофа, полного янтарно-медовой жидкости, разлил в высокие стопки, умилился на них и замер в предвкушении.

– Ну, за нашу встречу! Я не верю, что бывают случайные встречи, я точно знаю, что все на свете предопределено судьбой! – произнес Виноградов.

Он нашел глазами Кузьмича. Тот стоял в дверях, привалившись к притолоке и скрестив ноги. Секунду, а то и меньше они смотрели друг на друга, потом Игорь опрокинул в себя стопку.

Алла глотнула ледяного шампанского.

...Что здесь происходит? Что такое этот самый кордон «полста-три», которого нет ни на одной карте?

– А пойдемте все на улицу, ну пожалуйста! – весело заскулила Женька. – Мальчишки, а?! Возьмем с собой бутылку!

– Там метель.

– Ну что метель? Подумаешь, метель! Зато так романтично! Игорь, ну вы-то не станете отказываться?!

Алла посмотрела. Кузьмич пропал из кухни, как и не было его.

Марк появился только под вечер, и где он пропадал, непонятно.

Метель расходилась с каждой минутой, лес под горой гудел грозно, трубно. Ветер терся о лиственничные стены, налегал на них и швырялся снегом. Когда сумерки совсем сгустились, где-то в отдалении застучал дизель – ту-ту-ту-ту, – зажегся свет, и Женька, очень хмельная от шампанского, захлопала в ладоши.

Алла перемыла за всеми посуду и ушла в комнату с книгами читать Швейка. Петечка, стоя у окна, все пытался понять про Интернет, есть он или нет его. Для того чтоб понять, он так и сяк поворачивал свой телефон, «входил в приложения», выходил из них, включал режимы, выключал их и тихо бормотал проклятия. Спросить было некого. Кузьмич не появлялся, и Марк тоже куда-то пропал, а Зоя Петровна Петечкин вопрос проигнорировала.

– Вы меня не слышите? – очень громко спросил он ее спину.

– Не глухая, – отозвалась Зоя Петровна и тоже куда-то ушла.

Диман спал в «комнате мальчиков», накрывшись с головой одеялом, Степан надел пуховик и унты и ушел на улицу, правда, через две минуты вернулся.

– Невозможно, – сказал он и вытер мокрое лицо. – Метет. Интересно, а где их собака?

Игорь на кухне рассказывал Женьке и Марине про свои путешествия, необыкновенные, потрясающие, а Женька все допытывалась, не охотник ли он.

– Каждый мужчина по природе охотник, – отвечал Игорь. – Правда, Антоша?

– Конечно, Игорь Ильич!

– Мужчина – воин, он просто обязан воевать и выслеживать добычу! Вот Мариночка знает, наверняка в институте проходила теорию Дарвина и естественный отбор.

– Естественный отбор тут ни при чем, Игорь!

– Ну какая разница! Наверняка есть теория, объясняющая мужскую природу!

– Таких теорий сколько угодно, но...

– Но убивать животных гнусно! – перебивала Женька, и Игорь тут же спрашивал, не хочет ли она еще шампанского.

Сейчас налижется, будет с ней ночью морока, подумала Алла беззлобно. Девчонка ей почему-то нравилась, хоть и производила впечатление дурехи. Алле казалось, что никакая она не дуреха, а просто молодая и не слишком опытная и ей, как всем девушкам, кажется, что мир вращается вокруг нее.

Карусели, карусели...

Интересно, здесь можно зажигать свечи... просто так, для уюта? Или их зажигают, только когда нет света?..

Потом вдруг заглянул Марк.

– Добрый вечер.

Алла вскочила, откинув меховой плед. Книжка со Швейком свалилась на пол.

– Что вы? Отдыхайте! Я просто так.

– Нет, нет, я уже отдохнула, – заспешила Алла. – Мне, наоборот, неудобно, что я весь день ничего не делаю. Пыталась Зое Петровне помогать, но...

– Помогать Зое Петровне – дело дохлое, – согласился Марк.

Он был в джинсах, толстой кофте на пуговицах, под ней черная футболка, – никаких флисов и брезентовых штанов! – и, кажется, озабоченный.

– Какое-то время придется отдыхать, – сказал он. – Вы берите любые книги, какие захотите. У нас еще там есть, – Марк махнул рукой куда-то в сторону. – Телевизоры в метель не работают, конечно. Мы привыкли, а городским без телевизора хоть пропадай. Никакой жизни нет.

– А... что здесь такое? – спросила Алла, почти уверенная в ответе. – Вот это место как называется?

– Кордон «полста-три», – проинформировал Марк. – Погоды, судя по всему, долго не будет. И потом еще придется ждать, когда перевалы откроют.

- А ваш приятель?
- Какой приятель?
- Игорь Виноградов. Как он улетит?
- Никак не улетит, пока метель не закончится. В такой ветер вертолету верная гибель!..
- Но у него, наверное... дела.
- Наверное, дела, – согласился Марк и добавил, помедлив: – Вы группе своей скажите,

Алла, что придется ждать. Тупо сидеть и ждать. А то они у вас нервные какие-то. Мне бы не хотелось собирать их по лесу. Да и в такую метель это небезопасно.

Тут Алле стало так неловко, что взмокли ладони. Она незаметно вытерла их о штаны.

– Я постараюсь, Марк. Я постараюсь им объяснить.

Он кивнул и улыбнулся. Улыбка у него была дивная.

– Ужин скоро. Зоя Петровна, когда у нас бывают люди, старается изо всех сил. Так что вы оцените.

- Мы оценим!
- Ей с нами сидеть тоже надоедает, вы поймите. Даже угостить некого.
- Она ваш... сотрудник?

Марк помолчал, разглядывая ее.

– А вы правда лыжу сами собрали? Руками, на морозе?

– Мы с Сергеем Васильевич, да. А что?

– А где этому научились?

– Я еще с институтских времен в лыжные походы хожу, Марк. У нас инструктор был Виталий Павлович Турчанинов, он и научил. На все времена.

– Как же вас в такую компанию занесло, если вы опытный походник?

Алла посмотрела на него.

Сказать правду она не могла и не хотела. Врать ему – она еще раз взглянула – нужно умеючи. И она на ходу сочинила какую-то ерунду, похожую на правду:

– В последнюю минуту выяснилось, что моя группа не идет. У нас руководитель затемпературил. А я уже настроилась, собралась! И решила, что все-таки пойду. В последний раз пойду. Мне уже сорок два, хватит, находилась! Ну, и нашла этих ребят в Сети. Степан вроде несколько раз ходил, Сергей Васильевич тоже. У Женьки даже разряд какой-то юношеский по беговым лыжам!..

– Да ладно.

– Правда, правда! Думаю, она столько раз ходила, Бог не выдаст, свинья не съест. Пронесет. И не пронесло, конечно.

– Конечно, – согласился Марк. – Беговые лыжи и юношеский разряд – одно дело, а Приполярный Урал – другое.

– А вы здесь работаете? – предприняла Алла еще одну попытку.

Тут он развеселился, все напряжение как рукой сняло:

– Работаю, Алла! Ох, как я здесь работаю!.. Вкалываю, можно сказать.

Из кухни донесся взрыв смеха и звон стекла.

– Шампанское, – сказала Алла виновато. – Вы нас извините, пожалуйста. Завтра уже все придут в сознание, а сегодня...

– Что вы оправдываетесь? Все в порядке! Вам не холодно? Или еще дров подложить?

Он присел на корточки перед голландской печкой и ловко сунул ей в пасть несколько поленьев.

– В здешнем климате никакие камины не согреют. Только печи. К нам печники с Белого моря приезжали, только там еще мужики остались, которые умеют печи класть как надо, без дураков.

...Без дураков, подумала Алла. Дураки в данном случае – это мы. А если прав Сергей Васильевич? И мы, дураки, сами того не ведая, влезли в какие-то тайны, раскрыли координаты секретного места, и нас отсюда живыми не выпустят?

– Марк, – начала она, но никого уже не было рядом с голландской печью, похожей на белого слона. Непонятный человек исчез.

Ужинали они без хозяев и гостя из списка «Forbes», зато пилот Антон на свободе, в отсутствие начальства, вовсю приударял за Женькой. Она была очень веселой и румяной от шампанского, однако из ухаживаний ничего не вышло – она стала засыпать прямо сидя на стуле, и Алла отвела ее в «комнату девочек».

– Вы на меня сердитесь, Аллочка, – бормотала Женька, покуда та стягивала с нее штаны. – А я что-то устала очень... Я шампанского никогда в жизни не пила, особенно такого... Оно крепкое какое-то... Шампанское под снегом...

Алла накрыла ее лоскутным одеялом и погасила свет.

...Что значит – не пила шампанского?.. Ей не тринадцать лет, и вид у нее вполне... боевой. Или просто сию минуту она видит себя маленькой неискушенной девчушкой, ни разу не пригубившей шампанского?

Подумав, не лечь ли тоже, Алла решила, что все же имеет смысл спуститься хоть посуду убрать.

В кухне остались только «свои», пилот Антон куда-то делся, да оно и понятно. Какой смысл сидеть, если самый интересный объект уложили спать и до утра точно не выпустят?

– ...И сколько нам тут еще торчать? – спросил Петечка и оглянулся на вошедшую Аллу. – Давайте этого просить, который на вертолете, пусть он нас вывозит как-то.

– Вертолеты в такую метель не летают, – сообщила Алла.

– У него пилот – высший класс! – неприязненно сказал Степан. – Он сегодня это двести раз повторил.

– Никакие пилоты в такую погоду...

– Да перестаньте вы, Алла Ивановна! Вечно лезете! Мне на работу надо.

Алла прикрыла двустворчатые двери в коридор, подошла и встала в торце стола:

– Ребята, Марк просил передать, что придется набраться терпения и просто ждать, пока не уйдет метель. А потом еще ждать, когда откроют перевалы. Деваться нам некуда.

– А вы теперь у них на побегушках, что ли?

– Я передаю то, что сказал Марк.

– Да кто такой этот Марк, чтобы...

– Марк, – отчеканила Алла, – и Павел Николаевич – люди, которые нас спасли. Я настоятельно прошу всех об этом не забывать, вести себя прилично, хозяевам хлопот не доставлять. Это понятно?..

И обвела притихшую группу глазами. Петечка уронил телефон, загрохотавший по листовенничным доскам.

– Я спрашиваю, – повторила Алла. – Всем понятно то, что я говорю?..

...Ах, как некстати она вышла из роли великовозрастной тетки, которая бодро двигается на лыжах, быстро ставит палатку и всегда идет последней за отстающей никчемушной Женькой! Как не вовремя.

– Мы не знаем, кто они, – изменив тон на всегдашний, привычный, продолжала Алла. – И не знаем, что это за место. Нам нужно соблюдать осторожность и постараться не быть им в тягость.

– Алла Иванна, – пробормотал Володя. – Здесь решения принимаю я. Как командир.

– На здоровье, – отрезала Алла. – Как командир придумай, чем занять группу на ближайшие несколько дней.

– Меня ничем не надо занимать, – вступил Степан, поглядывая на нее. – Я сам себе найду занятия.

– И меня не надо, – подхватил Диман. – Я спать буду! Я в жизни так спать не хотел, как здесь.

– А куда делись этот самый Марк и его свита? – Петечка достал телефон и уставился в «приложения», которые по-прежнему прилагались к телефону, но не делали ничего, что нужно ему, Петечке. – Кто-нибудь знает? В тайгу ушли?

– В доме они, – проинформировал Сергей Васильевич. – На улицу никто не выходил.

Словно отвечая на его слова, в коридоре что-то грохнуло, как будто дверь сорвалась с петель, затопали ноги, и голос заорал под самой стенкой:

– Да что ты себе в голову взял?! С чего?! И почему сейчас?!

Группа замерла.

В кухню ввалился Кузьмич, еще более красный, чем обычно. Не обращая внимания на сидящих за столом, он схватил ковшик, зачерпнул воды из кадушки, долго и жадно пил. Все молча смотрели на него.

Он допил, швырнул ковшик, вышел и заорал в коридоре:

– Я не позволю так с собой обращаться! Я тебе не мальчик-зайчик!

– Да не ори ты! – отвечали откуда-то. – У нас чужих полно!

Вновь бабахнуло, и все стихло.

Степан обвел глазами группу.

– И что это было?

– Видать, поругались они, – озвучил Сергей Васильевич то, что и так было яснее ясного, и посмотрел на дверь. – Чаю им отнести, что ли?.. Чтоб не подрались!

– Нет, но этот в ярости прямо, – добавила Марина. – Нужно на ночь на ключ запереться. Слышишь, Володя. Мало ли что. Мы ведь и вправду совсем не знаем, что здесь происходит.

Сергей Васильевич задумчиво разливал чай в большие кружки. С ума совсем сошел, прислуживать решил, что ли?!..

Из кухни Алла выходила последней.

В глубине дома гудели голоса, бу-бу-бу, ни слова не разобрать. Она постояла, прислушиваясь. Непонятно даже, откуда доносятся звуки. Однако разговаривали явно на повышенных тонах.

...Что-то у них случилось. Не зря днем ей то и дело казалось, что Кузьмич чем-то недоволен, Марк насторожен, а очкастый Игорь говорит так, как будто все время на что-то намекает, и эти намеки всем неприятны, включая его собственного пилота.

Алла поднялась в «комнату девочек» и очень осторожно, стараясь не стукнуть, прикрыла дверь.

– Заприте, – шепотом велела Марина в темноте, – я вам серьезно говорю!

Алла повернула ключ, замок щелкнул.

Довольно долго они лежали молча, прислушивались, но отсюда ничего не было слышно, а потом вдруг так загрохотало, что обе вскочили.

– Я тебя пристрелю! – орал где-то близко. – Пошел вон отсюда!

– Это кто? – быстрым шепотом спросила Марина.

– По-моему, Марк, – так же быстро ответила Алла. – Тише!

Снова загрохотало, как будто по лестнице пронесся конный отряд, внизу громко заговорили, хлопнула дверь.

– Кто-то ушел?... На улицу?

Алла откинула одеяло, подобралась к окну и долго всматривалась. В метельной круговерти проявилось размытое световое пятно. Оно крутилось и двигалось.

– Человек, – сказала Алла. – Вышел из дома. Уходит.

– Куда?! Там метель!

Световое пятно еще поболталось немного, а потом пропало.

– Может, пойти посмотреть?

– Нет, Марина. Нельзя.

Они еще долго сидели в темноте и тишине, настороженные и испуганные, из глубины дома не доносилось ни звука, только метель терлась снаружи о лиственничные стены.

...Что-то случилось, думала Алла. Что-то серьезное и непонятное и от непонятности страшное.

Утром она растолкала Женьку, решив ее одну больше не оставлять, – та хныкала и валилась на спину, – заставила умыться, одеться и повела завтракать. Марина спустилась первая, очень собранная и сосредоточенная.

В кухне хозяйничала безмолвная Зоя Петровна, еще более суровая, чем обычно.

– Ночью какой-то шум был, – сказала Алла, поздоровавшись, – вы не слышали?

Зоя Петровна помешивала что-то в чугунке.

– Не нашего ума дела, – буркнула она, – кашу или яичню?..

– А вы яичницу на сале жарите?

Притащился Петечка, спросил про Интернет и уткнулся в «приложения». Потом явился Антон, румяный и деловитый, и сказал, что из-под горки до большого дома шел полчаса и все время держась за канат – так метет.

– Я у Кузьмича в доме ночевал, – объяснил он, отодвинул стул, уселся и подмигнул Женьке. – Я всегда там ночую.

– А сам где? – подала голос Зоя Петровна.

– Не знаю, – удивился Антон. – Еще не вставал.

Алле показалось, что это сообщение поразило Зою Петровну до глубины души. До такой степени, что она отвернулась от своего чугунка и взглянула на Антона.

Должно быть, у обыкновенного человека это означает: не может быть, что ты говоришь, как такое могло случиться, здесь что-то не то!..

Потом появились Степан с Володей – вместе, но как будто отдельно друг от друга.

Дураки мальчишки, подумала Алла.

Марк, очень сердитый и невыспавшийся, зашел и спросил, где Кузьмич.

– Говорят, не вставали, – ответила Зоя Петровна бесстрастно.

Должно быть, у обыкновенного человека это прозвучало бы так: понятия не имею, куда он мог деться, беспокоюсь, может, заболел?

Сергей Васильевич объявил с порога, что погодка нынче шалит.

– А собака? – спросила Женька Марка. – Где ночует?

– Понятия не имею.

– Как?! Вы что?

Марк рассеянно улыбнулся. Он пил из большой кружки какую-то бурду, которую ему подала Зоя Петровна.

– Мы никогда не видели, где он спит. Может, под навесом или на крыльце. Когда мы выходим, он уже стоит рядом. Паша считает, что Вик строит иглу, как эскимос, и в нем ночует.

...Паша? Кто такой Паша? Ах да, Кузьмич. Он же Павел Николаевич.

Когда все уселись за стол, болотный дух Зоя Петровна куда-то канул, зато появился Павел Николаевич.

– Что-то я проспал, – буркнул он, и Марк внимательно на него взглянул. Кузьмич на его взгляд не ответил.

– Храпел, – сообщил Антон радостно. – Стены тряслись!

Тут они оба, и Марк и Кузьмич, уставились на него, как будто он сказал какую-то непристойность.

– Доктор, – продолжал Антон, обращаясь к Марине, – а вот есть в медицине лекарство от храпа, а?..

– Мужики, – произнес бесстрастный голос, и за столом разом все стихло. Марк перестал прихлебывать из кружки, а Кузьмич вытирать красной ладонью бритую башку. – Беда.

* * *

– ...Кто-то из них двоих, – шепотом говорила Марина. – Марк или второй головорез. Это же яснее ясного.

– Да, а эту их слугу Личарду ты исключаешь? – спросила Алла тоже шепотом.

– Какую слугу? – заинтересовалась Женька.

Они сидели в «комнате девочек», куда их загнал Кузьмич, как только стало ясно, что Зоя Петровна не ошибается, не врет и не бредит.

Следом за Марком и Кузьмичом они всей толпой бросились по коридору и столпились в дверях какой-то очередной комнаты.

Игорь Виноградов, человек из списка «Forbes», прилетевший вчера на вертолете с «гостинцами», весело ухаживавший за Женькой и Мариной по очереди, лежал на кровати, неловко и неестественно завалившись на бок. Между ребер у него торчал нож, очень определенно и зловеще. Было совершенно понятно, что нож сделал свое дело, убил – равнодушно, жестоко и навсегда.

Марк наклонился и посмотрел, и Кузьмич тоже посмотрел, а Антон переводил взгляд с одного на другого, как будто надеялся, что они сейчас скажут, что все это розыгрыш, вставай, хватить дурить, пойдем кофе пить!..

Потом Кузьмич заметил толпу в дверях, зарычал и всех разогнал.

– Самое ужасное, что вариантов нет, – продолжала Марина тихо. – Это кто-то из них. Они убийцы, понимаете? А нам деваться некуда. Ну, куда?!

– Может, он сам себя зарезал, – предположила Женька «девочкиным» голосом.

– Жень, не дури!

– И, главное, как время подгадали! Как это так можно было рассчитать? Ну, чтоб мы здесь оказались! Как я понимаю, посторонних у них никогда не бывает. И теперь каждого из нас будут подозревать. Каждого!..

– Какой резон нам его убивать? – задумчиво спросила Алла. – Мы его видели первый раз в жизни!..

– Ну и что?! Любой из нас подозреваемый. Даже вон... Женька! И как доказать, что мы не убивали?

– Сейчас не это главное. – Алла сидела на подоконнике и смотрела в метель. – Главное, что убийца в доме и он может убить еще. Кого угодно, когда угодно. А уйти мы не можем.

– Вчера все было хорошо, – заныла Женька. – Почему все время так бывает? Как только что-нибудь хорошо, сразу – раз, и все плохо! Это специально, да? И мужика жалко. Он славный, добрый. На вертолете обещал прокатить.

Алла соскочила с подоконника и стала ходить.

– Вчера я слышала, как кто-то из них говорил по телефону. Он стоял на дорожке и говорил. Я точно не помню, но... Он про нас говорил, что левые люди на кордоне, их бы турнуть, да некуда. Потом еще сказал, что лишние глаза и уши ни к чему...

Женька ахнула, и Марина на нее шикнула.

– Собирался кого-то уговорить или заставить что-то сделать. Если он человек, значит, ему жить охота, – вот что сказал.

– Кому? – шепотом спросила Женька.

– Я не знаю.

– Понятно, что речь шла об убийстве, – отчеканила Марина. – Они заманили сюда этого из списка «Forbes» и зарезали. Если бы не мы, об убийстве скорее всего никто ничего не узнал бы. Пропал человек в тайге, и все дела.

– Аллочка, а кто разговаривал на дорожке? Вы не узнали?

Алла покачала головой:

– Я далеко была, и мело уже сильно. Они же все одинаковые! Куртки, шапки до глаз! Но спутниковый телефон точно есть и у Марка, и у Кузьмича, я сама видела. Наверняка у Игоря тоже был.

– Это не мог быть Игорь, – возразила Марина. – Его же потом убили! Это Марк или Кузьмич говорили об Игоре, понимаете? Его собирались уговорить что-то сделать. Уговорить или заставить. Он не согласился, и они его убили.

Алла и Женька немного подумали. Получалось очень похоже на правду.

– Подожди, – спохватилась Алла, – нет, подожди! Ерунда выходит. Зачем столько свидетелей? Нас... сколько... нас восемь человек! Зачем его убили практически на наших глазах? Не раньше и не позже? Он же тут частый гость, насколько я понимаю.

– Алла, – Марина посмотрела на нее как на неразумную. – Как зачем? Мы все – подозреваемые. Теперь все просто – из нас выберут подходящую кандидатуру и обвинят в убийстве. А они будут ни при чем.

– Это все правильно, но, если б нас не было, про убийство вообще могли не узнать.

– Как это? – спросила Женька. – Он же не пешком пришел, он на вертолете прилетел! – При слове «вертолет» она округлила глаза восторженно. – Вертолет сам по себе не летает, надо получить разрешение. Этот, как его, диспетчер в курсе, во-от! Горючее нужно. Много людей знает, что Игорь, бедный, сюда полетел. А его тут – чик, и зарезали. Как это можно скрыть?

– Да очень просто, – раздумывая, сказала Алла. – Метель, перевалы закрыты, связи нет. Интересно, связи нет или есть все-таки?.. Ну, а потом выясняется, что человек пропал. Не знаю... ушел в тайгу. Медведь его задрал. И никаких следов.

– Медведи зимой спят.

– Жень, не дури, – велела Марина.

Снизу доносились приглушенные толстыми стенами звуки шагов и разговоров.

– А мальчишек наших тоже разогнали, как вы думаете?

– Я думаю, они всех разогнали, – ответила Алла. – Лишние глаза им ни к чему.

– Хорошо хоть, не заперли нас.

– А давайте проведем следствие! – вдруг предложила Женька. – Как в детективе! Ой, я так люблю детективы, особенно английские. И ничего нет сложного, нужно только у всех спросить, где они были в момент преступления, и сопоставить показания. И найти важные улики.

– Женька, не смей, – пригрозила Алла. – Ты теперь вообще от меня не отходи, поняла? Ни на шаг.

– Аллочка, но ведь это интересно!

– Ничего интересного, – оборвала Марина. – Это очень опасно, права Алла Ивановна. Мы все должны держаться вместе и...

– А я эту Зою Петровну боюсь, – пожаловалась Женька тихонько. – Она на одну тетку похожа. Ужасная тетка. Издевалась надо мной в интернате. Не хочу вспоминать.

– В каком интернате? – спросила Марина рассеянно, а Алла посмотрела пристально.

Женька торопливо махнула рукой.

– В Швейцарии. Там такие порядки, ужас просто.

...Зачем она врет? До сих пор не врала, а тут – ни с того ни с сего, да еще так неумело! И... на пустом месте. Зачем?..

Стук в дверь обрушился им на головы как гром небесный. Алла сверзилась с подоконника, Женька взвизгнула, а Марина выпрямилась.

– Открыто, – хрипло сказала Алла и откашлялась. Выдвинулась вперед и толкнула дверь.

Ничего страшного не случилось. За дверью мыкался Сергей Васильевич, почему-то в тельняшке, вид у него был растерянный.

– Девчонки, – сказал он виновато, – меня за вами прислали. Вниз спускайтесь.

– А что там, Сергей Васильевич? А? Зачем нам спускаться?

– Не знаю я ихних дел, Женечка. Только видишь, какая каша заварилась.

– А тело? – спросила Марина жестко.

– На ледник унесли. В брезент завернули и унесли. – И зачем-то добавил: – Я помогал. Ох, дела-делишки...

Безмолвная фигура в пимах и расшитом свитере маячила возле окна. Кузьмич, скрестив ноги, привалился к плите – Алла давно заметила, что плита его любимое место, он то руки грел, то самовар топил, то просто так стоял. Марк сидел верхом на стуле, свесив длинные кисти, точно такие же, как у Кузьмича, красные и в цыпках. Антон ходил в простенке туда-сюда, сюда-туда.

На остальных она внимания не обратила.

Как все изменилось!.. Только что, утром, когда все собирались на завтрак, необыкновенная кухня была лучшим местом в доме! Вчера здесь пили шампанское, хохотали и ухаживали за девушками. Здесь вкусно пахло и было как-то... утешительно. Ничего не могло случиться за этими толстыми стенами, где в проемах висели картины и стояли кованые подставки с оплывшими свечами.

Сейчас казалось, что в кухне холодно, пахнет остывшим углем, что стол пуст и слишком велик, что буфеты темны и тяжеловесны, и не стоит ждать ничего хорошего. Не будет хорошего, потому что уже случилось плохое.

Самое плохое и ужасное из всего возможного – убийство.

– Да нет, так нельзя! – вдруг громко заговорил Антон. – Что-то же надо делать, мужики! Марк, что ты сидишь?

– Нам надо поговорить, – предложил Марк. – Прежде всего поговорить. Алла, сядьте, пожалуйста.

Алла пожала плечами, выдвинула стул и уселась. И Женьку рядом с собой посадила.

...Сейчас он скажет, что связи нет. Это никак нельзя проверить, и мы все сделаем вид, что верим. Потом он заявит, что среди нас убийца и они никого не выпустят до появления... кто там должен появиться? Полиция? МЧС?... Следственный комитет вместе с прокуратурой? И мы сделаем вид, что так и должно быть. У нас нет выхода.

Выхода нет.

Марк сказал совершенно другое. Он спросил:

– Марина, вы ведь врач?

Она кивнула.

– Сможете по состоянию тела определить время убийства?

Алла Ивановна чуть со стула не упала. Женька рядышком шевельнулась испуганно.

– Я не знаю, – растерянно ответила Марина. – Если только приблизительно.

– Хоть приблизительно.

Она пожала плечами.

– Я попробую.

– Хорошо, тогда... поговорим, и я вас провожу. Или это нужно делать срочно?

– Ну, если вы не собираетесь разговаривать с нами до вечера...

– Не собираюсь.

– Я не понимаю, к нам какие вопросы? – начал Степан, который пальцем ковырял стол и время от времени исподлобья взглядывал на Марка. – Мы-то тут при чем? Это ваши дела, а не наши. Мы тут случайно оказались, и этого убитого раньше никогда не видели.

– По телевизору видели, – отпартовала Женька, тараща глаза. – Я, например, сразу его узнала!

– Жень, замолчи!.. Не дури!.. Жень, сколько раз тебе говорить, чтоб не лезла!.. – возмутились Марина и Степан.

Марк переждал бурю и продолжал как ни в чем не бывало:

– Игоря убили сегодня ночью, когда мы все были здесь. Получается, что убил кто-то из нас.

– Из вас! – поправил Володя. – Мы ни при чем.

– Это просто собачья чушь! – возмутился Степан.

– С больной головы на здоровую, – поддержал Петечка.

– Я вообще ничего не слышал, я спал, – признался Диман виновато. – Я тут так сплю!..

Алле отчего-то было неудобно, она ерзала на широком стуле, одергивала свитер, переставляла ноги, но понять, в чем дело, не могла.

– Мы все были друг у друга на глазах, – продолжал Володя. – Постоянно. И мы все слышали, как вы вчера... поругались. Или вы скажете, что не ругались?

– Мы подрались почти, – ответил Марк. – Чего там поругались!.. У меня вопрос ко всем сразу и к каждому в отдельности. Кто вы такие?..

Все замерли, как в игре «море волнуется». Алла перестала ерзать, Женька таращиться, Марина улыбаться презрительно. Степан и Петечка переглянулись. Диман хрюкнул, а Сергей Васильевич, подтянув рукава тельняшки, вздохнул:

– Ну, вы даете, мужики.

– Если можно, покороче. Кто вы, откуда и как оказались в одной группе?

– Если это допрос, то объясните, на каком основании, – твердо сказал Володя и поднялся. – Я не понимаю, какое отношение мои люди имеют к вашему убитому. Если б ваша собака нас не нашла, мы бы до сих пор были там! – и он ткнул рукой в сторону окна, за которым мело. – Вы что? Хотите все на нас свалить?!

– Я за себя скажу, – громко начал Сергей Васильевич, и все посмотрели на него. – Военный пенсионер, в походы с училища хожу. Сейчас без работы, скучно мне – сил нет. Сажу в Москве на восьмом этаже, как кочерга старая. Тут меня приятель и надоумил – есть, мол, группы по интересам в Интернете. Завел бы знакомство, сходил бы с ними куда!.. Ну, зашел я на сайт походный, нашел маршрут подходящий. После Нового года на Приполярный Урал, все как у людей. И супруга меня отпустила. Весной какие походы, весной дача, огород надо копать! Не уйдешь от огорода.

Марк слушал очень внимательно, как будто даже дышать перестал.

...Что такое? Какие такие тайны открывает Сергей Васильевич? Что это за откровения, которые нужно слушать столь внимательно, боясь пропустить хоть слово?..

– А я просто так пошел, – подхватил Диман. – На спор. Ну, честно, честно! Мы в баре зависли, а там какой-то спортивный канал передачи крутит про экстермалов и всякое такое. Вот Кристинка и начала восхищаться – там, мол, настоящие люди, мужики, всякое такое. А я, получается, тюфяк. Не, в зал я хожу, конечно, сейчас все ходят, и на лыжах вроде стою. Я ей и говорю, что ничего особенного в этом нету, я бы тоже пошел и всякое такое. А она мне – куда тебе, ты только и можешь пиво пить и рассуждать. Ну, я и пошел. Взял отпуск и пошел. Думаю, докажу ей.

– А ты где работаешь?

– Я? – как будто удивился Диман. – Я программист в одной фирме. Фирма логистикой занимается, а я им программы пишу.

Марк перевел взгляд на Петечку.

– Ну уж нет, – сказал тот, кажется, с некоторым злорадством, – не дождетесь. Я вам ничего говорить не обязан. Что это за допросы?! Я ни в чем не виноват.

– Я инженер, – мрачно проинформировал Степан, кажется, только для того, чтобы утереть нос Петечке. – В Росгидро. Второй разряд по лыжам. В походы хожу каждый год, если получается, раза по два. На Приполярном Урале никогда не был, только слышал много. Тут как раз про перевал Дятлова стали вспоминать, по телевизору каждый день показывали! И сплошная брехня какая-то про перевал этот! Я решил – пойду и своими глазами посмотрю, что такое Приполярный Урал.

– Группу нашел в Интернете? – уточнил Марк.

– Как все. Здесь все из Интернета.

– А у меня папа улетел! – затараторила Женька. – Он бы меня ни за что не пустил! А тут улетел! А он все время за мной смотрит, шагу ступить не дает! И лыжи подарил крутые. И я решила, пока его нет, сходить! Это же так интересно! И я в школе на лыжах хорошо каталась. А он вернется, узнает, в какой я поход ходила, вот удивится!

Алла повела шеей, оглянулась и поняла наконец, почему ей так неловко. Кузьмич, не отрываясь, смотрел ей в затылок. Он не шевелился, не произносил ни звука и только смотрел на нее.

– Группу в Интернете собирал я, – неприязненно сказал Володя. – Я начальник отдела в банке. В прошлом году хотел пойти на Алтай, но не получилось. Решил в этом на Урал.

– Ты хоть раз ходил зимой и командиром группы?

Володя посмотрел с вызовом:

– Не ходил, и что?.. Надо же когда-то начинать! Лидерские качества сами собой не появляются. Их нужно формировать.

– Это тебе кто сказал?

– Какая разница, кто это сказал?!

– Володя, не кричи, – перебила его Марина. – У нас в институте считают, что нужно заниматься спортом всерьез, желательно каким-нибудь тяжелым и сложным. Я пошла в поход, потому что это огромный плюс к характеристике на повышение. Меня должны повысить, мне нужна правильная характеристика. Точка.

Алла еще раз оглянулась на Кузьмича, который все смотрел. Зачем он так на нее пялится?! Подозревает? Догадался? Вздор, ни о чем он не мог догадаться!

– Я вам о себе уже рассказывала, Марк, – она улыбнулась. – Собиралась с другой группой, но не получилось. А я твердо решила пойти. И пошла с этой.

– До старта никто из вас не был знаком друг с другом, так получается?

– За три дня до выхода познакомились! – бодро ответил Сергей Васильевич. – Когда первый сбор проводили, меня завхозом выбрали. А я во все походы завхозом ходил. Паек распределял, костер разводил, дневки назначал! Мне привычно.

– Ну, мы все исповедались, как на духу, – подытожил Володя с иронией, в которой звучало нечто вроде «что, съели?». – Ваша очередь! Или мы в одни ворота играем?

– Мы, парень, вообще не играем, – впервые подал голос Кузьмич.

– То есть вы нам не собираетесь рассказывать, кто вы такие?!

И вдруг Женька ляпнула:

– А я знаю! – и улыбнулась Марку. – Я знаю, кто вы такие! Я сразу узнала, как только увидела.

Марк молча смотрел на нее.

Алла испугалась, а Антон фыркнул и помотал головой.

– И этого тоже узнала?! – развеселился Петечка. – Еще один из списка миллионеров?.. Женька у нас всех миллионеров знает в лицо!

– Вы Марк Ледогоров, – выпалила Женька. – Вы знаменитый биатлонист. Победитель всех олимпиад.

– Не всех, – поправил Марк. – Только некоторых.

– Шести, – как во сне произнес Степан. – Марк Ледогоров – шестикратный олимпийский чемпион по биатлону.

...Где шестикратный олимпийский чемпион по биатлону?! Вот этот парень с красными руками и волосами, падающими на глаза?!

...Лыжня, проложенная ратраком, двустволка на плечах, Марк ушел на трассу, откуда посреди тайги трасса, «я здесь работаю, ох, как я здесь работаю...»

– Да ну, быть не может. – Володя уставился Марку в лицо. Кажется, едва удержался, чтобы не пощупать. – Вы Ледогоров?

– А вы... разве... Вы разве не должны быть в Сочи? – спросила Марина. – Олимпиада там будет, а не на Урале.

– Мы здесь живем и тренируемся, – ответил Марк и поднялся. Грохнул тяжеленный, как будто чугунный, стул. – Почти постоянно. В Сочи полетим ближе к делу. Да и то теперь непонятно, полетим или нет.

– Я репортаж видел. – Диман оглядел собравшихся, как бы сомневаясь, верить ли своим глазам. – По спортивному каналу. Там как раз рассказывали, что Ледогоров постоянно живет в условиях высокогорья и тренируется по своей программе. У него специальная программа. У вас то есть. И с ним тренер, а больше никого. Говорили, что так еще только один Бьерндален тренируется, норвежец. Тоже в горах живет где-то там, в Норвегии. И поэтому они на двоих все мировое золото делят. Друг с другом соревнуются. Остальные не тянут. Женька, ты знала и не сказала?!

– Вот именно, – подхватил Володя. – Почему ты не сказала, дура?!

Женька пожала плечами. Вид у нее был виноватый. Марк усмехнулся.

– Зоя Петровна, дайте чаю, что ли.

Безмолвная фигура выступила из тени:

– Твоего?

– Любого.

Затрещали щепки, потянуло сладким дымом – приятно.

– Я тебя и в лицо-то никогда не рассматривал, – сказал Сергей Васильевич, поглядывая на Марка. – Хотя и болельщик рьяный! Ты в Турине эстафету бежал, я голос сорвал. Думал – не вытянет он, не вытянет! Тебе тогда больше минуты отставания привезли. Чего там, все полторы! – Он прикрыл глаза, вспоминая. – Как ты тогда бежал, как бежал...

– И я тоже болельщик, – признался Степан. – Как это я вас не узнал?.. И в Турине, и в Ванкувере. В Ванкувере финиш был, комментаторы все выли, орать уже не могли. Ох, какой там был финиш, умереть можно.

– Ледогорова все знают, – неуверенно произнес Володя. – Он мировая звезда.

Алла опять повернулась и посмотрела на Кузьмича. Она так волновалась, что у нее дрожали руки. Пришлось сложить их на коленях, чтобы никто не заметил.

– А вы тренер, да? – спросила она.

Кузьмич кивнул.

– И вы здесь постоянно живете?

Он опять кивнул.

– Мы выезжаем отсюда только на обязательные соревнования, – сообщил Марк. – А так у нас своя программа. С Федерацией и союзом биатлонистов договорились, они к нам не пристают. Мы медали привозим, и все довольны.

– Спортсмены вашего уровня тренируются в Альпах, – заявила Марина почему-то неприязненно. – Вы рассказываете сказки.

– Виноградов как раз председатель союза биатлонистов, – вдруг вспомнил Степан. – Точно! Он тоже по телевизору все время про биатлон рассуждал!

– Как ты тогда в Турине нагнал, парень! Вот не думал я, что доведется тебя самолично увидеть, а?! Не поверит мне никто! Ты мне автограф оставь, что ли, или фотографию на память!

– Сергей Васильевич, успокойтесь!

– Да ведь не поверит никто!

– А зачем Виноградов прилетел именно сейчас? – тихонько спросила Алла. – Несмотря на штормовое предупреждение! Он знал, что можно застрять надолго, и все-таки прилетел. Зачем?

– У него было ко мне срочное дело, – ответил Марк.

– Вы из-за этого дела... поссорились?

– Да.

– И ночью его убили.

– Мы не убивали, – сказал Марк. – Вам придется или поверить, или не верить, это не имеет никакого значения. Нам нет смысла его убивать.

– Он вас содержит? – догадалась Марина. – Это все на его деньги, да? Все ваши удобства и красоты посреди тайги оплачивал Виноградов?

Алла подумала, что мысль о том, что олимпийский чемпион и супермен Марк Ледогоров находится на содержании, доставляет Марине удовольствие.

– А теперь его убили и деньги больше давать некому?

– Я содержу себя сам, у меня свои деньги, – сдержанно объяснил Марк. – Но Игорь всегда помогает, это правда. Он в разных вопросах помогает, не только в денежных. Он очень влиятельный человек в спорте.

– Был, – подсказала Марина.

– Чай, – объявила Зоя Петровна. – Еще кому наливать?..

– Мне! – вскинулся Сергей Васильевич. – Зоя Петровна, я там внизу, в баньке, постирушку затеял. Так вы того, не обращайтесь внимания, я сам достаю. Свитер провонял больно.

...Нельзя забывать про убийство. Никак нельзя! А то вон Сергей Васильевич про постирушку заговорил как ни в чем не бывало! Уже... привык к тому, что в доме убийство. Кем бы ни был Марк Ледогоров, как бы он ни был знаменит, в его доме убит человек, и сделать это могли или он сам, или его тренер, больше некому и незачем. В то, что убил кто-то из группы, Алла не верила ни на копейку.

...Они поссорились, и один из них убил – ночью ножом, хладнокровно и беспощадно. Наверное, именно так, хладнокровно, беспощадно и расчетливо, Марк Ледогоров обходит противников, остается победителем – всегда.

...Сейчас все будут смотреть на него с обожанием, просить автограф и «сфотографироваться» – вон Сергей Васильевич уж попросил! Сейчас все будут вспоминать его победы и триумфы, зато никто и не вспомнит, что этот человек может быть опасен, именно потому что тренирован, умен и хитер. Он на своей территории, здесь он не просто олимпийский чемпион и звезда мирового спорта. Здесь он хозяин. Волк.

...Есть такие волки, которые убивают просто из спортивного интереса...

– Ты на лыжне-то всегда в шапке этой и в очках!

– А почему вы так мало интервью даете?

– Вообще-то я биатлон не смотрю, но несколько раз попал, финиш в Ванкувере действительно ударный был.

– Нет, а ты спринт видел?! Ну, когда Фуркад два штрафных бежал! И до последней секунды было непонятно, кто кого.

Кузьмич аккуратно поставил свою кружку и вышел. Марк помедлил и вышел за ним. Алла проводила их глазами.

Кузьмич надевал в сених пуховик.

– Ну что?

Он сердито махнул рукой:

– Все врут, до одного.

– Зачем?

– Не знаю. Но врут все. Пойду я лыжи посмотрю, Марк. По лыжам многое понятно станет.

Я внимательно-то не глядел.

Он напялил шапку, натянул почти до глаз.

– И девчонка!..

– Девчонка – ладно, – сказал Марк тихо и быстро. – А вот ты почему проспал?

И они посмотрели друг на друга.

– А Зоя Петровна почему проспала? – спросил Кузьмич и взялся за ручку двери. – То-то и оно.

Марина вернулась очень бледная и решительная и сообщила, что убили ближе к утру, то есть часов восемь назад. Удар один и такой силы, что шансов не было никаких.

– Он даже повернуться не успел, – сказала Марина, и губы у нее затряслись. Антон подал ей воды в водочной стопке, но она с силой отстранила его руку, вода пролилась на пол. – Кем надо быть, чтоб вот так, во сне!.. Это... бесчеловечно, ужасно!..

– Да, – согласился Антон, снова налил в стопку воды и выпил сам, как водки хлопнул. – Чего делать, непонятно. Чего жене говорить, где теперь работу искать...

– А у него жена есть, да? – спросила глупая Женька с сожалением, как будто убитый Виноградов собирался жениться на ней, да вот не успел.

– Ну конечно, есть! – с досадой сказал Антон. – У всех есть!

– И у Марка?

Алла за руку уволокла Женьку в комнату с книгами.

– Жень, угомонись. Эти люди убили человека, ты хоть понимаешь?

Женька закивала:

– Аллочка, я все, все понимаю. Вы не думайте, что я дура.

Алла и не думала, что она дура!.. Зато была почти уверена: Женька что-то скрывает и делает это очень ловко.

– Как ты его узнала?

– Ледогорова?! Аллочка, его же все знают! Он великий спортсмен, знаменитость!

– Ты поклонница биатлона?

– Папа, – запнувшись, сказала Женька. – Папа всегда смотрит. И я иногда смотрю вместе с ним.

– Что ты смотришь?

– Трансляции, – старательно ответила Женька. – Спортивных соревнований.

Алла внимательно и пристально смотрела ей в лицо. Та покивала несколько раз – честно-честно.

...Во время соревнований они все в очках и шапках, прав Степан! Какие они там за этими очками, не разберешь. Марк Ледогоров в светских мероприятиях не участвовал, в ток-шоу нога на ногу не сидел и в Думе не голосовал. На обложках журналов его никогда не печатали. Иногда он мелькал среди каких-то важных людей, но именно мелькал. Узнать его трудно, и все-таки Женька узнала. Из-за папы? И его любви к биатлону?..

– Не лезь к ним, – попросила Алла. – Ни к Марку, ни к его тренеру. Будь осторожна.

– Аллочка, я очень осторожна, но ведь вы не думаете на самом деле, что Марк Ледогоров мог зарезать своего делового партнера или даже спонсора?

– Почему не мог?

Женька потянула Аллу за руку, и вместе они плюхнулись на диван на какие-то шкуры.

– Аллочка, Ледогоров – шестикратный олимпийский чемпион. Вряд ли у него что-то с головой, да? Он же то и дело проходит всякие медицинские обследования и комиссии! То есть он здоров и в своем уме. Напиться до зеленых чертей он вчера никак не мог, он до вечера тренировался и вообще ничего не пил! Во-от, значит, пьяный угар и помрачение рассудка исключаются, да? – Алла не отводила глаз от Женькиного лица, а та продолжала: – Игоря, бедного, зарезали, да? Марина сказала – никаких шансов. Ледогоров с винтовкой обращается как бог. Ну быть не может, чтобы он так же обращался с ножом. Ему некогда с ножом тренироваться, он все время с винтовкой тренируется! Во-от. И потом, понимаете, Аллочка, если он сам Игоря зарезал, зачем он нам показал его труп? Вот зачем?

Алла перевела дыхание.

– Нет, ну правда, – продолжала Женька, – вот зарезал Марк Игоря, бедного. Вот лежит Игорь на кровати мертвый. Ну и вытащили бы они его в снег. Мы бы и не догадались ни о чем. Утром стали бы его искать, бегать по дому. Ну, не нашли бы, и все дела.

Она помолчала и добавила, сдвинув брови, очень темные по сравнению со светлыми волосами:

– Я... мне правда его жалко, Игоря.

Бедного, прибавила про себя Алла.

– Он вчера так настойчиво предлагал мне с ним переспать! Нет, он даже не предлагал, он как будто распоряжение делал! Он говорил: я проведу с этими чудиками воспитательную работу, и ты ко мне придешь, да, лапочка? Или я за тобой Антошу пришлю. Антоша всегда готов помочь. Я, конечно, тоже хороша, шампанского напилась!.. Но, знаете, Алла, сколько раз...

Тут Женька вскочила и захлопала глазами.

– Есть хочется, – сказала она специальным «девочкиным» голосом. – Я, наверное, бесчувственная. Никому не хочется, а мне хочется! А тетку просить я боюсь.

И она выбежала из комнаты.

Алла посмотрела на книжку про похождения бравого солдата Швейка.

...Виноградов собирался выяснить отношения с Марком и его тренером, а потом всласть порезвиться с Женькой. Женька или сама придет, или ее приведут – для этого есть специальный человек Антон, всегда готовый выполнить любое распоряжение хозяина. Почему Женька ничего никому не сказала? На самом деле напилась или сделала вид? Или, может быть, сочинила историю только что?.. Зачем? Зачем она ее сочинила?..

Алла вышла в коридор. В кухне разговаривали – громче всех Степан с Сергеем Васильевичем и опять про Турин и Ванкувер!..

Безмолвная Зоя Петровна тащила какие-то рюкзаки, дотащила до Аллы и плюхнула на пол:

– Ваши?

Алла посмотрела.

– Наши.

– Разобрать надо. Вещи посушить. Сгниют.

– Зоя Петровна, – спросила Алла, развязывая рюкзак, – вы ночью ничего не слышали? Никакого шума?

Та ничего не ответила. Время от времени, по всей видимости, ее поражал приступ глухоты или немоты.

Алла потянула завязки и стала вываливать на пол какие-то свитера и штаны. В коридоре моментально завоняло застарелым дымом от походных костров и отсыревшей шерстью.

Вдруг рюкзак как-то странно дернулся и взметнулся из-под Аллиного носа, и она чуть не упала, пришлось опереться руками:

– Что вы делаете?! Не трогайте тут ничего!

Над Аллой нависал Диман, совершенно красный.

– Я не трогаю, – сказала она осторожно. – Я хотела вещи повесить посушить...

– Не надо ничего сушить! Я сам!

Он перешагнул через Аллу и пошел к «комнате мальчиков», унося рюкзак, но вдруг остановился и повернулся к ней.

– Это чей?

– По-моему, Володин.

Диман еще посмотрел на рюкзак, повернулся, вздохнул и забормотал виновато:

– Алла Ивановна, не обращайтесь внимания! Извините. Я думал, это мой, они у нас почти одинаковые! А я терпеть не могу, когда в моих вещах роются, просто ненавижу!

Он подошел и аккуратно опустил рюкзак возле сидящей на полу Аллы.

– Это у меня с детства психоз. Я от брата все время вещи прятал, понимаете? Он у меня все таскал!

Диман протянул руку и помог Алле подняться.

– Да ничего, – пробормотала она. – Бывает.

– Давайте я вам лучше помогу. Куда тащить?

– Тащи в подвал, там есть где вещи развесить.

Безмолвная Зоя Петровна, протиравшая пыль в «оружейной», аккуратно и бесшумно вернула на место винтовку. Рядом на полке лежал охотничий нож в кожаных ножнах. Зоя Петровна посмотрела на нож и вышла.

Звук был равномерный и сильный – вжи-ик, вжи-ик, вжи-ик, – с отзвуком металла.

Женька остановилась перед табличкой «Посторонним вход воспрещен. Только для персонала» и прислушалась. Звук явно шел откуда-то изнутри, что-то там происходило, за дверью «только для персонала».

Она еще постояла, посмотрела по сторонам – никого не было на втором этаже, все внизу, – и потянула дверь на себя.

Звук стал отчетливей.

В комнате было сумрачно от метели, свет не горел. Книжные полки, диван, письменный стол, а на столе компьютер! Вот так так! Выходит, не зря Петечка мечется, ищет Интернет! Выходит, есть здесь Интернет, если хорошенько поискать, можно и найти! Женька подошла к письменному столу и посмотрела – бумаги, много бумаг. Какие-то графики, стрелки.

Вжик, вжик, доносилось из-за стены.

Широкий диван, на диване – комом – меховой плед. В кресле навалены какие-то вещи. Женька обошла кресло стороной и пошла на звук.

Марк Ледогоров в трусах и футболке, мокрый с головы до ног, как будто катился на лыжах, но не двигался с места в каком-то диком тренажере. Тренажер состоял из широкой плоской ленты, которая двигалась под ним, когда он отталкивался ногами, и тросов с гириями, те, по всей видимости, заменяли лыжные палки. Вжик – налево! Вжик – направо! Вжик! Вжик!..

Женька стояла в дверях и смотрела.

Здесь оказалось полно всяких тренажеров, о назначении которых невозможно было догадаться по виду: отполированные плоские напольные штуки с ограничителями; колодки, похожие на пыточные; еще как будто ворота с дисками для утяжеления в створах. Странные, тяже-

лые, угрюмые механизмы – ничего общего с хромированными, блестящими, самодовольными тренажерами в фитнес-клубах.

Женька вошла и очутилась у Ледогорова за спиной. Пот капал у него с подбородка, оставлял на черном пластике ленты следы.

Вжи-ик!.. Вжи-ик!..

«Посторонним вход воспрещен. Только для персонала».

Женька тихонько присела на какую-то зеленую резиновую штуку, похожую на гирию. Сидеть было очень неудобно, штука качалась и кособочилась под ней. Уходить Женька не собиралась.

Он соскочил с тренажера, наклонился и подышал. И негромко сказал, не поворачиваясь:

– Это надолго.

– Можно мне посмотреть?

Он перешел к следующему стенду. Тросы натянулись и задрожали, и мышцы у него на руках, переплетенные синими венами, натянулись тоже. Диски тяжело поднимались в пазах, и казалось, должны падать с оглушительным грохотом, но Марк опускал их мягко, почти нежно, почти неслышно – бесконечное число раз.

Потом к этим бесконечным монотонным движениям добавилось еще одно – ногами. Снова поехала лента на полу – влево, вправо, влево, вправо.

Зеленая резиновая гирия, на которой сидела Женька, как-то вывернулась, и она плюхнулась на пол.

Он взмахнул руками и пошел, на этот раз как будто с палками, движения изменились, стали неровными, более сложными, но никак не заканчивались. Бесконечное количество раз влево, бесконечное количество раз вправо, и все по новой.

Женьке стало трудно дышать, словно она сама делала все эти движения. Смотреть было почти невыносимо, как будто на ее глазах угрюмые фантастические механизмы пытали живого человека, вытягивали из него силы, медленно, по капле, – вон они падают, эти капли!

И снова, и опять, и влево, и вправо.

Женька закрыла глаза и сглотнула. Ее затошнило от его усилий.

Может, лучше уйти?..

Он продолжал работать, а она сидеть на полу, и неизвестно, сколько это длилось. Он сказал – долго, но Женьке показалось, что не просто долго, а вечно, механизмы его пытали, а он как будто старался спастись, совершал всякие магические ритуалы, чтобы их задобрить, но они оставались безжалостными!

А потом он куда-то ушел.

Женька еще посидела, повздыхала, встала на четвереньки и подползла к широкой резиновой ленте. Она в самом деле была мокрой, вся залита потом, и Женька подумала – странно, что не кровью.

Прошло еще довольно много времени, и Марк появился – как ни в чем не бывало.

Никаких следов пыток, никакого изнеможения.

Он был в белой футболке и брезентовых штанах, на шее полотенце, волосы мокрые.

Женька снизу вверх посмотрела на него.

– Так каждый день?

– Обычно два раза в день.

– И сегодня два раза?

Он кивнул и кинул в кресло полотенце.

– Ты извини, что я... влезла без приглашения.

– Ничего, – сказал он вежливо. – Мне зрители не мешают.

И посторонился, пропуская ее.

Не говоря друг другу ни слова, они вышли в коридор, он прикрыл за собой дверь и держал Женьку за руку.

– Кто из ваших мог убить?

Она посмотрела на него очень серьезно.

– Можно мне потом еще к тебе на тренировку?

– То есть ты не знаешь?

Она покачала головой.

– Зачем ты сюда пришла?

Женька опустила голову, краска залила щеки. Она отняла руку и кубарем скатилась по лестнице.

Дверь распахнулась, дернуло ледяным ветром, метель ворвалась в дом. Вик вбежал весь в снег, шкура загорелась под светом тусклой лампочки, как будто усыпанная мелкими бриллиантами. Пес сунул Кузьмичу в ладонь широкую холодную морду.

– Здорово, здорово, – сказал Кузьмич рассеянно и потрепал его между ушами.

Вик фыркнул и поддал носом.

– Здорово, говорю, – повторил Кузьмич. – Ну, чего там? Метет?

– Метет, – отозвался Марк, сбивая снег с унтов. – Нагонять на лыжне много придется.

– Нагоним.

Марк зашел, пристроил на вешалку пуховик и осмотрелся.

Его тренер сидел в кресле, вытянув ноги, и задумчиво созерцал шеренгу лыж, выставленных у стены. Их было ровно восемь и все не парные. Марк сел в соседнее кресло и тоже стал созерцать.

– А сосед твой где?

– Антон в большом доме. Чего ему со мной сидеть? Нервничает он, понятное дело. Начальника, считай, на глазах убили!

Вик обошел все три комнаты, чихнул на фотографию полярной совы, которую он отчего-то терпеть не мог, устроился между Марком и Кузьмичом и зевнул во всю пасть. Сверкнули сахарные чудовищные клыки.

– Кофе хочешь?

– Давай.

Кузьмич подобрал ноги, нехотя поднялся и пошел на кухню.

– Ты оценил, – громко спросил он оттуда, – что я тебя ни о чем не спрашиваю?

Марк промолчал. Он рассматривал лыжи.

Вернулся Кузьмич, ткнул ему в ладонь кружкой. Кружка была очень горячей. Марк отхлебнул.

Кузьмич подошел к шеренге лыж и простер руку с видом экскурсовода, который собирается провести лучшую экскурсию в своей жизни. Так оно и было на самом деле, и Марк приготовился наблюдать представление. Кузьмич безошибочно, с первого взгляда умел определять уровень, класс лыж и креплений и их соответствие лыжнику и задаче, которую тот решает. У Марка тоже получалось, но хуже, чем у тренера.

...Посмотрим, послушаем. Сравним выводы.

– Значит, так. Вот эта, склеенная, недотепы, который считает, что он командир, тут ошибки быть не может, – и отодвинул лыжу в сторону.

– Заметь, только он так и считает, – согласился Марк. – И заблуждается.

– Заблуждается. И я пока не понял, кто на самом деле командир.

– Алла? – предположил Марк.

– Или Сергей Васильевич.

– А Степан?

Кузьмич помотал головой, глотнул и пристроил свою кружку на поленицу.

– Не, не, не. Степан не при делах. Только вот я тоже пока не понял, совсем не при делах или...

– Или?

– Или у него какая-то своя роль. Значит, эта лыжа Володи. Как раз подходит ему... по статусу. Как работнику банка. Они все себе такие покупают в специальных спортивных магазинах для работников банков. Стоит великих денег, красота неземная, дерьмо дерьмом. Крепления опять же.

Марк посмотрел на крепления и засмеялся.

– Это ему в магазине такие поставили, Кузьмич. Сказали, что будет круто.

– Согласен. Ну, эта Женькина, понятно.

Кузьмич быстро и внимательно взглянул на Марка, и тот глаз не отвел.

– Ну, что ты смотришь? – спросил Ледогоров, потому что пауза затягивалась. – Я знаю, что это ее! Я сам выбирал для нее эти лыжи, Паша!

– Ты бы головой подумал, олимпийский чемпиен, – негромко сказал Кузьмич, и Вик, услышав слово «чемпиен», поднял голову и наострил уши. Он знал, что это слово ничего хорошего не предвещает. – Не, ты можешь и дальше молчать, как пень, но ты все-таки подумай.

– Я думаю.

– Медленно ты думаешь! Ты думай, как на трассе, – быстро и толково.

Женькину лыжу он отодвинул почему-то в другую сторону и взял две следующие.

– Вот эти совершенно равнозначные. – Кузьмич посмотрел сначала на ту, что была у него в левой руке, а потом на ту, что в правой. – Вполне профессиональные, надежные, крепки соответствуют. Почему я и не знаю пока, кто из них главнее, мужик или девушка.

– Мужик – это Сергей Васильевич, а девушка – Алла?

Кузьмич кивнул.

– По сравнению с этими лыжами все остальные – фуфло, сам видишь. Женькины не в счет, понятное дело. – Он аккуратно отставил лыжи к стене. – Ну, эта – заморыша, который с телефоном не расстается, последняя модель, раскраска сам видишь, аж глазам больно, в Сети такие рекламируют, он небось из интернет-магазина их и выписал!.. Цена грош, зато красоты много, как раз для него! Во-от, а эта, судя по всему, Степана. Если по лыже смотреть, Степан ни в какие походы по два раза в год не ходит, понятное дело. Или ходит, но на каких-то других лыжах. Эти совершенно новые, не опробованные, куплены позавчера. В такой серьезный поход на новых лыжах не идут. Врет Степан.

– А заморыш?

– Не знаю, – сказал Кузьмич с сомнением. – Но он единственный, кто нам брехать не стал, когда мы спросили, кто он и откуда. Не стану, говорит, отвечать на ваши идиотские вопросы!

– То есть или он очень умный, – задумчиво протянул Марк, – и понимает, что врать бессмысленно...

– Или совсем дурак, – подхватил Кузьмич, – и не понимает, что мы и без него все узнаем.

– Кто-то из них зарезал Игоря. Зачем?..

Кузьмич вдруг оскалился, как Вик, почуявший волка.

– Я бы его сам зарезал, Марк. Сволота такая!.. Главное, столько лет вместе, а тут – на тебе!..

– Чего ты сейчас-то бесишься?

– А ты не бесишься?! У нас Олимпиада на носу, нам выступать, и Виноградов вдруг нарисовался! Я ему чуть в рожу не засветил, полночи не спал!

– Ты как раз все проспал, – перебил Марк. – Как это вышло? Почему ты все проспал?! Я знаю тебя сто лет, ты всегда просыпаешься секунда в секунду! Почему именно сегодня ты проспал?

– Сам не пойму, – вдруг обмякнув, сказал Кузьмич. – Вот честно, не пойму, Марк. А Зоя Петровна? Как она могла не услышать, что в доме кто-то ходит? Она за три километра винтовочный выстрел от двустволки отличает!

Они помолчали.

– Скандал будет на весь мир, – произнес Марк задумчиво. – В моем доме председателя союза биатлонистов зарезали.

– Будет, это точно, – согласился Кузьмич. – Ничего, прорвемся как-нибудь, узнать бы только, кто и за что убил. Чтоб не затаскали нас с тобой по инстанциям перед самой Олимпиадой.

– А последняя? – Марк кивнул на единственную оставшуюся лыжу.

– Эта как раз интересней всех.

Кузьмич взял лыжу, покрутил из стороны в сторону и сунул Марку.

– Сам погляди.

Марк взял, посмотрел так и эдак, поднялся и подошел под свет.

– Да, – согласился он и еще посмотрел. – Интересно.

Кузьмич сопел у него за спиной, тоже рассматривал:

– А эти не ты выбирал, нет?

Марк отрицательно покачал головой.

– А такое впечатление, что ты. Или я. Я бы, например, для зимнего похода только такие выбрал. И вот вопрос у меня к тебе – откуда такие лыжи у толстого чувака, который утверждает, что он программист на складе?

– Не на складе, а в логистической компании!

– Это одно и то же.

Свет мигнул, померк, но не погас.

– У нас солярки-то хватит, Кузьмич?

– Хватит у нас всего. Если б я тебя слушал, то без света бы и сидели! А я запасливый. У нас еще угля полно, брикетов топливных.

О некоторых дополнительных запасах в ангаре, про которые Марку уж совсем не следовало знать, он умолчал.

Марк допил кофе и прошелся перед голландской печкой туда-сюда, закинув руки на шею. Остановился и провел ладонью по Женькиной лыже.

Вик поднял голову, замер на секунду, а потом часто и жизнерадостно задышал. Хвост шевельнулся туда-сюда.

– Идет кто-то, – сказал Кузьмич.

– Я не убивал, – выговорил Марк медленно. – А ты?

– Я тоже не убивал.

– Остаются чужие, Женька, Зоя Петровна и Антон.

– Антону зачем? Он у Игорька как сыр в масле катался! Тот его везде за собой таскал – и на острова, и на яхты, и на курорты разные! Игорек без вертолета жить не мог, ты же знаешь!.. Где это Антон себе другого такого золотого шефа найдет?

– А Зое Петровне зачем?

– И ей незачем. А про Женьку сам думай. Я тебе не помощник.

На крыльце стукнуло, Вик вскочил и потрусил к двери. Белый хвост мотался из стороны в сторону.

– Здорово, мужики, – произнесла с порога фигура, замотанная от метели почти до глаз.

– Проходите, Зоя Петровна.

Она расстегнула пуховик, стащила его и в несколько приемов старательно отряхнула снег.

– В «оружейной» охотничий нож, – проинформировала Зоя Петровна безразлично. – Не наш, чужой чей-то. Я его оставила где был, дверь заперла от греха. В шкафу медицинском

ампулы одной не хватает. Звериное снотворное, что по весне заряжаем, когда медведи голодные. В медицинской врачиха была, этот с растяжением и Алла. Больше никто не заходил.

Марк и Кузьмич переглянулись. Зоя Петровна продолжала без выражения:

– Толстый ихний до смерти перепугался за свой рюкзак. Я велела вещи разобрать, так он рюкзак вырвал и понес. А потом оказалось, не его рюкзак-то. Так он сразу успокоился и повинился, не люблю, мол, когда в моих вещах копаются.

Зоя Петровна помедлила, потом подложила полено в чугунный зев «голландки» и стала ловко заматывать щепки.

– Женька плачет, – добавила она как ни в чем не бывало и ссыпала щепки туда же. – Ужин скоро. Приходите, мужики.

Потрепала Вика по загривку, надела пуховик и ушла в метель.

Спали плохо – решили дежурить по очереди, но от Женьки не было никакого толку. Вечером она почему-то рыдала, правда, быстро успокоилась и читала на диване «Похождения бравого солдата Швейка», а потом завалилась на свою кушетку в «комнате девочек», накрылась с головой лоскутным одеялом и заснула.

– Я ее разбужу, – сказала Алла Марине, – немного подежурю, потом разбужу ее. А после уж ты.

Спать по очереди было очень правильным решением, но невыполнимым. Алла долго прислушивалась к тишине дома, к метели, которая все терлась о стены, к Женькиному дыханию, задремывала, просыпалась в ужасе и опять задремывала.

...Спать нельзя! В доме человек, убивший другого человека. Скорее всего, он тоже не спит и прислушивается к тишине и всматривается в темноту. Как вообще можно спать после... убийства?... Алла пыталась себе представить и не могла. Вчера в это самое время Игорь Виноградов был жив, а тот человек только готовился его убить. Собирался и прикидывал, как он это сделает – как войдет в комнату спящего крепким сном человека, подождет, пока глаза привыкнут, прикинет, как ловчее всадить нож. Потом он поднимается, неслышно идет по дому... убивать. Он знает, зачем идет, знает, что будет делать.

Алла вздрагивала, садилась и бралась за горящие щеки. Нет, невозможно себе представить! Она прислушивалась, в ушах звенело от напряжения.

Убийца рядом, в двух шагах. Спать нельзя.

Она опять укладывалась и прислушивалась, уставала, задремывала и вскакивала в ужасе. Разбудить Женьку так и не удалось.

– М-м-м, – тянула та, когда часа в четыре Алла попыталась ее растолкать. – Уже пора, да?... Я сейчас, еще пять минуточек.

Марина тоже не просыпалась. Она спала каменным, тяжелым сном, и лицо ее в темноте казалось напряженным и постаревшим.

Утром Алла спустилась вниз первая, ей было холодно, глаза как будто песком засыпаны. В кухне трещали дрова и Зоя Петровна орудовала своими метровыми сковородами и ведерными чугунами. Алла натянула пуховик и валенки и вышла на крыльцо.

Ветер хлестнул по непокрытой голове, забрался в волосы и разбросал их, щеки загорелись, и стало легче дышать.

Снегу за эти дни насыпало почти по окна, леса под горой совсем не видно. Неужели метель когда-нибудь кончится, и выйдет солнце, и небо будет голубым? Разве небо бывает голубым?

Черная тень метнулась ей под ноги. Алла вскрикнула, как глупая Женька, засеменила ногами, поскользнулась и шлепнулась – больно!

Из метели высунулась улыбающаяся собачья морда. Алла оказалась с ней нос к носу.

– Вик! Ты меня напугал! Что ты прыгаешь?

– Здоровается, – сказали где-то над ней, и из снежной круговерти высунулась рука. – Поднимайтесь!

Алла уцепилась за руку, встала на четвереньки – фу, как неловко, – и поднялась.

– Доброе утро, Павел.

– Вы бы шапку надели или хоть капюшон накинули.

– Да я на минуту только вышла. Подышать.

– Ну-ну.

Из высоких деревянных саней, которые он притащил с собой, Кузьмич стал кидать на крыльцо поленья. Получалось у него очень ловко, как будто они сами собой складывались в аккуратный штабель. Алла спустилась с крыльца и стала подавать ему тяжелые сырые дровины.

– Да я сам управлюсь.

– Ничего, мне полезно. Третий день в доме сидим безвылазно.

– Завтра-послезавтра метель уйдет.

– Связь появилась? – обрадовалась запыхавшаяся Алла. Она не успевала за его движениями, отставала, а ей хотелось быть такой же ловкой, как он.

– Ничего не появилось. Я и так знаю. Сегодня еще пометет, а потом погода будет, вот увидите.

– И вертолет прилетит?

– Какой вертолет?

– А вы разве... не вызывали никого? Человека же... убили.

Он ничего не ответил, продолжал швырять дрова.

...Осторожно! Осторожно с ним! Может быть, он и убил. Может быть, это он шел ночью по темному дому, прикидывая, как именно станет убивать.

Алла подала последние поленья и заправила волосы под капюшон. Вик крутился рядом, она поймала его за хвост. Вик удивился.

– Мы с Марком до всяких вертолетов должны узнать, кто убил и зачем, – сказал Кузьмич. – Вы не понимаете, да?.. Олимпиада вот-вот, это самое главное событие в жизни любого спортсмена. Мы четыре года так или иначе готовимся к Олимпиаде. Нет, к первенствам и чемпионатам само собой, но Олимпиада главней. Тем более домашняя. То, что у нас тут случилось, это... даже не объяснить! Марк должен выступать, кровь из носу должен, а в его доме труп председателя союза биатлонистов! Представляете, какой будет шум, какое давление на него? И его моральное состояние представляете? Ну хоть слегка? Он сейчас ни о чем не должен думать, только об одном – как победить. Ему тридцать шесть, к следующей Олимпиаде сорок стукнет. Сочи, может, и не последний шанс, но... почти. И на него вся страна рассчитывает. Каждый ребенок знает, что как бы то ни было, а Ледогоров у нас есть, значит, и медали будут. А мы вынуждены вместо того, чтоб готовиться, головоломки решать... кровавые.

Он стал жестким веником сметать с крыльца снег. Алла отступила немного.

– Марк – мужик железный, конечно, – задумчиво выговорил Кузьмич, продолжая орудовать веником. – Но он человек, а не автомат Калашникова.

Он швырнул веник в угол и вдруг вспылел:

– Сам бы убил я этого Виноградова, вот честно! И ту сволочь, которая его зарезала, тоже!.. Ну, что вы там стоите? Пойдемте в дом!

Одним движением он затащил Аллу в сени, хорошенько захлопнул за собой дверь и вдруг насторожился, как Вик, почуявший волка.

Алла оглянулась по сторонам. Никого не было в коридоре!

Кузьмич секунду стоял, прислушиваясь, а потом прошел в комнату со снаряжением.

– Чего тебе здесь надо, парень?

Диман разглядывал что-то на верстаке и отшатнулся, когда ввалился Кузьмич.

– Ничего... ничего не надо! Я просто так зашел!..

Кузьмич надвигался на него, и, хотя Диман был не маленький и не слабый, казалось, что на муравья надвигается гора. Нет, не просто гора, а огнедышащий вулкан Эйяфьятлайокудль!

Кузьмич в один шаг оказался рядом с верстаком.

– Что ты тут разглядывал?!

– Да я так просто! – оправдался Диман и еще отступил. Дальше была стена, отступать некуда. Встревоженная Алла показалась на пороге, и Диман перевел дыхание.

Этого первобытного мужика, похожего на вулкан, он на самом деле испугался.

– Я зашел просто так, завтракать шел! А тут у вас интересно! Приспособления разные, банки, всякое такое! Я не трогал ничего!

– Дима, не кричи, – велела Алла.

Кузьмич оглядел «банки и приспособления». Все на месте и, похоже, на самом деле ничего не трогали.

– Ты когда по чужому дому шастаешь, разрешения спрашивай, куда можно заходить, а куда нельзя!

– Нет, а чего такое-то?! Если тут у вас военные секреты, вы дверь запирайте! Или секреты свои в сейф положите!

– Положу. Давай дуй, парень, отсюда!

Диман пожал плечами, хотел еще что-то сказать и не стал.

– За что вы на него напали? – спросила Алла.

– Да потому что посторонним здесь делать нечего!

– Мы все посторонние, – обозлилась Алла, – нам всем тут делать нечего! Мы бы ушли давно, если б могли! А вы в самом деле запирайте, если боитесь, что мы вас... обворуем.

– Дело не в воровстве!

– А в чем?! У вас в доме происходят темные дела! Человека убили! Мы чем виноваты? Что вы нападаете?!

– Я нападаю?! Я тихо-мирно попросил этого... вашего выйти! А вы скандал закатили!

Они орали уже во весь голос. Из кухни показалась безмолвная фигура, оценила обстановку и исчезла, видимо, решив, что все в порядке, идет своим чередом.

– Не надо нас запугивать! Нам и так невесело...

– Милая девушка, я не запугиваю! Но лезть в мои дела никому не позволю!

Алла вдруг уставилась на Кузьмича:

– Как вы меня называли?!

Он посопел носом, вспоминая.

– Милая девушка, а что?

Тут она покатила со смеху.

– Спасибо, – от души поблагодарила она. – Меня сто лет никто так не называл.

Он вдруг заинтересовался:

– Почему?

И Алла стала объяснять по-дружески:

– Как почему? Потому что я взрослая женщина давно, у меня работа соответствующая, должность! Вот Женя милая девушка, а вовсе не я.

– А чему соответствует ваша работа и должность?

Она замолчала, замерла и, кажется, едва удержалась, чтобы не зажать себе рот ладонью.

...Как это вышло? Зачем она сказала про работу и должность? Почему потеряла бдительность? Только из-за пустячного комплимента?!

Павел Кузьмин смотрел на нее внимательно, глаз не отводил, она забормотала и стала отступать:

– Нет, просто странно это слышать. Я... то есть спасибо, конечно...

Он проводил ее глазами – правда, не понял, из-за чего она так переполошилась, – и еще раз оглядел верстак, полки и ряды лыж в специальных держателях.

Все на месте, все в порядке. Нужно было сразу запереть, как только в доме появились посторонние, а он дал маху!.. Что-то в последнее время он промахивается все чаще и чаще. Стареть стал?..

У Володи сильно болела нога, он хромал, морщился и очень старался не жаловаться. Марина уколола ему что-то из собственных запасов, одалживаться у олимпийского чемпиона и его тренера не стала. Степан и Сергей Васильевич взахлеб разговаривали про Ванкувер, Турин и строили всякие прогнозы относительно Сочи.

– Ну, эстафета – раз, это точно. Потом еще спринт, Ледогорову в спринте равных нет.

– Особенно если француз намажет и у норвежцев не все ровно пойдет.

– У норвежцев Бьерндален! Ты его в расчет принимай!

– Да он уж старый!

– Какой старый, сорок лет! Он же не фигурист и не гимнастка! Это у них двадцать пять лет потолок, а у биатлонистов...

– А Ледогорову сколько? Давай спросим!

– Погоди, давай посчитаем! До Турина что было? Солт-Лейк-Сити, что ли? Он уже выступал, да?

Петечка сидел безвылазно в «комнате мальчиков» и что-то писал – ручкой по бумаге. Ручку и бумагу он попросил у Марка. Женька читала «Похождения бравого солдата Швейка», и возле нее торчал Антон.

Алла перемыла после завтрака посуду, накипятила воды и принялась железной щеткой скоблить бесконечный стол. Явилась безмолвная фигура, постояла, посмотрела и раскритиковала Аллину работу. Зоя Петровна ни слова не сказала, конечно, но по ее носу и так все было понятно.

Алла заправила за ухо вывалившиеся волосы, скорчила рожу фигуре в спину и продолжала скрести.

Перед носом у нее появилась связка прутьев.

– Что это такое?

– Голяк. Только им и скребут. А железку свою брось, от нее одна чернота.

С «голяком» дело пошло быстрее, и вскоре стол залоснился, как масляный, задышал, запахло чистым деревом.

Алла напоследок еще ошпарила стол кипятком, вытерла досуха, полюбовалась и огляделась. Больше делать было нечего.

Пришла Марина, и Алла похвасталась ей столом. Марина не обратила внимания.

– Я не понимаю, почему они так беспечны, – сказала она. – Марк опять тренируется. Второй куда-то ушел. А в подвале труп.

Алла отодвинула тяжеленный стул и села напротив.

– Ты знаешь, у них ведь на самом деле положение сложное. – Она свернула полотенчико и протерла столешницу перед собой – просто так. – Олимпиада впереди, а они в такой переплет попали.

– Куда они попали, Алла Ивановна?!

Тут Алле некстати вспомнилось, как Кузьмич назвал ее «милой девушкой», и она улыбнулась.

– В какой еще переплет?! Вы что, тоже умом тронулись, как Сергей Васильевич со Степаном?! Убил или Марк, или тренер! Ну, может, еще Антон! Им теперь надо следы замечать, вы понимаете? – горячилась Марина.

Алле не хотелось об этом думать. Ей хотелось думать о том, что Марк обязательно выиграет и Олимпиаду в Сочи тоже, как все предыдущие, несмотря ни на что! Несмотря на убийство, метель, разрушившую весь график тренировок, и на то, что он «человек, а не автомат Калашникова»!

– Почему они ничего не предпринимают? Они должны искать убийцу или делать вид, что ищут! Хотя бы для отвода глаз. А они никого не ищут!

Алла все смахивала со стола несуществующие крошки.

– Зоя Петровна все время шныряет, – продолжила Марина и оглянулась на дверь. – Я сегодня хотела Володю посмотреть в «медицинской» комнате на кушетке под хорошим светом, а она на ключ заперта. Я просить не стала, конечно...

– И Диму из комнаты со снаряжением Павел выгнал. Как будто испугался чего-то, – задумчиво произнесла Алла.

– Кто такой Павел? Ах да. И метель не кончается!.. Как назло.

– Что Дима мог там искать? – задумчиво спросила Алла. – Или в самом деле из любопытства заглянул?..

– Дима тут совершенно ни при чем, Алла Ивановна! Мы вообще ни при чем – никто из нас!! Что вы выдумываете?..

– Пирог с чем? – без выражения спросили откуда-то сбоку, и обе они подскочили как ужаленные. – С рыбой, с капустой?

Зоя Петровна бесшумно возилась у плиты.

– Что вы подкрадываетесь! – крикнула Марина, и на глаза у нее вдруг навернулись слезы. – И так нервы на пределе! Что вам от нас нужно?!

И выскочила из кухни.

– С рыбой, – сказала Алла. – Может, помочь?

Фигура помедлила.

– Баню умеешь топить?

– Попробую.

– Попробуй.

Дрова занялись сразу, затрещали весело и победительно. Алла еще какое-то время посто-
яла на коленях возле печи, позаглядывала внутрь – там горело ровно и жарко, можно было и не заглядывать, – поднялась и прикрыла дверцу.

Огромный чугунный бак был наполнен водой. Как же они ее таскают? Ведрами? Ведрами не натаскаешься! Наверное, насосом качают.

Вообще устройство кордона «полста-три» было чрезвычайно сложным, хотя бы даже с инженерной точки зрения, это Алла уже поняла. Голландские печи, дизеля, ангары!.. Или вот хотя бы эта баня в подвале – обширное, грамотно оборудованное помещение, никакой сырости в углах, плесени, черноты. Все добротное подогнано, продумано.

Кто занимается этим домом? Ведь им нужно заниматься каждый день, а не от случая к случаю! В скольких богатых и шикарных домах, за которые были отданы миллионы, Алла Ивановна бывала и сколько раз удивлялась нелепости и неустройству этих самых домов!.. В них вечно ничего не работало, вода не лилась, свет не зажигался или, наоборот, не выключался, и хозяева, отдавшие миллионы, объясняли гостям, что нынче строить никто не умеет, итальянский архитектор ничего не понимает, а рабочие в овальные оконные проемы ошибочно засадили квадратные рамы, предназначенные вовсе для другого этажа. Летом в таких домах всегда жарко, зимой сыро, из щелей дует – еще бы не дуло, когда проемы овальные, а рамы квадратные!.. Алле всегда было жаль выброшенных денег, хоть и чужих, и создавалось впечатление, что дома эти построены «просто так», потому что так полагается, это модно и требует статус, а жить в них никто и не собирался, ибо как жить, если построенный «по картинке» дом для

жизни непригоден, неудобен, слишком велик и неуютен?.. Всегда находились причины, почему так – поставщики подвели, прораб запил в самый ответственный момент, электрик-молдаванин перепутал фазы или еще что-нибудь перепутал, когда клали фундамент, не учли, когда крыли крышу, не рассчитали, когда вешали люстру, уронили ее прямо на паркет, теперь ждем новую люстру и будем перекладывать паркет, а пока по стеночке обходим, вот так, осторожней, не провалитесь, здесь у нас яма!..

На кордоне «полста-три» посреди тайги все работает – печки греют, лампочки горят, дизель стучит, баня топится, во всех комнатах тепло. Сидеть удобно, лежать удобно, читать удобно. Готовить удобно – вон как Зоя Петровна ловко управляет со своей невиданной плитой, орудует сложной системой чугунов, сковород, самоваров!.. А подпол с припасами, куда Алла только заглянула?..

Кто всем управляет? Вряд ли шестикратный олимпийский чемпион, который не перестал тренироваться, даже когда у него под носом убили человека! Выходит, Кузьмич?.. Универсальный специалист по всем вопросам?

Алла подложила дров. Сухие были сложены у самой печи, а дальше еще не подсохшие, видимо, недавно принесенные с улицы.

...Или вот дрова! Как они тут заготавливают дрова?.. Едут в лес и там рубят?.. И сколько дров нужно, чтобы протопить такой дом в случае аварии с электричеством, как сейчас?

...Тебе просто нравится этот дом. Выскобленные полы, лиственничные стены, о которые трется метель, – и пусть ее трется, в таком доме никакая метель не страшна. Сумрачная комната с книгами и бравым солдатом Швейком на диване. Кухня с самоваром, комната со снаряжением и сложным запахом кофе, парафина, скипидара и дерева.

...Тебе просто нравятся люди. Занятые своими делами, не слишком многословные, не слишком любезные, но какие-то... правильные, как и положено обитателям Ковчега. Да, да, надо опасаться, надо все время быть настороже, но не хочется. Хочется думать о них, присматриваться, быть полезной, умелой, ловкой, как они. Чтобы они... поняли и оценили!

Оценили? Или чтоб только один оценил?..

Алла присела на широкую лавку.

...Этого еще не хватает! Один – это который же?..

– Тебе сорок два года, – вслух напомнила она себе и идиотским движением потеряла руки. Ладони были сухими и горячими. – Ты все знаешь о жизни и о себе. Это глупо, глупо!.. Подумаешь, мужик на заимке!.. Только почему он все время на меня смотрит?..

Она вскочила и стала по одному брать со штабеля поленья.

...Смотрит, потому что подозревает: кто-то из твоей группы убил Виноградова. Смотрит и прикидывает – может, ты и убила!..

...Ох, не так он смотрит. Он смотрит и прикидывает... по-другому. Как будто оценивает ее, по-мужски, ничего не стесняясь. Как будто решение принимает.

...И не так, не так. Он смотрит, как будто уже принял решение.

...Тебе сорок два года, и ты все знаешь о жизни и о себе! Ты же не девчонка Женька! Будь осторожна, будь внимательна, будь начеку. Тебе сейчас нельзя расслабляться ни в коем случае! И время романтических историй давно минуло, нечего придумывать.

Алла уложила дрова возле печки – чтоб подсыхали – и стала набирать следующую партию.

...В Москве у тебя случилась беда. То, что беда осталась в Москве, а ты ушла от нее на Приполярный Урал, ничего не меняет, тебе придется к ней вернуться и как-то с ней справиться. Ты ушла, потому что беда оказалась слишком неожиданной и серьезной, и ты просто сбежала. Хорошо, допустим, тебе нужен был этот поход – чтобы потянуть время и прийти в себя. Теперь тебя ждет только одно – возвращение. Об этом и нужно думать.

...И все-таки он на меня смотрит. Когда в последний раз на меня так смотрел мужчина?

Что-то грохнуло и покатилося Алле под ноги. Она скосила глаза, но из-за дров, которыми нагрузилась, ничего не смогла разглядеть. Алла перекидала дрова и наклонилась.

Из поленницы вывалился фотоаппарат, самый обыкновенный, небольшой фотоаппарат. Алла подняла его и покрутила в руках.

Странное дело. Как в поленнице оказался фотоаппарат?!

Она брала дрова с самого края, куда их, по всей видимости, сложили совсем недавно. Она вытаскивала их, переносила ближе к печке и складывала, чтоб подсыхали. Где-то там, за дровами, был спрятан фотоаппарат. Очевидно, прятавшему не пришло в голову, что кто-то станет шуровать в сырых поленьях, когда сухих полно!..

Фотоаппарат «Nicon», не слишком простой и не самый дешевый. И что это означает?..

Алла сунула его в карман брезентовых штанов, на всякий случай застегнула карман на кнопку, сосредоточенно подумала и поднялась наверх.

Зоя Петровна в кухне месила тесто, жилистые руки так и ходили.

– Баню затопила, – доложила Алла. – Прогорит, я еще подложу. Вы не следите, я сама. А где Павел?..

– Кузьмич в ангар ушли.

До ангара Алла добиралась долго и трудно. Один раз упала и перепугалась, что не поднимется, – так сильно и жестко мело в лицо, а спасительный канат, за который она все время держалась, выскользнул из рук. Она сидела в снегу, прикрывала локтем лицо и уговаривала себя: только не крутись, иначе потеряешь направление. Она стала шарить руками в той стороне, где только что был канат, нашарила и, крепко держась за него, стала подниматься. Под горой мело чуть потише, но все же железные двери ангара возникли из метели совершенно неожиданно. Только что ничего не было, кроме снежной круговерти, и вдруг оказалось, что она почти упирается в ангар. Держась рукой за стену, Алла пошла вокруг, пока не нащупала перекладину и с силой потянула.

– Кто там?

– Павел, это я... Алла!

Черная тень надвинулась из глубины помещения и втянула ее внутрь.

– Двери-то закрывайте. Снегу нанесет!..

Створка позади нее сильно бабахнула. Свист метели и вой ветра сразу отдалились и как будто уменьшились.

В огромном помещении стояли какие-то странные машины – очень много! – и вдалеке горела лампочка. Здесь было холодно, дыхание застывало на губах.

– Чего случилось?

Алла откинула капюшон и вытерла мокрое от снега лицо.

– Я хотела вам показать. Пойдемте поближе к свету.

Свет горел над широченным верстаком, заставленным разнообразными приспособлениями, механизмами, заваленным инструментами. Ни на приспособления, ни на инструменты Алла не обратила никакого внимания.

– Вот. Это ваш? – Она достала фотоаппарат и сунула Кузьмичу. Он взял его и некоторое время смотрел ей в лицо.

...Почему он на меня все время пялится?..

– Не наш. – Кузьмич так и эдак покрутил аппарат. – А что такое? Где вы его взяли?

– В поленнице. В бане.

– Елки-палки, – сказал он тихо. – Этого еще не хватало.

Он со всех сторон ощупал фотоаппарат, поднес к самому носу, как будто это некая диковина, подцепил ногтем пластмассовую штучку и заглянул внутрь.

– Флешки, конечно, нет, – констатировал он.

– Павел, как фотоаппарат мог оказаться в пленнице?! Да еще в бане! Может, забыл кто-то из ваших гостей?

– Из каких гостей!

– Ну, у вас же тут наверняка бывают гости. – Алла испытующе смотрела ему в лицо – вся начеку, внимательна и осторожна. – И много! Вон сколько запасной одежды, на всех хватило, а нас восемь человек!

– Пришли гости глодать кости, – задумчиво произнес он. – В пленнице, значит. Ближе к печке?

– Наоборот. Возле окна.

– Стало быть, засунули сегодня.

– Почему сегодня?!

– Потому что я дрова привез, в баню перетаскал и возле окна сложил. Меня Зоя Петровна просила, решила сегодня баню топить, а дров мало осталось. Да мы утром на крыльцо их вместе таскали!

– Зачем фотоаппарат засунули в дрова?

– Вот и я думаю – зачем? Должно быть, затем, чтоб спрятать.

– От кого?

– От того, кто станет его искать.

Алла рассердилась:

– Павел, это не наш фотоаппарат, можете даже не намекать! В смысле, ни у кого из нашей группы не было с собой фотоаппарата, это совершенно точно! Мы же в зимний поход пошли! Каждые сто граммов веса на счету! Мы все тащим на себе – палатку, примусы, топливо, одежду! У нас рация была, и у Петечки телефон. Сергей Васильевич, между прочим, очень его за этот телефон ругал. Зачем телефон в походе?! Все наши... городские вещи остались в камере хранения в Екатеринбурге.

Кузьмич еще раз со всех сторон осмотрел фотоаппарат.

– На больших соревнованиях, – вдруг заговорил он негромко, – спортсмены всегда живут, так сказать, по национальному признаку. Норвежцы отдельно, русские отдельно, французы отдельно. Ходить друг к другу в гости запрещено негласными правилами. В любой команде есть секреты, и они охраняются железно, милая девушка. Кто завтра побежит на каких лыжах, у кого какая будет мазь, кто и когда ее будет класть – все это тайна за семью печатями. На эстафетах до последнего непонятно, как будут распределены этапы, а это очень важно!.. А винтовки! Они должны быть пристреленные, выцеленные, а как иначе-то?.. Иначе дворовые игрища получаются, а не мировой спорт. Если кто-то из нас, из обслуживающего персонала, поймает на своей территории постороннего человека вот с таким фотоаппаратом – все, соревнования надо отменять.

– Почему?

– Потому что шпиона прошляпили, вот почему!.. К кому-то из противников бесценная информация ушла!

Алла посмотрела на «Nicon» в руке у Кузьмича.

– То есть вы хотите сказать, что какой-то иностранный шпион на вашем кордоне фотографировал ваши бесценные секреты? А вы даже не заметили?

– У нас на кордоне человека убили, вы заметили?..

– Хорошо, и кто шпион?

– Кто-то из вашей группы. Ни мне, ни Марку, ни Зое Петровне прятать фотоаппарат в дровах незачем.

– А может, это Виноградов спрятал!

– Виноградов со вчерашнего дня мертвый на леднике лежит. А спрятали сегодня, это я вам точно говорю.

– В нашей группе нет иностранных шпионов, это я вам тоже точно говорю!

– Откуда вы знаете, если познакомились с ними за три дня до старта, а до этого не видели никогда?

Алла отвернулась.

– Знаю, и все.

– Зачем вы мне врете?

– Я?! – фальшиво изумилась Алла. – Какой мне смысл врать?!

Павел полез куда-то за верстак, щелкнул выключателем. В ангаре моментально стало темно и как будто еще холоднее.

– Пойдемте со мной.

Он привел ее в маленький дом, который она видела под горой, когда еще что-то можно было разглядеть в метели. Вик выскочил из снежной завесы, когда они подошли, закрутился на крыльце и вбежал первым.

– Проходите.

Они «прошли», сначала Вик, за ним Алла.

В большой комнате было не слишком уютно – здоровые квадратные кресла с деревянными подлокотниками, широкий жесткий диван, голландская печь – куда ж без нее на кордоне «полста-три»! – дрова в простенке, берестяной короб со щепой. На подоконнике разложены какие-то инструменты, и на столе инструменты, и на диване, на белой бумаге какие-то железяки.

Кузьмич сгреб с дивана железяки и свалил на стол.

Вик бежал помещение, чихнул на большую фотографию полярной совы, посмотрел на нее презрительно, улегся между креслами и пристроил башку на лапы – ждать, когда затопят печь. Он любил смотреть, как растапливают печь, это было интересно. Иногда он таскал из короба бересту и щепки, это тоже любил, особенно когда говорили: «Брось, Вик, куда понес!» А когда становилось жарко, не любил и сразу уходил на улицу.

– Чаю хотите или еще чего-нибудь?

Алла не хотела чаю, но сказала, что хочет. Она же в гостях. А в гостях полагается пить чай.

– Печку затопить или так пока нормально?

У Аллы после того, как шлепнулась на дорожке, в спину как будто воткнули кол и очень хотелось сесть, а лучше лечь, и было страшно, что Павел это заметит. От вдруг навалившейся боли ее познабливало, и она сказала, что печку бы лучше затопить.

Вик ухмыльнулся. Ему нравилось, когда растапливают печь! Он вскочил, постоял возле Кузьмича, который складывал дрова шалашиком, подумал и потянул одну дровину.

– Вик, положи на место.

Вик и ухом не повел, отнес дровину за кресло и стал грызть – не потому, что ему нравилось грызть поленья, а потому, что это игра такая!..

Пламя весело затрещало, заскакало, отблески окрасили розовым выскобленный пол. Алла подошла и стала спиной к огню – может, ледяной кол в позвоночнике растает?

Кузьмич ушел в соседнее помещение, где, по всей видимости, была кухня, и чем-то там гремел.

– У меня шоколад есть. Хотите? – спросил оттуда.

Алла вдруг вспомнила:

– Бельгийский?..

Он появился в проеме, вид у него был удивленный.

– Почему бельгийский?

– Игорь прилетел и привез миланскую колбасу и бельгийский шоколад.

Кузьмич пожал плечами, как будто недовольно.

– Шут его знает, может, и бельгийский. Хотите?

Алла потеряла спину под свитером. Проклятый кол никак не таял.

– Почему кордона «полста-три» нет ни на одной карте?

Вик все гремел поленом за креслом, гонял его по лиственничному полу туда-сюда. Павел внес две большие кружки, поставил на деревянные подлокотники кресла и потряс рукой – обжегся.

– Вик, сказано, отнеси полено на место. А я больше всего горячее красное вино люблю. На биатлонных трассах всегда наливают. Питье, конечно, специфическое, но я люблю. Глинтвейн называется. Туда главное гвоздику запустить. Без гвоздики смак не тот.

– И ложку куантро.

Тут он вдруг уставился на нее, как будто она выдала некую тайну, откровение!.. Алле стало неловко. Кол в спине, и еще этот мужик смотрит!..

– Чего еще, я не понял?

Она принялась объяснять:

– В глинтвейн хорошо добавить ложку куантро, будет вкуснее. Это ликер такой французский, неужели не знаете? Ну, яблоко, апельсин, сахар, корицу – само собой. И одну ложку ликера на бутылку вина. Попробуйте, замечательно получается.

– Вы... разбираетесь?

– Не то что разбираюсь, но я тоже люблю глинтвейн.

Тут он почему-то весело сказал:

– Вот те на!..

Уселся на подлокотник, взял одну кружку – ей даже не предложил! – и велел дружелюбно:

– Ну, рассказывайте, рассказывайте!

– Что рассказывать-то?

– Кто вы и откуда.

Алла повернулась к печке лицом.

...Осторожней, осторожней! Он же не просто так, он... смотрит. И вообще опасный человек.

Тут опасный человек вдруг удивился, как будто заметил что-то, чего раньше не замечал.

– У тебя чего, спина болит?

– Откуда вы...

Он брякнул кружку обратно, в один шаг оказался рядом и бесцеремонно полез ей под свитер.

– Где болит? Здесь? Или здесь?..

Большая чужая ладонь прошла по ее спине, пальцы понажимали так и сяк и оказались за ремнем брезентовых штанов.

Алле стало так жарко, неловко, стыдно! Щеки и шею затопило тяжелым румянцем. Она ухватила его руку, вытащила ее из своих штанов и отшвырнула.

– погоди ты, не брыкайся. Что со спиной?

– Не надо меня трогать!

Тут он ухмыльнулся, как Вик, – лукаво и несколько плотоядно – и протянул:

– Разве ж я трогаю?... Когда я трогаю, то я не так трогаю. Ну-ка давай, давай, пойдем на диванчик.

И правда потянул ее в сторону дивана. Алла разозлилась всерьез.

– Уберите руки, или я дам вам по шее. Серьезно предупреждаю!..

Он сделал какое-то движение, от чего у нее на спине оказались обе его руки, молниеносное нажатие, вспышка боли – белым светом залило мозг, пот выступил над верхней губой – и ледяного кола как не бывало. Кол рассыпался мелкими горячими осколками по всему позвоночнику, стало легко и совсем не больно.

– Ложись сюда. И не брыкайся, а то я подумаю, что ты ко мне равнодушна.

Опять он – Алла была ни при чем, совершенно ни при чем! – сделал что-то неумовимое, куда-то ее повернул, подвинул, и она оказалась лежащей на животе на диване, перед носом вытертый меховой плед. Павел присел рядом и задрал у нее на спине свитер.

– Давно болит?

– Всегда.

– Всегда – это сколько?

Он нажимал, трогал, пальцы словно разбирали ее спину на составные части, по косточкам, по мышцам. Она закрыла глаза.

– Вот так нажимаю, больно? А так? А еще? Сам вижу, больно. А если вот так?..

Что-то он там делал, как будто колдовал, как будто магические круги и линии рисовал, и еще вынимал из нее какие-то части, осматривал их и сажал на место.

– Травмировалась?

– Давно, – прокряхтела Алла. – На лыжах.

– Ясный пень, на лыжах. Да это разве травма?.. Это так, мелкие неудобства, а не травма. Вот я тебе расскажу, какие бывают травмы, ты не поверишь.

Он приговаривал, и все колдовал, колдовал, потом вдруг с силой потянул, все кости проклятого позвоночника хрустнули, будто сломались, Алла стиснула зубы, чтобы не вскрикнуть, капля потекла за ухом, воздуха не стало.

– Готово дело. Вставай.

Она еще немного полежала, судорожно и коротко дыша, а потом стала подниматься, некрасиво, по-дурацки, попой вверх. Павел поддержал ее.

– Ты нормально вставай, – посоветовал он серьезно. – Какое-то время болеть не будет, я тебе точно говорю.

Алла слезла с дивана, оттолкнула его руку, которая все еще держала ее за спину.

...Удивительное дело. Больно не было. Больно не было нигде. Она понаклонялась из стороны в сторону, нагнулась и подняла с пола полено, которое бросил Вик.

– Вы что, – спросила она с подозрением, – великий врач?

– Я в травмах все понимаю, – сказал он. – Теперь ты мне должна. Зря я, что ли, старался?..

– И что я тебе должна? – спросила Алла дурацким «девочкиным» голосом.

Игру он не принял.

Он встал с дивана, зачем-то отряхнул штаны, схватил свою кружку и громко и сосредоточенно потянул из нее чай.

Это было ужасно. Как будто она себя предложила, а он отказался.

Алла Ивановна сорока двух лет от роду, опытный и взрослый человек, которую время от времени мучил «проклятый радикулит», как она это называла, бывший большой начальник и бывшая женщина – сейчас-то она уж точно никакая не женщина! – аккуратно и деловито пристроила в печку полено, брошенное Виком, натянула пуховик и вышла в метель.

Дверь за собой она прикрыла аккуратно.

Петечка сидел и писал.

Писать от руки было страшно неудобно, мучительно, и поначалу слова выходили какие-то корявые, неровные, совсем не те бодрые, уверенные и самодовольные, которые получались, когда он набирал их на клавиатуре.

Дикость какая, первобытно-общинный строй!.. Говорят, этот самый Пушкин вообще пером писал. Петечка еще школьником нашел как-то перо от голубя... нет, нельзя так сказать... или можно... впрочем, долой предрассудки! Писать можно и нужно так, как нравится автору. Всякие старорежимные правила и законы – к черту!.. Только так правильно, как вылунилось из его сознания.

И главное, смысл-то понятен, смысл! Перо от голубя, да.

Так вот, попробовал он этим пером писать и не смог. Правда, макать пришлось не в чернила, конечно, их днем с огнем не найдешь, а в клюквенный морс, но и морс не помог. Перо не писало. Видимо, ошибка какая-то системная, и Пушкин перьями тоже не писал.

Или у него было другое перо, от лебедя там, от павлина. Может, поменьше, от воробья.

К черту все устаревшее и косное! Да здравствует новое и прогрессивное!..

Технологии, технологии – только они позволяют человечеству осознать свою свободу, свободу разумных. Только они позволяют использовать себе во благо весь мировой разум, весь накопленный потенциал.

Петечка уже много дней жил в информационном вакууме, вне технологий, вне мирового разума – то есть без Интернета, – и задыхался.

Он был связан по рукам и ногам и физически чувствовал путы, сковавшие его. Ничего нельзя, ничего невозможно.

Нельзя «залогиниться» в Сети, выложить в «инстаграм» фотографии, выйти в «фейсбук», написать в «твиттер»!..

Нельзя рассказать всем «зафрендившимся» о том, как. Нельзя продемонстрировать «друзьям» то, что. Нельзя показать «абонентам» там, где. А тогда – зачем?!

А мысли рождались! Они рождались, и им было наплевать на то, что технологии недоступны, и требовали немедленного оформления в слова. А как их оформлять в слова, если нет «жэжэ»?! Пером, что ли, оформлять, как Пушкин?

Петечка попробовал было писать в «заметки» – слава богу, телефон с «заметками» у него остался, – но выходило не очень.

Чтобы набрать пустячное предложение, приходилось долго мучиться, тыкать мимо буквенных символов, промахиваться, возвращаться, да и предложения получались какие-то недоделанные.

Например, «Мв продаигся вперд по ирченный рвинне засвпаноц снегом», что означало «Мы продвигались вперед по мрачной равнине, засыпанной снегом».

Слово «снегом» случайно вышло правильно. Все остальное требовало исправлений, то есть тыканья в символы, промахивания, мучительных попыток сообразить, какое слово выбрать на замену «ирченный» – перченный, меченый, реечный, – затем попыток приспособить что-либо из предложенного, и как результат – полная потеря смысла.

Петечка долго боролся с надвигающимся на него мрачным средневековьем и одичанием, а потом все же попросил у суперчемпиона Ледогорова бумагу и ручку.

Попробовал писать. Выходило плохо, коряво, как будто пером от голубя. И странно, что ошибки сами не исправляются. Как же? Они же должны сами!..

Вот как правильно написать – «мучиться» или «мучаться»? Я должен что? Мучиться среди тайги или мучаться без технологий? А технологии – «а» или «о»? Проверочное слово – «технарь», выходит, технологии. Тогда получались какие-то «налоги», а Петечка имел в виду совсем не это.

В общем, борьба не на жизнь, а на смерть.

Да и кто потом будет набирать, чтобы выложить это в Сеть?! Сам Петечка, как последний дебил, не знакомый с технологиями?! Впрочем, есть приложения, которые переводят отсканированный рукописный текст в печатный, придется в Москве скачать.

Потом он приспособился немного. Пальцы перестали загигаться в разные стороны, ручка перестала вываливаться из горсти, хотя ладонь по-прежнему потела от усилий и язык сам по себе высовывался изо рта, когда Петечка старательно выводил каракули.

Он писал и гордился собой – все остальные бездельничали и не перерабатывали впечатления, потому что не могли, а он может. Остальных тянет на какие-то детективные дела, от скуки тянет, а Петечка не ведает скуки, он перерабатывает. Остальные живут животной жиз-

ню – поесть, поспать, дров натаскать, – а он интеллектуальной, как и должно жителю двадцать первого века.

Как бы только сделать так, чтобы «все узнали»?! Никто ж не знает!..

Для начала, как и полагается философу, следует осмыслить свое положение в мире, и Петечка принялся за осмысление.

Он писал долго-долго, вспотел весь, а потом оказалось, что написал две страницы «картин природы» – там тайга шумит, здесь ручей бежит, тут снег идет, а впереди гора, а позади овраг. Фу, никуда не годится.

Тогда он решил начать с окружения и осмыслить сначала его, а потом себя – в этом новом для него мире.

Тут дело пошло веселее.

Петечка сидел и писал:

«В группе питекантропов есть несколько довольно любопытных экземпляров. Начну с самых интересных. Женька очень клевая и глупая, няшная и мимимишная. Вообще ничего, даже грудь приделывать не надо, своя нормальная. Сильно клюет на мужиков, а они на нее. Наш зайка олимпийский глаз с нее не сводит, а до него все тот пялился, которого потом трупом сделали. И Антоха-пилот туда же, как бы он зайке олимпийскому не наваял. Вот была бы потеха, наваять олимпийцу, я бы посмотрел! А вообще-то Женька со мной разговаривать любит, но я ее...»

Опять выходило что-то не то.

Странная штука с этой бумагой и ручкой! Почему-то то, что совершенно нормально писалось и – главное! – читалось в Интернете, на бумаге было похоже на бред малограмотного. Надо как-то по-другому, но как?..

Петечка начал сначала:

«Женька очень красивая, но довольно глупая девушка. У нее красивая фигура, и она нравится всем мужчинам без исключения, даже Марку Ледогорову, хотя он старый и все время где-то пропадает. Антон, пилот вертолета, на котором прилетел убитый Виноградов, все время за ней ухаживает, и она принимает его ухаживания. Ледогоров то ли злится, то ли он по жизни такой невеселый, не понять. Но кажется, злится. Женька очень смешно вытягивает губы, когда говорит, и вообще она смешная. Я ее передразниваю, а она хохочет. У нее какой-то богатый папаша, который ее пригласил к лыжному спорту. Она и в поход этот пошла только для того, чтобы удивить папашу. Про мамашу ничего никогда не рассказывает, может, она умерла?.. Если так, Женьку жалко. Она всегда с удовольствием со мной разговаривает, я ей рассказываю всякие сетевые шутки. Такое впечатление, что она в Интернете совсем не шарит».

Тут он вспомнил, как, размахивая руками, задел ее грудь, покраснел, заерзал и решил, что про Женьку можно больше не писать, лучше про остальных.

«Марина строит из себя неприступную, а сама не отходит от Володьки, как будто у него нога отвалилась, а у него всего только растяжение! Она тоже красивая, но больно серьезная, не подойдешь. Да не очень-то и хотелось! Карьерные тетки – не мой профиль, я люблю, когда девушка веселая, забавная и шутки понимает. В прошлый раз я стал Женьке рассказывать...»

Стоп. Про Женьку ни слова.

«За Мариной тоже ухаживал Виноградов, и ей это льстило, видно было!.. А потом смешно, когда Женька пришла и он сразу к ней переметнулся...»

Стоп, стоп. Договорились же, про Женьку ни слова.

«Марина старается всем показать, что она не просто девушка, а врач, и это неприятно и неуместно бывает. Замуж ее никто не возьмет, я бы не взял, а если бы пришлось, я бы лучше с Женькой...»

Петечка густо замазал последнее предложение, перехватил ручку покрепче и продолжал.

«Алла Ивановна старая, хотя фигуристая тоже, как Женька. Нет, у нее грудь даже больше. Зачем она пошла с нами, непонятно, ей же трудно в таком возрасте! Любит командовать, но как-то исподтишка, и вроде ее никто не слушается, а потом получается, что слушаются. Вообще она храбрая старуха, добрая. Давала Женьке шоколад, когда еще мы шли. Склеила Володькину лыжу, а эти чемпионы потом сказали, что склеена она хорошо, не зря старалась Алла Ивановна! Все время за Женькой смотрит, как будто она ее родная дочь.

Сергей Васильевич фигура загадочная и с темным прошлым. У него на руках татуировки, почти все сведены, ничего не разберешь. Говорит вкрадчиво, на глаза не лезет, но все время как будто настороже. На Женьку внимания совсем не обращает, и это подозрительно – как можно не обращать на нее внимания?! Если бы был Интернет, я бы узнал чего-нибудь о татуировках, но у нас тут первобытно-общинный строй, узнать ничего нельзя.

Володька просто карьерист и «железный штырь». В походе командирские качества вырабатывает. Если бы лыжу не сломал, он бы нас поимел по полной программе. Не повезло ему, придется опять в поход топать, вырабатывать. Интересно, если будет еще один поход, Женька пойдет или нет? Я-то точно не пойду. Хотя, может, и пойду, если Женька попросит. То есть она, конечно, не попросит, но и так будет ясно, хочет она, чтоб я с ней пошел или не хочет!»

Да ну, что такое! Договорились же – про Женьку ни слова!..

«Степан – сила. Когда на лыжне все потерялись, он первый решил за подмогой идти. Или это я первый решил? По-моему, я!.. На лыжах хорошо идет, никого не боится, и Володьку все время осаживает с его командирскими замашками. Он какой-то инженер, что ли. Смешное слово – инженер, похоже на «инжир». У моей бабули к этому инжиру любовь-морковь, она считает, что он полезный. Они, старые, такие чудные. Все какую-то пользу ищут, хотя искать нужно не пользу, а новые ощущения, чтоб не захиреть. Бабулю я люблю, она классная, она моя подруга. Всегда за меня. Соскучился я по ней. И вкусно у нее!.. Вот вернемся, надо будет Женьку позвать на пироги с капустой, бабулины фирменные. Интересно, пойдет Женька или не пойдет? Зачем ей бабулины пироги, когда у нее папаша олигарх?..»

Петечка потянул носом. Ему показалось, что на самом деле запахло пирогами – вот ведь сила слова! Убеждает!

«По честнухе говоря, мне нравится, что у нее папаша-богатеи, а она в поход пошла! Могла бы и не ходить, могла бы в Монте-Карло прогуливаться с собачкой такой маленькой. И фотки в «инстаграм» выкладывать. В общем, Степан – молоток. У него такая штука есть, похожа на диктофон, хотя он мне объяснил, что это прибор, который измеряет силу ветра, забыл, как называется. По этому прибору можно узнать, когда метель уйдет. Надо у него спросить, чего он показывает, когда же она уйдет. Скорее бы! Задрали меня эти посиделки в тереме среди тайги!

Диман просто хороший парень. Немного бестолковый, спит все время. Хотя если б он тогда в овраг не скатился и лыжу не потерял, может, нас бы уже и не было. Не могу понять, как это – не было бы!.. Все остальное на месте, а мы тогда где?.. Я как представляю, что все есть, а меня нет, прямо страшно делается. И бабуля с горя небось двинулась бы. Она говорит, я – смысл ее жизни. А Диман лыжу потерял, они там с этой лыжей ковырялись, и их Вик нашел. Вик – собака, хорошая такая, веселая. Женьке очень нравится. Она его за уши треплет, а он ничего, терпит, хоть и волкодав. Посмотрел бы я, как он волков давит! Говорят, тут есть какой-то волк, всех без разбору загрызает. Виноградов хотел на него идти, но метель началась, а потом его убили.

Вот это тоже странно – убили, и получается, кто-то из нас это сделал!.. Нет, понятно, что не я и не Женька. И не Алла Ивановна, и не Диман, и не Марина! Ну, Володька вообще ни при чем, он под обезболивающими целый день был. Степан мог бы, он – сила. Но ему – зачем?.. Да и никому незачем. Но кто-то убил. Зарезал ножом. Олимпиец, что ли? Или этот его головорез?

Между прочим, той ночью я бы мог его увидеть. Убийцу, в смысле. Я как раз по одной надобности вставал под утро, а Марина потом сказала, что под утро его и убили. Жалко, что

не увидел. Можно было бы про это написать, вышел бы детектив. Почему их все так обожают, детективы эти?.. Чего в них особенного?

А может, это Зоя Петровна зарезала? Она зарежет и не поморщится! Чего-то возится, возится и все время молчит – неприятно. Чистоту наводит, котлы свои моет, полы драит. Лужу в коридоре налила и не вытерла, я когда вставал той ночью, все носки промочил, сушил потом на печке. Печки здесь знатные!.. Женька все время возле печки трется, как кошка. Вот, казалось бы, – такая дикость, первобытно-общинный строй, печь с дровами!.. А от нее тепло, приятно. Надо будет потом почитать, почему они говорят – «голландка». Голландки, что ли, такие печи топили? Голландия – передовая страна, у них там законы демократические, геи и лесбиянки друг на друга жениться могут, эвтаназия разрешена, а это гуманно, и вдруг какие-то печи!»

Тут Петечка решил передохнуть и перечел написанное.

Вроде все правильно, полные характеристики даны, а единая картина мира, в котором они живут, никак не складывается. Может, нужно как-то по-другому писать? А как?..

Пришла Женька, постояла рядом. Петечка моментально перестал читать и стал на нее коситься, но так, чтоб она не заметила.

Она заметила, улыбнулась ему и заглянула через плечо:

– Что ты делаешь, Петь? У тебя диплом, что ли, весной? Готовишься?

– Какой диплом! Я институт в прошлом году окончил.

– Ух ты! – восхитилась Женька. – А какой?

– Университет менеджмента и бизнеса.

– А ты кто? Менеджер или бизнесмен?..

Петечка, честно сказать, за пять лет в институте так и не понял, в чем, собственно, состоит обучение «менеджменту и бизнесу». Курсовые работы он скачивал из Интернета, графики ему рисовал папа-конструктор, а задачи на «рост прибыли» решал дядя Валера, прозябавший в каком-то научно-исследовательском институте в звании доктора наук. Валера над этими задачами вздыхал, морщился как-то жалостливо, потом хлопал рюмку коньяку, который ему подносила мама, за полчаса исписывал школьную тетрадку решениями – на полгода вперед – и уходил в большую комнату к накрытому столу. За столом шумели родственники – клеймили капиталистов, цены и нынешнюю молодежь за безнравственность и отсутствие целей. Когда Петечка был совсем маленьким, а родственники молодыми, они точно так же шумели за столом и клеймили коммунистов, цены и поколение «новых русских» за безнравственность и отсутствие идеалов.

Петечка родственников любил и все им прощал.

Что с них взять? Дикие люди, выросшие за «железным занавесом»! Петечка представлял себе так: вокруг аэропорта Домодедово высится высоченный железный забор, и когда нужно в Египет там или в Штаты, одну секцию этого забора снимают, чтобы самолет мог проехать, а потом обратно прилаживают. Выросшие за «железным занавесом» не знали технологий, мировой разум был им недоступен, и они не могли списаться со студентами из Омахи, чтобы узнать, как у них там жизнь в кампусе и можно ли геям жениться на лесбиянках. Сплошная отсталость!..

Петечка чувствовал Женькину теплую близость – она почти касалась грудью его плеча, пытаясь разобрать каракули, – и ему было неловко. И почему-то не хотелось, чтобы она читала, стыдно, что ли, хотя раньше он никогда не стеснялся написанного и сразу выкладывал в Сеть на всеобщее обозрение.

Он прикрыл листок ладонью, повернулся и оказался с ней нос к носу. Женька улыбнулась.

– Так ты писа-атель! – протянула она специальным «девочкиным» голосом. – Ты писа-тель, а не менеджер, да, Петь?.. Ты книжки пишешь, да?..

Петечка написал одну книгу и разместил на специальном портале. Четверо похвалили, а человек пятнадцать изругали, но Петечка, прочитав отзывы, понял, что ни те, ни другие книгу не читали, а хвалили и ругали просто так, чтоб потом читать собственные отзывы. Он сам так часто делал.

– А ты дашь мне потом почитать?

– Жень, это еще не готово. Вот в Москву вернемся, тогда посмотрим.

Она вздохнула. Грудь – своя, натуральная, – колыхнулась под свободным свитером. Петечка судорожно сглотнул. Что-то во рту пересохло.

– А вот я не хочу в Москву, – тихонько сказала Женька, отошла и стала смотреть в окно. – Совсем, нисколько!.. Так здесь и жила бы.

– С ума сошла? Дичь, глушь, да еще человека убили.

– Бедный Игорь, – Женька подышала на стекло и стала чертить пальчиком. – За что его, как ты думаешь?..

– Нам надо отсюда выбираться скорей, – продолжал Петечка. – А я так понимаю, нас тут задержат!.. Как только погода наладится, сюда сразу полиция явится, начнутся всякие следствия, дознания, а оно надо?..

– Он, конечно, всякие дела левые проворачивал. И не боялся ничего. Считал, что ему все можно.

– Кто? – не понял Петечка. – Марк?

– При чем тут Марк? Игорь Виноградов, конечно.

– Откуда ты знаешь?!

Женька пожала плечами:

– От папы.

– А папа твой что о его делах знал?

Женька опять пожала плечами, но на этот раз ничего не ответила.

...Что она может знать о делах Виноградова? Где Виноградов и где все остальные?! Человек из списка «Forbes» так же далек от остальных людей, как созвездие Южный Крест от кордона «полста-три»!

В коридоре слышались шаги, и в комнату заглянула Алла Ивановна. Видок у нее так себе, отметил Петечка. Сдает старушка наша. Может, расстроил ее кто или простудилась?.. Или давление у нее? Бабуля иногда говорит, что ее давление замучило.

– Жень, отнеси в баню чистые полотенца. Вон на диване стопка. Петя, а ты мне помоги.

– Обязательно сейчас надо? – пробурчал Петечка больше для порядка. На самом деле он был рад возможности отвлечься от необходимости осмысливать себя и окружающий мир и записывать результаты осмысления. Все равно какая-то ерунда выходит.

Женька поволокла вниз стопку полотенец, а Петечка потащился за Аллой на кухню.

– Что нужно-то?

В необыкновенной плите тлели угли, чугуны и метровые сковороды были сдвинуты в сторону, а на конфорке стоял... утюг. Петечка хмыкнул – утюг на плите, весь пластик сгорит к чертовой матери и гладить будет нельзя, и тут только обнаружил, что утюг чугунный. Петечка подошел и уставился. И вправду чугунный!

– А где у него провод?

– Какой провод, Петя, ты что? Это не электрический утюг.

– А какой?

– Ах ты, господи. Это специальный утюг, его греют на углях. Подержи, мне его почистить нужно.

Очень удивленный, Петечка взялся за выгнутую ручку, вытаращил глаза, выронил тяжелый утюг, загрохотавший по камням, зашипел от боли, замотал рукой и запрыгал.

– Петя! Да что такое?! Он огненный!

– Я же не знал!

– Как не знал, когда он на плите стоит?! Дай сюда, я посмотрю!

Петечке было так больно, что слезы выступили на глазах, он изо всех сил дул на покрасневшую ладонь, отворачивался от Аллы, которая совалась, чтобы помочь, и тут появилась Зоя Петровна.

– Обжегся, представляете?! Дурачок, разве можно хватать?

Не говоря ни слова, Зоя Петровна полезла в шкафчик, достала какую-то бутылку, железной рукой взяла Петину ладонь и принялась мазать ее жидкостью из бутылки.

– Не трогайте, больно же!..

Прибежала Женька, стала приставать с вопросами и таращить глаза, потом Марина пришла – ну, все собрались!..

Петечке было и стыдно, и очень жалко себя. Какие-то утюги чугунные, мать их так, все же знают, что утюг горячий только снизу, там, где гладит, а сверху он всегда холодный!..

Пришел Кузьмич, взглянул на женский коллектив, столпившийся вокруг Петечки, помотал бритой башкой и сказал себе под нос:

– Ураган Люсия!..

Тряпкой подхватил с пола утюг и стал скребком чистить подошву.

Петечка и не заметил даже, в какой момент кожу перестало жечь. Он посмотрел на собственную ладонь – немножко покраснела, а больше ничего.

– Может, под холодную воду? Нельзя под воду! Лучше всего «пантенолом», но у меня его с собой нет. А если мылом?.. Да эти народные средства полная ерунда, – со знанием дела говорила Марина.

– Не болит, – сказал Петечка. – Прошло. Слышите?..

Кузьмич, боком сидя на каменной стойке, хмыкнул и вернул утюг на плиту. Дамы замолчали.

– Баня, – изрекла Зоя Петровна.

Алла всплеснула руками и убежала. Марина еще раз осмотрела Петечкины раны, презрительно пожала плечами – выразила отношение к народным средствам – и тоже ушла, и Кузьмич куда-то делся.

– Пирожка, – сказала Зоя Петровна и сунула Петечке и Женьке по пирогу.

Женька свой сразу надкусила, замычала от удовольствия и зажмурилась, а Петечка вернулся в «комнату мальчиков» к осмыслению себя и окружающего мира, которое никак у него не выходило. Может, с пирогом дело лучше пойдет?..

Он откусил – пирог на самом деле был сказочный, даже лучше, чем у бабули, теплый, пышный, да еще с грибами!.. И большой, не на один укус, а нормальный пирог!..

Надо писать, осмысливать, а не жить животной жизнью! Вот про утюг доисторический нужно записать. Где это видано – утюг на углях, так не бывает!

Петечка замер с куском пирога в зубах.

Заметки со стола пропали. Стопка чистой бумаги осталась, и ручка осталась, а исписанные листы исчезли, как не было их.

Володя знал, что должен. Должен, и все тут. Его лидерские качества требовали, чтобы он сам во всем разобрался.

Допустим, поход провалился, ладно, забудем, всякое бывает. Он решительно ни в чем не виноват, просто так неудачно сложились обстоятельства. Если бы не проклятый ручей, в который он угодил под конец, и не Степан с попытками занять его место, все прошло бы хорошо.

«Ваши лидерские качества, – сказал ему коуч¹ на последнем тренинге, – не требуют подтверждения, они у вас есть. Они требуют развития! Сейчас вы занимаете одну из ведущих позиций в организации, но вы явно способны на большее. Вам необходимо научиться управлять людьми в любой ситуации и добиваться, чтобы они делали то, что вам нужно. Пусть они и не догадываются об этом. Вы-то будете знать, что они пляшут под вашу дудку».

Мысль про дудку Володе понравилась. Это ведь заманчиво, очень заманчиво – делать так, чтобы все слушались и работали на результат, но даже не подозревали об этом!.. На результат, то есть на то, что нужно ему, Володе.

Поначалу он не знал хорошенько, какой именно результат должен быть достигнут в конце похода, но, поразмыслив, пришел к выводу, что результат этот очевиден. Маршрут пройден, все вершины взяты, перевалы перевалены. Люди, бывшие совершенно посторонними друг другу, возвращаются в «большой мир», спаянные походным братством. Это теперь навсегда, и это заслуга командира группы. В холоде, снегах и пурге он ненавязчиво, но железно заставлял их преодолевать трудности. Он и группу собирал так, чтобы никто не мешал ему... заставлять «ненавязчиво, но железно».

Женька и Марина – просто балласт, но симпатичный балласт, с таким приятней, хотя в тяжелых походах неуместны никакие шуры-муры. Алла Ивановна и Сергей Васильевич ему не конкуренты – возраст не тот, да и в бизнес-школах, где объясняют про лидерство, вряд ли учились. Петечка и Диман – управляемая и послушная рабочая сила, могут тащить рюкзаки, рубить дрова, расчищать снег. Лыжная подготовка куда хуже, чем у него, это стало ясно с первого взгляда.

Ошибся он только в Степане. Тот должен был подкреплять и оттенять Володину роль руководителя, а вместо этого сразу полез в бутылку, пытался перехватить инициативу, фыр-кал презрительно и ничего не слушал. Он ушел с маршрута и Петечку за собой увел, бросил пострадавшего, женщин и стариков!..

Володя еще не понял, как именно разберется со Степаном и его поведением при форс-мажорных обстоятельствах, но твердо знал, что разбираться придется. В конце концов, им еще выбираться отсюда! Метель уйдет, не до окончания века она, группа встанет на лыжи, наденет рюкзаки и двинет в Галыгино, а как же иначе?! Иначе отсюда никак не выберешься, и вряд ли Антон станет вывозить их партиями в своем вертолете. Мысль о том, что нужно начинать сначала: вставать на лыжи, надевать рюкзак и идти, идти, проваливаясь в снег, которого после метели станет намного больше, считая шаги, отворачиваясь от ледяного ветра, вытирая глаза, из которых непрерывно текут слезы, приводила Володю в ужас.

Все его лидерские качества разбегались в разные стороны, прятались по углам и скулили оттуда: может, не надо?.. Может, как-нибудь еще?.. Может, мы напросимся к Антону в вертолет, а? Остальные доберутся сами по себе, зато мы, твои лидерские качества, вместе с тобой будем в поселке через каких-нибудь сорок минут полета, и не надо идти, проваливаться лыжами в снег, тащить рюкзак, рискуя каждую минут ухнуть в какой-нибудь незамерзший ручей?!

Я должен, твердо повторял себе Володя, оглядываясь на лидерские качества. Я просто должен, и все тут.

Олимпийский чемпион, спасший их из метели, и его тень по имени Кузьмич – хороша тень, метр девяносто, не меньше, когда по дому идет, стены сотрясаются! – требовали отдельных раздумий.

Они приняли в дом Володину группу, они притащили из леса Петечку и Степана, они все время были рядом, на глазах, и все же совершенно отдельно.

¹ Бизнес-наставник.

Марк то и дело исчезал на несколько часов, потом появлялся снова, и возникло ощущение, что он занят чем-то высшим и недоступным Володиному пониманию. Кузьмич был к группе как будто ближе, но все равно наблюдал со стороны, помалкивал, и было не до конца понятно, с каким знаком он наблюдает и помалкивает, с «плюсом» или «минусом». Про то, что молчание бывает «положительное» и «отрицательное», Володя тоже узнал от своего коуча.

Так вышло – из-за его травмы, конечно, только из-за нее! – что группа утратила лидера и людям пришлось искать руководителя на стороне. То, что человеческое сообщество не может без вожака, понятно и объяснимо, но Володе не хотелось, чтобы вожаками стали эти двое.

Или они уже стали?..

Женька ловит каждое слово олимпийца, как будто он бог весть какие истины изрекает, Алла Ивановна из всех сил старается им угодить, Сергей Васильевич со Степаном на все лады обсуждают, как Марк в Ванкувере кого-то обошел, а в Турине наддал, и как Фуркад на штрафной круг пошел, Свенсон поначалу лидировал, а Ледогоров его догнал и даже обогнал!..

Марина еще держится, но и она прислушивается к ним, это видно.

Зачем им лидерство? Группа не имеет к ним никакого отношения, самоутверждаться не нужно, тогда почему так получилось?

Володя понимал: чтобы вернуть себе контроль над людьми, он должен сделать что-то, что вернет его на прежнее место командира и руководителя. На их территории сделать он ничего не может, тупик.

Но тут кто-то из этих двоих, нет, нет, четверых – есть еще пилот и служанка, – убил человека, и Володя понял, что у него появился шанс.

Он вычислит убийцу, представит его людям и вернет себе лидерство.

Это очень просто.

Нужно узнать мотивы, у кого-то из этих четверых они наверняка есть, выяснить, кто и где находился в момент убийства, и задача будет решена.

Сначала вышла заминка с мотивами. У Марка Ледогорова и Кузьмича они были налицо – ссору слышали все, – а как выяснить про мотивы пилота и служанки, Володя не мог придумать. Впрочем, – тут в игру вступали доводы со знаком «минус» – ссора тоже ничего не объясняет. Володя то и дело ссорился с матерью и по делу, и просто так, мать была человеком тяжелым и властным, но им же не придет в голову убивать друг друга!.. Из-за Володиного желания пойти в поход они поссорились неприлично, ужасно и потом некоторое время не разговаривали, но перед самым походом помирились. Мать признала за Володей право поступать так, как он считает нужным, признала его лидерство! Затем вышла заминка с местонахождением подозреваемых. Володя понятия не имел, где в момент убийства находилась эта четверка! Кажется, Кузьмич ночевал не в «большом доме», а в другом месте, и с ним ночевал пилот, а служанка растворялась в многочисленных помещениях, закончив уборку после ужина, ищи ее, не найдешь. Марк тоже по вечерам не показывался, и в дверь с табличкой «Посторонним вход воспрещен. Только для персонала» никому не приходило в голову соваться.

...Как вычислить убийцу?

Постучав, в «комнату мальчиков», где Володя лежал в раздумьях, вошла Марина и положила ему руку на лоб.

– Нету у меня температуры, – сказал он недовольно.

– Вот и хорошо, – согласилась Марина. – Хотя сильные травмы иногда дают температуру. Я все думаю, как ты пойдешь в Галыгино? Может, поговорить с Антоном, чтоб он тебя забрал на вертолете?

От того, что он тайно и страстно мечтал об этом и его лидерские качества тоже мечтали, Володя возмутился:

– Марин, я сам решу, что мне делать! Спасибо тебе за заботу, конечно, но няньки мне не нужны.

– Как ты не понимаешь! – в сердцах сказала Марина. – Я за тебя отвечаю!

Володя изумился.

– Ты что? С ума сошла? Это я за всех вас отвечаю.

– Конечно, конечно, – быстро и виновато согласилась она, по-видимому, поняв, что смо-
розила глупость. – Меня просто беспокоит твоя нога.

– Как ты думаешь, кто из них убил?

Марина махнула рукой.

– Кто угодно мог, Володь! Вот угораздило нас в такую передрыгу попасть! Что я теперь
в Москве скажу?!

– Кому скажешь? – не понял Володя. – У тебя что, отпуск заканчивается?

– Да при чем тут отпуск! – Ему показалось, что она сейчас заплачет. – Все не так, пони-
маешь? Планировалось совершенно по-другому.

– Никто не мог предположить, что я лыжу сломаю, – буркнул он.

Она как будто угадывала его мысли. Только что он думал о том, что обстоятельства сло-
жились на редкость неудачно и завели их черт знает куда.

– Какая лыжа?! – вдруг закричала Марина. – Ты что, совсем ничего не понимаешь?! Ты
же не идиот! Ну оглянись вокруг, разуй глаза, подумай немножко!

– О чем подумать? – совсем растерялся Володя.

Марина хотела что-то сказать, потом сморщилась как от боли и выбежала из «комнаты
мальчиков».

Кузьмич, слышавший каждое их слово, задумчиво почесал бровь и стал неторопливо
спускаться в подвал. Следовало проверить баню. Хотя – он это уже понял – за Аллой не нужно
ничего ни поправлять, ни проверять.

– А вот так, а вот так!.. Как следует!.. Раз-два, раз-два! – Алла, окутанная паром, двумя
вениками равномерно хлестала Женьку по спине и розовой попе, та только взвизгивала. – Ты
чего там хрюкаешь? Пой «По долинам и по взгорьям»!

– По... до... ли... нам... и... по... взгорь... ям... шла... ди... ви... зи... я... впе... ред, –
заблелая Женька из пара.

– Мо-ло-дец! – прокричала Алла, не прекращая работы. – Слова знаешь! Ставлю пять!

Она еще плеснула на раскаленные камни душистого отвара, содеянного Зоей Петровной,
с силой подышала и Женьке велела дышать, потом помахала над ней вениками, осаживая пар,
стащила ее с полка, вытолкала в предбанник и там окатила холодной водой из ушата.

– Хорошо, – простонала Женька. – Как хорошо, Аллочка!..

В бане они были вдвоем. Марина помылась и сразу ушла, сказала, что баню терпеть не
может, лишняя нагрузка на эндокринную систему, только и всего.

Женька попила из ковшика воды, утерла капающий с носа пот и пообещала:

– А потом я вас попарю, а то так нечестно.

– А ты умеешь?

– Умею!.. У нас в интернате одна отрада была – баня. Нас по субботам водили, и иногда
так получалось, что она совсем-совсем горячая была. Не такая, конечно, как эта, но хорошая.
Там одна банщица добрая нас парила. И я научилась. Она все говорила – баня от любой хво-
робы помощница.

Алла тоже попила из ковшика, вытерла лицо, покосилась на Женьку и осведомилась:

– Баня-то с банщицей где была? В Швейцарии?

– В Швейцарии... – беспомощно согласилась Женька и заторопилась. – Аллочка, я
совсем не то хотела сказать! Я хотела сказать, что в кино видела, там как раз...

– Жень, остановись, – попросила Алла. – Ну сколько можно?.. Папа, Швейцария, горнолыжные курорты самые крутые!.. Нету же никакого папы, да? И Швейцарии никакой не было. Правильно?

Женька кивнула. Красное, распаренное, очень юное лицо сделалось несчастным.

– Вы только... не рассказывайте никому. Пожалуйста!

– О чем не рассказывать, Жень?

– Что я всех обманываю.

Алла вздохнула и зачерпнула ледяной воды из кадучки.

– Хочешь еще?

Женька кивнула, и они по очереди попили.

– А такой шрам на ноге откуда?

Женька вытянула ногу и посмотрела, как будто впервые увидела.

– Упала, – сказала она равнодушно. – Если б не нога эта проклятая, все было бы по-другому.

– Расскажи, – предложила Алла.

– Да чего рассказывать, Аллочка! Я в Ханты-Мансийске тренировалась. Вылетела с трассы, скользко было, почти дождь, и все кости раздробила о камень. Откуда он там взялся, непонятно. Нogu собрали, конечно, но неудачно. Два раза ломали и опять собирали. Ну вот. Хожу нормально, стою тоже вроде прямо, а о соревнованиях даже думать нечего. Да ничего, я уже привыкла не думать. – Тут она засмеялась и сразу заплакала. – Поначалу трудно было. Мне так хотелось в... большую жизнь! И, главное, шанс у меня был, если бы не нога.

Алла не знала, что сказать. Женька еще немного поплакала и перестала. Теперь они сидели молча. В узкое окошко под самым потолком ломилась метель, рамы трещали под ее напором.

...Когда она уйдет, эта метель? Как все будет, когда она уйдет?..

– С тех пор катаюсь только так, прогулочным шагом! – лихо сказала Женька. – Работаю в бухгалтерии. А что? Тоже занятие!

– Занятие, – согласилась Алла. – С нами зачем пошла? Чтобы с Марком увидеться?

Женька быстро на нее взглянула.

– Откуда ты знала, где его искать? – продолжала Алла. – Насколько я понимаю, этот его кордон – секретное место. И он на нас случайно вышел! Или вы заранее договорились?

– Ну что вы, Аллочка, – укоризненно протянула Женька, – ничего мы не договаривались. Он не знал, конечно. А про кордон мне Зоя Петровна написала, координаты дала.

– Зачем?!

– Как зачем?.. Чтобы я пришла. Чтоб мы помирились.

– А вы поссорились?

– Я поссорилась, – выговорила Женька с силой. – Я Марка бросила. Сразу, как только ногу сломала. Я ему сказала, что видеть его не хочу с его чемпионством. Чтобы проваливал к чертовой матери. Чтобы не смел ко мне приближаться. Чтобы катился к Магдалене Нойнер или Торе Бергер – как раз его уровень. Это такие биатлонистки знаменитые, – зачем-то пояснила она.

– Я знаю, – сказала Алла. – И он ушел?

– Нет, конечно. Я довольно долго его оскорбляла, но он все не уходил. А потом улетел на чемпионат мира, а когда вернулся, меня уже не было! И все следы я замела идеально, концов не найдешь. А родственников у меня никаких. Я в Курган уехала, – продолжала она, помолчав. – Там отличная травматология, еще со времен Илизарова. Через полгода вернулась в ЦИТО, в Москву. К тому времени обо мне уже и не вспоминал никто, и в федерации все забыли. Я долечила ногу, окончила курсы какие-то, на работу пошла. И вот теперь... живу. Как могу, так и живу.

Алла привсталась с лавки, дотянулась и приоткрыла форточку, ей показалось, что дышать трудно. В щель сразу клубами повалил морозный пар.

– Я не поняла только, зачем ты спряталась-то от него? Или он плохо себя вел?

– Марк не может себя плохо вести, – заявила Женька твердо. – Вы что, Аллочка? Он самый лучший человек на свете, и я не хотела, чтобы он со мной возился. Я думала, мы друг другу подходим. Я думала, что у нас может быть общая жизнь. А потом оказалось, что никакой общей жизни у нас быть не может – из-за ноги. Он благородный человек, понимаете? Он стал бы со мной возиться, лечить, сидеть около меня!

– И что в этом ужасного?

– Он великий спортсмен! – закричала Женька. – Он не должен около меня сидеть! Я ему не пара! Я могла быть ему парой, если бы... если бы...

– По долинам и по взгорьям, – пропела Алла, – шла дивизия вперед, чтобы с боя взять Приморье, Белой армии оплот! Сколько тебе лет?..

– Двадцать четыре.

– А ногу когда сломала?

– Три года назад. Ну какая разница, Аллочка?!

– Да, – сказала Алла, – тогда все понятно. Такая глупость. Только в молодости можно делать такие глупости. А в интернате ты сколько лет провела?

– Много, – нехотя сказала Женька. – Папа умер, больше родственников не было. Меня забрали, и все. Был один спонсор, он всем детям лыжи подарил, я стала кататься. Меня папа научил, еще когда я совсем маленькая была. Я, когда каталась, все время представляла себе, что я с папой и мы сейчас домой пойдем.

– И тут вдруг оказалось, что у тебя способности, да? И ты стала тренироваться, в соревнованиях участвовать...

– Потом меня в сборную взяли. Молодежный чемпионат России выиграла. И еще много всего. Я стреляю хуже, чем бегаю. Стреляю неровно, а бегаю быстро. Бегала, в смысле. Марк все время надо мной смеялся. Он говорил, ты стреляй как попало, хоть в воздух, все равно на дистанции нагонишь, хоть два штрафных круга, хоть три!.. – Она вдруг повернулась, схватила Аллу за руку и прижалась к ней влажным лбом. – Аллочка, вы даже не представляете, как все это было... хорошо! Вы не представляете! Я стала нужна, понимаете? И наплевать на детдом! У нас девчонки после выпуска совсем не знали, куда податься, а у меня был спорт! Мне комнату дали в общежитии в Красногорске, мою собственную! Я даже в институт поступила, и у меня была сессия, как у нормальных. Мне очень слово нравилось – сессия. Сдавать сессию, правда красиво?

– Очень красиво, – согласилась Алла.

– А на соревнованиях как здорово! Когда трасса незнакомая, а ее надо пройти, как родную! И вот ночью ляжешь, глаза закроешь и представляешь, как все будет завтра. Как старт дадут, как я до первой отсечки добежу, как стрелять буду, как норвежку сначала вперед пропущу, а в подъем ее сделаю. А потом я с Марком познакомилась. Он когда стал за мной ухаживать, я от страха все время рыдала. Запиралась в туалете и рыдала. Ну не может такой человек за мной ухаживать! Он же знаменитость, легенда! А я кто?..

– Какая разница?! Он в тебя влюбился.

– Ну почему, почему? Как он мог в меня влюбиться?

– Я не знаю как, – сказала Алла язвительно. – Видимо, как-то влюбился. Из последних сил, наверное.

– Вы думаете, из последних сил?

Алла засмеялась.

В начале разговора она была совершенно уверена, что все плохо, очень плохо, и готовилась к плохому, и боялась. Теперь ей казалось, что все хорошо, прекрасно!.. Лучше и быть не может.

– Что вы смеетесь?

– Над тобой, Женечка!

Но Женьке некогда было ни разбираться, почему над ней смеются, ни обижаться на это. Она рассказывала – первый раз за много лет! Она рассказывала, и ее слушали, и казалось, что все на свете можно рассказать вот прямо сейчас, на лавочке в бане, и сразу станет легче.

– Марк меня познакомил с Кузьмичом. Про нас никто не знал, я не хотела, а Марк сказал, что Кузьмич должен узнать, и ему рассказал! И он мне однажды перед стартом лыжи готовил, мы так конспирировались, ужас! Мне же всегда тренер готовит, а тут я по секрету Кузьмичу их отдала! И выиграла! И все потом говорили, какой наш тренер молодец, угадал со смазкой, а это Кузьмич угадал. И Зою Петровну они однажды на мои соревнования привезли. Она стояла на финише и молчала. И я ее боялась. А она так ни слова и не сказала, представляете?!

– Вполне, – заверила Алла. – Вполне представляю.

– А потом все кончилось. Раз, и все.

– Конечно, – задумчиво протянула Алла, – где тут справиться? Двадцать четыре года, мамы нет, спросить не у кого. А ты уже третью жизнь живешь.

– Почему третью?

– Так получается. Первая в детдоме, следующая в спорте, теперь в бухгалтерии.

– Тогда, выходит, четвертую, – поправила Женька тоже задумчиво. – Еще с папой жизнь была, совсем давно. А как вы догадались, что я... что папы нет и пансиона в Швейцарии не было?

– Техника у тебя лучше всех в группе, но шла ты почему-то все время самая последняя. Очень старательно демонстрировала свою ни на что негодность. Ты и падала, и вставала, и валялась, а на все это силы нужны. Человек неподготовленный таких сил не имеет. Снаряжение у тебя так себе, сказать, дешевенькое – ничего не сказать, так что про богатого папу можно забыть, а лыжи отличные, профессиональные.

– Madshus-Rotafella-Alpina, – гордо кивнула Женька. – Мне Марк подарил, у него самого точно такие же.

– Шампанское ты пила явно первый раз в жизни и нализалась моментально. Девушки из швейцарских пансионатов к шампанскому привычные, как правило. И шрам на ноге! Только я думала, ты его в драке получила, а оказалось, что на лыжах. А Зоя Петровна при чем? Как она тебя нашла?

– Она меня не находила. У меня был ее адрес, электронный. Я ей написала.

Тут Алла опять засмеялась от удовольствия – электронный адрес Зои Петровны, надо же! Как тут, однако, все непросто устроено, на кордоне «полста-три»!

– Я ей написала, что мне очень нужно увидеться с Марком, и она прислала координаты. Я совсем без него замучилась, Аллочка. Я думала, это пройдет, а все не проходит и не проходит, только сильнее болит. Я Зою Петровну спросила, можно ли мне прийти. Я же не знала, может, он женился давно! Зоя Петровна написала – приходи.

– Одно слово написала?

Женька кивнула.

– Я нашла в Интернете группу, которая вроде по схожим координатам собралась идти, и тоже пошла. Марк ничего не знал. Я думала, на месте станет понятно, что делать. Может, притвориться, что идти не могу, и всех на кордон направить, чтоб меня туда тащили, я же знала, где он расположен! Может, наоборот, оторваться, уйти, а потом сообщить, что я в безопасности, чтоб не искали. А он сам на нас вышел. Я его увидела, у меня в глазах потемнело. А он со мной даже не разговаривает.

– В мозгах у тебя потемнело, – проворчала Алла, – уже давно, три года назад, когда ты ему голову стала морочить, что он тебе не нужен, вот это точно! Столько дел наворотила на пустом месте, господи!..

– Как же на пустом месте, Аллочка?!

– И, главное, смысла, – продолжала Алла, не слушая. – Вот ты представь себе!.. Возвращается он... откуда там?.. с чемпионата мира, что ли, а тебя нету. И никто ничего не знает! В больнице сведений нет, выписалась куда-то, да и все дела, комната в Красногорске запертая стоит, родных никого. Он что в это время должен был делать? Ты там себе трагедию сочинила, нафантазировала чего-то в боли и в угаре: он тебе не пара, вы должны расстаться!.. Он вернулся к тебе, небось еще медаль привез! Он тогда чемпионат выиграл?

Женька кивнула.

– Значит, вернулся победителем, а тебя нет. Нигде нет. И как искать, и где искать?.. И что делать?.. А ему твои высокие помыслы неведомы. Он, как любой нормальный мужчина, слышит только то, что ему говорят, а ты ему сто раз сказала: ты мне не нужен. И теперь ты удивляешься, отчего он с тобой не разговаривает!.. Должен был на шею кинуться – спасибо, что вернулась?!

– И не должен он кидаться!

– А что он, по-твоему, должен делать?

Женька подумала, всхлипнула и вытерла нос:

– А я что теперь должна делать?

Алла вздохнула.

...Как это бывает? Она и забыла совсем. Как это бывает, когда двадцать четыре года, когда «он не разговаривает» и «что мне теперь делать», когда все мысли только о нем и любовь такая огромная, что никуда не помещается, и с ней невозможно справиться, и ее невозможно убить, потому что она сильная и молодая, эта самая любовь? Как это бывает, когда все очень, очень сложно, но от одного слова или взгляда может стать легко и прекрасно?

– Теперь ты должна все начинать сначала, Женька. Ты должна все ему объяснить – словами, и так, чтобы он понял. Ты должна с ним поговорить, и чтоб он услышал. Замани его в постель и не выпускай оттуда сутки. Или трое, как пойдет.

– Да-а-а, а если он решит, что я теперь ни на что не гожусь и прибежала сюда, потому что мне нужны только его деньги и слава?

– Понесла! Его деньгами и славой ты могла пользоваться все эти годы. А ты молча страдала и погибала, ибо решила освободить его от себя.

– Вы смеетесь?

– Смеюсь, – согласилась Алла. – Жизнь устроена немного не так, как в сериалах, Женька. Там так положено для развития сюжета – герои долго страдают, а потом обретают заслуженное счастье. У людей по-разному бывает. Бывают страдания, а счастья в награду так и нет. Бывает наоборот – счастье, но человек не понимает, что это счастье, и все равно страдает. Но в сериале награда сама собой на голову падает – раз ты хороший человек, вот тебе награда. А в жизни за нее бороться надо. Ты молодец, решилась! Стала Марка искать и нашла ведь! Вот и продолжай.

– Так он разговаривать не хочет.

– А ты заставь.

– Да-а-а, – опять протянула Женька. – Его разве можно заставить? Он великий спортсмен, особенный человек.

– Ты тоже спортсмен, – напомнила Алла. – Нога тебя подвела, а все остальное-то осталось. Ты же умеешь бороться. Борись.

Они посидели молча, и в эту минуту им казалось, что они самые близкие люди, ближе и быть не может. Им казалось, что теперь они знают друг о друге что-то такое, что никогда не

сможет измениться или поколебаться, и все это – хорошее. Неизвестно, что будет дальше, но они есть друг у друга, должно быть, навсегда.

– Давай еще раз зайдем в парилку, – предложила Алла, – и на выход. Там мужики заждались, наверное.

– Давайте зайдем, Аллочка, – с готовностью согласилась Женька.

Алла потянула дверь, горячий, пахнувший травами воздух обнял ее со всех сторон, она глубоко вдохнула и спросила:

– Ты не знаешь, кто убил Виноградова?

Утром Алла проснулась оттого, что пришел Вик и хвостом щекотал ей нос.

– Пошел вон, – велела Алла, перевернулась и потерлась носом о подушку. – Возьми полено и таскай его.

И вскочила.

В «комнате девочек» не было никакого Вика!.. В «комнате девочек» было солнце. Широкими горячими ручьями оно вливалось в окно, растекалось по лиственничному полу, по лоскутному Женькиному одеялу, по бревенчатым стенам. Должно быть, оно вливалось уже давно, потому что его было много, оно плескалось по всей комнате, выходило из берегов.

Алла соскочила с дивана и подбежала к окну, волоча за собой одеяло.

Лес, которого еще вчера не было, который совсем пропал в метели, оказался близко, под горкой. Сугробы в тени казались синими, мартовскими, как на картинах Грабаря. Двери в ангар распахнуты настежь. Переваливаясь через снеговые волны, стуча мотором, под горку шла диковинная машина на широченных гусеницах, оставляла за собой ровную, как по линейке, утрамбованную дорогу с лыжней. Солнце прыгало по сверкающей алой крыше кабины. Вик тоже скакал, только не на крыше, а позади машины, припадал на передние лапы, вспрыгивал на гигантскую поперечную лыжину, которую трактор волок за собой, и подъезжал на ней. Фигура в красном пуховике деловито и равномерно махала лопатой, расчищала дорожку к маленькому дому.

И все это было так радостно и ново, как будто жизнь началась сначала!..

– Девчонки, вставайте! – закричала Алла, отшвырнула одеяло и стала торопливо одеваться. – Метель ушла!

Они еще возились и мычали, когда она выскочила на площадку и нос к носу столкнулась с Марком. Вдвоем они скатились по лестнице, слово боялись опоздать на какое-то чудесное представление, напялили куртки и валенки и вывалились на улицу.

На крыльце навстречу им попался Сергей Васильевич, очень веселый:

– Доброго утречка! Погодка-то, погодка!.. А?! Налаживается!..

От восторга и холода у Аллы моментально застучали зубы, а от сияния солнца и сверкания снега заслезилась глаза.

– Марк, так не бывает! Вы посмотрите, какое солнце! А вчера весь вечер мело!

Он сунул ей свои темные очки, и она моментально нацепила их на нос – смотреть на снег без очков было невозможно.

– У нас так всегда бывает. – Он двинулся вокруг дома, и Алла за ним. – Тут роза ветров такая. Метель уносит быстро! Зато и приходит она внезапно.

Почти черпая валенками снег, они добрались до навеса. Марк выбрал лопату пошире. Алла подумала и себе тоже взяла. Из-под горы издали доносился стук мотора, казавшийся очень веселым. Марк принялся расчищать снег, отваливая огромные его пласты в сторону. Алла пристроилась рядом.

Снег был воздушный, почти невесомый, бросать его было легко и тоже весело.

– Вы сегодня кататься пойдете? – спросила она Марка.

– А как же! У нас и так весь график тренировок наперекосяк. Сейчас Кузьмич трассу обновит, и можно выходить.

Алла некоторое время молча кидала снег. Ей не хотелось ни думать, ни говорить о плохом, но, вспомнив, остановиться она уже не могла.

...В этом сказочном мире, где метель кончается внезапно и начинает яростно сиять солнце, где скачет собака Вик и деловито катит красный трактор на широких гусеницах, неблагополучно. В этом мире убили человека. Убил кто-то... свой. А она, Алла, так и не знает, кто именно.

Она перестала кидать снег, распрямилась и посмотрела в сторону леса.

– Марк, а Игоря когда... заберут?

– Утром мы на связь выходили, у них там, – он кивнул куда-то в сторону синевших на горизонте гор, – погода пока нелетная. Метель как раз к ним ушла.

– То есть вертолет сегодня не прилетит?

– Может, и завтра не прилетит.

– Плохо, – вырвалось у Аллы. – Как это плохо!..

Он ничего не ответил, продолжал кидать снег. Алла тоже принялась за дело. Они расчистили дорожку до того места, где начиналась проложенная диковинным трактором лыжня, и стали заходить с другой стороны.

– Я никогда раньше не видела ратраков.

– Странно. Вы же лыжница.

– Откуда вы знаете?!

Он улыбнулся. Солнце светило ему в лицо, глаза оказались совсем светлыми, кожа обветренной и загорелой, а он очень молодым. Сколько ему лет?.. Кажется, тридцать шесть или около того, он в первый раз выиграл Олимпиаду лет двенадцать назад. Он чемпион, победитель, волк, а вовсе не славный парень, который чистит дорожки!

– Слушай, – сказал чемпион и волк, – давай на «ты». Можно?

Алла замешкалась немного, но кивнула.

– С чего вы... ты взял, что я на лыжах катаюсь?

– Ты всерьез думаешь, что я не отличу лыжника от «чайника»? Или лыжи? Профессиональные от средненьких?

Алла смотрела на него. Он с размаху воткнул лопату в сугроб, как заправский дворник.

...Отличишь. Конечно, отличишь. Я сама моментально раскусила Женьку, как она ни прикидывалась, а прикидывалась она старательно. Как это я не подумала?

– Кто из ваших руководитель группы? Ты или Сергей Василич?

– Я.

– Так я и думал. Кого вы сопровождаете?

– Если ты такой умный, – выговорила Алла язвительно, – мог бы и сам догадаться.

– Володю, конечно, да?

Она кивнула.

– А остальные?

– Думай сам.

Тут Марк Ледогоров, многократный олимпийский чемпион, почему-то развеселился.

– Ух ты! А я предполагал, мы по одну линию фронта.

– Марк, у тебя в доме человека убили. А у меня... обязательства. И так получается, что я их не выполнила.

– Да черт с ними, с твоими обязательствами, – сказал он с совершенно искренним удивлением. – Здесь Приполярный Урал, а не Москва-столица! Ты бы нам помогла лучше.

– Я стараюсь, – Алла сдернула с носа темные очки. – Ты не видишь?! Мне одной Женьки хватит. Я всю голову сломала, откуда она взялась. Ну, конечно, додуматься до того, что она с нами потащилась, чтобы тебя найти, я не могла.

– Она тебе рассказала?..

– Я ей рассказала! – возразила Алла. – Я же тоже кое-что понимаю, Марк. А она все время мне врала.

– Мне она тоже врала. Все время.

– Нет, не все время! – закричала Алла так, что фигура в красном пуховике, равномерно махавшая лопатой в отдалении, приостановилась и медленно повернулась к ним. – Она тебе врала только тогда, когда решила тебя защитить и спасти. Ну, она так понимает жизнь. Ей казалось, это правильно. Она травмированный инвалид, а ты герой и чемпион.

– Я не стану это обсуждать.

– Да не разговаривай, шут с тобой!.. Не обсуждать – прекрасно! А еще лучше куда-нибудь смыться для придания ситуации большего драматизма. Ну, как Женька! Она же от тебя смылась!.. И ты давай. Вперед!

– Какое тебе дело?! Что ты лезешь в мою жизнь?!

– Я не лезу! Я знаю, что все потерять очень просто, гораздо проще, чем удержать. Она выросла в интернате, у нее ничего нет, ни опыта, ни поддержки. Она справилась с травмой, одна, не пропала, не спилась с горя! Она тебя нашла, придумала, как сюда добраться, крутится около тебя, в глаза заглядывает, а ты – ни с места! В самом деле, что ли, за Торой Бергер решил приударить?!

Он вдруг запрокинул голову и захохотал. Фигура в красном пуховике поглядела, как он хохочет, и снова принялась за работу.

– Про Тору тебе Женька сказала?

– Ну конечно. Она тебя ревнует.

Он хотел что-то сказать, и Алле показалось – важное. Нечто такое, от чего зыбкость и неопределенность если и не исчезнут совсем, но все станет немного понятней и яснее, как низкие метельные облака вдруг пробивает яркий луч солнца.

И не сказал. Что-то с силой бабахнуло, они оба оглянулись, и на высоком крыльце «большого дома» показался Степан, голый по пояс, в подвернутых штанах и босиком.

– Доброе утро! – прокричал он и физкультурным шагом сбежал с крыльца. – Солнце какое!

Марк вытащил из сугроба лопату и стал кидать снег – раз-два, раз-два!.. Движения у него были рассерженные.

Степан с разгону вбежал в снег и стал энергично им обтираться.

– Хоррошо! А!.. Черт!

Алла оглянулась. Степан вдруг со всего размаху плюхнулся в сугроб, как будто его ужалила змея.

– Степ, ты что?!

– Порезался! Черт!..

Сидя в сугробе и вывернув ногу, он пытался рассмотреть собственную ступню. Алла подбежала и, сильно дернув, вытащила его из сугроба.

– Там стекляшки какие-то, – Степан держал ногу на весу и морщился. – Я наступил.

Алла посмотрела – кровь сочилась тоненькой струйкой, и в ране что-то блестело, то ли снег, то ли на самом деле стекло. На гору взобрался ратрак, остановился, смолкло стрекотание мотора.

– Пойдем, я тебя в дом провожу. Марина посмотрит!

Фигура в красном пуховике, переглянувшись с Марком и подходившим Кузьмичом, помедлила и двинулась следом за Аллой и Степаном, скакавшим на крыльцо на одной ноге.

Марк присел, сдернул перчатку и стал осторожно отгребать снег в том месте, где он был закапан красным.

– Не может здесь быть никаких стекляшек, – сказал Кузьмич.

– Погоди, Паша.

Марк вытащил из снега предмет, похожий на стеклянную трубочку. Один конец ее был сломан, торчали острые края. Кузьмич наклонился, и вдвоем они какое-то время рассматривали трубочку.

– Ампула нашлась, – констатировал наконец Кузьмич. – Звериное снотворное, как наша Зоя Петровна выражается.

– Сам вижу. С крыльца выкинули, как ты думаешь?

Кузьмич отошел, сорвал какую-то ветку, забрался на крыльцо и кинул ее. Они проводили ветку глазами.

– С крыльца не долетит.

Марк задумчиво посмотрел по сторонам:

– То есть человек носил ее в кармане, а потом выбросил, что ли?..

– Это логично. В доме куда ее денешь? Вдруг найдут!

Они еще помолчали, раздумывая.

– Рядом с «медицинской», где хранятся все препараты, «оружейная», – сказал Кузьмич и посмотрел на небо. – А в «оружейной» чей-то чужой нож обретался. В бане фотоаппарат без флешки. Чей нож, чей аппарат? Если в снег ампулу выбросили, чего ж «Nikon» не кинули?..

– Может, еще не все... сфотографировали.

– А чего фотографировали-то, Марк?! И, главное, кто?

– Сделали нас с тобой, как пацанов желторотых, – морщась, сказал Ледогоров. – Я себя от этого чувствую... импотентом! Ничего не могу!

На крыльце показался Антон, на ходу натягивавший меховой реглан.

– Здорово, мужики! Там один из туристов порезался, видели? Анекдот с ними. Я хочу машинку запустить, движок погонять маленько. Застоялся!

– Туда еще дорога не расчищена.

– Мать честная! – весело удивился Антон, оглядывая сугробы. – Надо туристов мобилизовать на расчистку, хоть какая-то польза от них будет. А снегу-то, снегу навалило!

Он схватил лопату и принялся бестолково кидать снег в разные стороны – баловался.

– Я после завтрака на трассу уйду, – негромко сообщил Марк. – А ты с Аллой поговори. Скорей всего, она знает, чей нож. Она наблюдательная. Про Женьку все мне рассказала.

– Догадалась?

– Говорю же, наблюдательная.

– И красивая, – поддержал Кузьмич.

Марк пропустил это замечание мимо ушей.

– Она опекает Володю, который, как я понимаю, сам по себе беспомощный щенок. Хорошо бы узнать, почему и зачем она это делает.

– Я так понимаю, задание какое-то выполняет. Но если я спрошу, она меня пошлет подальше, как пить дать.

– Почему пошлет?

Кузьмич опять посмотрел на небо. Марк удивился.

– Что такое?! Я что-то пропустил?

– Я ей массаж делал, – буркнул Павел, и его обветренные щеки вдруг залились бурым румянцем. – Спину у нее прихватило. Какая-то старая травма.

– А... ты только массаж делал или еще что-нибудь?

– Больше ничего не делал. Не успел. Только мне показалось, напугал я ее.

Марк смотрел на него с живейшим интересом, изучал, можно сказать, как будто давно не видел.

– Вроде она не из пугливых, Паша.

Антон в отдалении все бросал снег в разные стороны, ему было весело.

– Или ты сам... перепугался?

Павел махнул рукой и, сгорбившись, пошел к дому.

– Яичня! – объявила Зоя Петровна и плюхнула перед Аллой расписную тарелку, на которой почти не помещалась огненная яичница, громадная, как луна. Сбоку был пристроен ломоть черного каравая. Алла схватила ломоть, посолила, откусила и замычала – так вкусно это было, свежий хлеб из печки и яичница с салом! Куда там иностранной колбасе салями и бельгийскому шоколаду.

– Кошмар, – негромко сказала Марина. – Один холестерин.

– Ничего, – пробормотала Алла с набитым ртом, – как-нибудь рассосется.

– Холестерин не рассасывается.

– Покататься бы, – с тоской протянул Степан и взглянул в окно, за которым плескалось солнце. – По свежей лыжне! А я ногу распорол.

– До свадьбы заживет. – Сергей Васильевич, которому яичницы по прихоти Зои Петровны все время доставалось меньше, чем Алле, вытянул шею и заглянул в сковородку. – Я вот бы тоже на воздух вышел. Так люблю воздух и просторы! На охоту поеду, а я часто езжу, так самое лучшее дело – лес. Лучшее и благодатное!

– А я б ни за что не пошел! – заявил Диман, энергично жуя. – В лес, на лыжню и всякое такое! Хватит с меня. Кристинке доказал, что я не слабак, можно больше не упираться. Антоха, отвези меня на вертолете в Галыгино, а?

– Полетели, – тут же согласился Антон. – Можем еще кого прихватить! Женечка, не хотите на вертолете?

– Ой, не-ет, спасибо вам большое.

– Может, Мариночка хочет?

– Никто на вертолете не полетит, – перебил его Володя очень твердо. – Группа вернется в том же составе, в каком вышла. Это не обсуждается.

– Вспомнил, что ты начальник, да? – ласково спросил Степан. – Дурашка ты, а не начальник.

– Вся группа в обратный путь пойдет со мной, – повысил голос Володя. – И ты тоже!

– Да, шас! Держи карман!..

– Погодите вы лаяться, мужики, – вступил Сергей Васильевич, думая, как бы добыть еще яичницы. – Кто куда летит-то? Кузьмич вон говорит, что некуда пока лететь. Метель туда ушла, куда лететь вы собрались!

– Мне бы машину для начала отчистить, – сказал Антон. – Ее всю снегом завалило!

– Не вопрос, поможем! Зоя Петровна, а больше нету яишенки-то?

– Съели.

Алла налила себе чаю – таежный, вкусный, – глотнула и обожглась. Кузьмич, скрестив длинные ноги, стоял, привалившись к каменной кладке печи, и смотрел ей в затылок – оттого и обожглась.

В кухню вошел Петечка, заспанный, лохматый и недовольный.

– Кто мои записки стырил? – спросил он с порога. – Не, а чего это происходит? Я сижу, пишу! Мне надо писать! А потом кто хочешь будет их тырить?

– Какие записки, Петечка? – спросила Женька, тараща темные блестящие глаза. Это было очень красиво – темные глаза и белые волосы. – Те, что ты вчера писал? Про наше путешествие?

Петечка нехотя кивнул и плюхнулся на свое место. Теперь у каждого из них было «свое» место в необыкновенной кухне, и «чужие» они старались не занимать.

– А что, яичницы нету?

– Съели.

– Не, ну кашу я не хочу!

– Раньше вставать надо, – упрекнула Марина, и Володя посмотрел сердито – он должен был это сказать, а она его опередила.

– Ой, а было так интересно, – затараторила Женька. – Я правда совсем-совсем чуточку успела прочитать! Я же не знала, что Петечка у нас писатель!

– Ты писатель? – спросил Степан у парня.

– Все про нас написано, да, Петечка?

– Я не понял, – подал голос Кузьмич, – ты какие-то заметки писал, а они пропали, что ли?..

– О чем я и говорю! А нельзя пожарить?

– Чего пожарить?

– Яичницу.

Зоя Петровна загремела сковородой.

– Тогда уж и на мою долю, – лстивым голосом попросил Сергей Васильевич. – Я такой яиченки, как ваша, сроду не едал!

– И на мою! – поддержал Диман.

– А когда пропали твои заметки? – спросил Кузьмич.

– Вчера вечером, – буркнул Петечка. – Когда я руку того... короче, когда мы тут все в кухне собрались. Я вернулся, на столе только чистая бумага, а заметок нет. Я искал, искал, не нашел ничего. А потом баня была, я и забыл, а сейчас вспомнил. Ну, кто взял?..

Марина переглянулась с Володей, Алла с Женькой, Степан с Сергеем Васильевичем, а Диман ни с кем переглядываться не стал.

– Кому они нужны, записки твои? – спросил он миролюбиво. – Небось сам сунул куда-нибудь и забыл.

– Никуда я не совал. А только, если сперли, чтоб за свои выдать и в инет выложить, при всех говорю – вычислю гада! И везде запостю, что воровство и плагиат.

– Правильно! – согласился Сергей Васильевич и потянул носом. Яичница на метровой сковороде шкворчала и пахла изумительно. – И нечего!.. А я тебе могу из охотничьей жизни рассказать. Слышь? У меня много историй!

– Ты несешь какую-то ахинею, Петь, – сказала Марина, морщась. Ей не нравилась вонь от яичницы. – Кто это будет в Сеть выкладывать?

Кузьмич подцепил поленом чугунную дверцу печки, подбросил его в огонь и вышел. Алла, которая все время почему-то видела, что именно он делает, проводила его взглядом, подумала и тоже поднялась.

Он оказался в комнате, где все по очереди читали «Бравого солдата Швейка». Сидел на корточках перед «голландкой» и заглядывал внутрь.

– Здесь сожгли, – мельком глянув на Аллу, сообщил он. – Вон пепел остался. Бумажный пепел приметный.

– Может, Петя сам сжег? Как Гоголь вторую часть «Мертвых душ»?

– Про Гоголя не знаю, а Пете зачем? И еще комедию перед нами ломать!..

Алла подошла и тоже заглянула в печь.

– Кто-то что-то прочитал в этих заметках, – сказала она задумчиво. – Что-то опасное. Что опасного мог написать Петечка?..

– С чего он вообще взялся писать? Писатель, что ль, на самом деле?

– Он блогер, Павел. То и дело пишет что-то в Интернете. Ему нравится.

– Этот блогер из... твоей команды?

Алла отрицательно покачала головой.

– А может, он еще и фотограф?

Алла пожала плечами.

– Навязались вы на мою голову! – в сердцах сказал Павел. – Не было у бабы забот, купила баба поросю! Олимпиада на носу, а я?! Чего я делаю?! О чем думаю?!

Он поднялся с корточек, зачем-то отряхнул штаны, подошел, взял у Аллы из рук кружку и глотнул.

– В две тысячи двенадцатом немцы подкупили одного чеха, журналиста. Он к своим спортсменам-соотечественникам прямой доступ имел, аккредитован был, где можно и где нельзя. Он за ними таскался, интервью брал, фотографировал на тренировках, на стрельбищах, где винтовки пристреливают, в подсобках, где тренеры лыжи готовят, да везде. А потом всю информацию немцам слил. Чехи в тот сезон в Рупольдинге ни одной медали не взяли, а у них сильная команда.

– Ты хочешь сказать, что кто-то из наших такой же подкупленный журналист?

– Пойдем со мной.

За руку, как маленькую, он вытащил ее в коридор, протащил за собой, втолкнул в «оружейную» и захлопнул за собой дверь. Загремел замками и распахнул высокий железный ящик.

– Чей это нож? Погляди, погляди хорошенько!..

Алла поставила кружку на железную стойку, подошла и посмотрела. Этот нож она отлично знала.

– Где ты его взял, Павел?

– Здесь.

– Что значит – здесь?

– Тебе полочку показать, на которой он лежал? Во-он та. Это не наш и не Антохи. У Игорька никаких ножей сроду не было. Выходит, кто-то из ваших его здесь оставил. Ну?

– Сергея Васильевича нож, – покоровившись, ответила Алла. – Только, Павел, клянусь, он ни при чем! Он не мог никого убить.

– Почему? Потому что он твой дружбан?

– Он не мог убить, – повторила Алла. – Я тебе точно говорю. Не трать время зря.

– А как он здесь оказался, твой Сергей Васильевич? Что он тут забыл? Зачем полез-то сюда?

Алла начала злиться. Он разговаривал с ней, как следователь с подозреваемой в дурном кино.

– Если ты не хочешь, чтобы мы куда-то заходили, запирай к чертовой матери двери! Вешай на них замки! Тебе везде мерещатся шпионы! Диму напугал, когда он в комнату с лыжами заглянул, теперь Василича подозреваешь! Хорошо, допустим, он сюда заглянул, и что?!

– Да нечего ему было тут делать, вот и все! А он ведь здесь что-то делал! Такое, что даже нож свой позабыл. Что он делал?

– В окно смотрел!

– Алла, – начал Павел грозно, – ты меня из терпения не выводи. У меня оно не бесконечное! Один от нечего делать здесь нож забывает, другой какие-то записки пишет, потому что он, видите ли, блогер, а записки в печке сжигают, третий фотоаппарат в дрова пристроил! Чего он на него снимал, когда, зачем?! А у меня...

– Знаю, – перебила Алла. – У тебя Олимпиада на носу!

– Ты мне все время врешь! – выговорил он брезгливо. Марк Ледогоров говорил о том, что ему все время врет Женька совсем по-другому. – А я при этом должен верить каждому твоему слову, как своему собственному, да?!

– Да не верь, – храбро сказала Алла.

Ее удивляла сила его гнева. Она совсем его не боялась, как будто наблюдала со стороны, из партера. Однажды она уже испытала такое чувство, и сейчас ей почему-то страшно важным казалось вспомнить, когда это было – она смотрела, а перед ней как будто актеры на сцене выступали.

– Зачем ты сюда пришла? И людей привела?

– Я не приводила людей, Павел. Это вышло случайно. Володя на самом деле провалился в ручей, сломал лыжу и растянул ногу. И метель нас застала по-настоящему.

– Кто ты такая?

Алла посмотрела ему в лицо. Почему-то она не могла ему заявить – разбирайся сам, как недавно сказала Марку. Она точно знала, что сейчас должна говорить правду и от этого зависит... что?

...Как это бывает? Как это бывает, когда один простой разговор может изменить всю жизнь? Ничто уже не может ее изменить, она сложилась так, как сложилась, говори, не говори. «Лесной человек» не имеет к ее жизни никакого отношения и не будет иметь никогда. Те времена, когда можно было поговорить, объяснить, растолковать – и мир сразу добрел, становился простым и понятным, давно минули. Тогда было ясно – все беды происходят от непонимания, ведь все люди вокруг добры и честны, просто иногда непонятливы.

...Как она станет ему объяснять? Что именно следует объяснить, особенно если учесть, что три дня назад она ничего не знала о существовании кордона «полста-три» и его обитателей?

– Павел, – решила Алла и приткнулась на продавленное кресло, накрытое неопределенной шкурой. – Я... это длинная история. Ты готов меня слушать?

Он сел на пол, скрестив длинные ноги.

– Готов.

Снаружи загрохотало так, как будто обвалился потолок. Они секунду прислушивались, а потом одновременно бросились в коридор.

Из кухни выскочил Сергей Васильевич, за ним показался Володя.

– Где это?!

Из сеней ввалился Антон без куртки, в одном свитере.

– Что случилось?!

Снова загрохотало, и Павел, расталкивая людей, кинулся в комнату со снаряжением.

Там были хаос и разрушения, как будто бомба попала. Высокий, под потолок, стеллаж, снизу доверху заставленный металлическими банками с мазями, парафинами, мастиками, заваленный железками и инструментами, обрушился на середину комнаты, повалил лыжи и стулья. Под обломками ничком без движения лежал человек.

– Петя! – вскрикнула Алла.

– Мать честная!.. Он жив?! Мужики, давайте с двух сторон возьмемся и поднимем его потихоньку! Заходи, заходи туда! Как эта дура завалилась-то?! Дышит он или нет?

Павел молча и проворно пробрался внутрь и зашел с другой стороны. На шее у него надулись вены. Алле стало страшно.

– Давайте! – скомандовал он и взялся за железную опору. – На счет три. Алла, вытащишь его. Ну! Раз, два!.. Три!..

Павел с одной стороны, Сергей Васильевич, Степан и Володя с другой приподняли стеллаж. Алла мгновенно подсунулась и стала тащить Петечку за плечи. Он застонал.

Пятась, она выволокла его из-под груды обломков.

– Бросаем!

От грохота снова как будто обрушился потолок, сотряслись стены и упали какие-то лыжи.

– Не трогайте его! У него может быть позвоночник сломан.

– Петя, – позвала Женька растерянно и присела рядом. – Петя, ты меня слышишь?

– Слышу, – вдруг отозвался он. – Не глухой.

– Ты жив?! – глупо завопила Женька. – Ты точно жив?!

Очень медленно, как будто собирая с пола собственное разобранное по частям тело, Петечка подтянул руки и ноги, неловко встал на четвереньки и наконец сел, тараща бессмысленные глаза.

– Что случилось? – командирским голосом спросил Володя.

– Я не знаю, – ответил Петечка, облизнул сухие губы, засыпанные чем-то белым, и стал старательно отряхивать рукав, по которому текла клейкая желтая мастика.

Марина протолкалась из-за людей, присела перед ним на корточки и с двух сторон крепко взяла в ладони его голову.

– Посмотри на меня. Не отводи глаза! – Некоторое время она смотрела, потом стала ощупывать его ноги и руки.

Петечка хихикнул и поежился.

– Щекотно, – сказал он и смешно почесался.

– Как ты опрокинул на себя шкаф?

– Он как-то сам... опрокинулся.

Павел ходил по комнате со снаряжением – по бывшей комнате со снаряжением! – расшвыривал ногами банки, наклонялся и рассматривал что-то на полу.

– Встать можешь? – спросила Алла.

– Наверное... могу, – ответил Петечка.

Алла его поддержала, и он неловко поднялся.

– Все цело, – констатировала Марина с облегчением. – Может, небольшое сотрясение, но это не страшно.

– Повезло, Петька, – сказал Сергей Васильевич. – Чудеса просто, что бандура эта тебя до смерти не убила!..

– Как ты оказался в этой комнате? – негромко спросил Павел, и все на него оглянулись. – Ты что-то искал?

– Я не искал, – отозвался Петечка и икнул, – я просто так. Лыжи хотел посмотреть...

– Лыжи стоят с другой стороны. Что ты брал со стеллажа?

– Я... не помню. Я просто зашел посмотреть.

Павел выбрался из комнаты, оказался рядом с Петечкой и аккуратно, чтобы не запачкаться в мастике, взял его за горло.

Марина ахнула, стала хватать «лесного человека» за руки, Володя попятился, а Сергей Васильевич пробормотал что-то вроде «Ну-ну, полегче, полегче!»

Алла не двинулась с места.

– Что ты там искал?! Отвечай мне, быстро!..

Петечка издал горлом писк. Павел ослабил хватку.

– Честно, просто так! – хлебнув воздуха, пробормотал Петечка. – Я не хотел! Там банка такая черная стояла, здоровая. С самого края наверху, из коридора видно. На ней надпись «Poison». Я давно хотел посмотреть, что за яд там у вас! Я зашел, потянулся за банкой, а дальше... она стала на меня валиться, я только в самый последний момент заметил, и больше ничего не помню, правда не помню.

Павел испытующе посмотрел ему в лицо и, видимо, не высмотрел там ничего особенного, потому что Петечку отпустил.

– По коридору никто не проходил, ты не видел?

– Я не видел. Я на банку смотрел! Но кто-то проходил вроде. Или не проходил?..

– Он пострадавший, – возмутилась Марина, глядя на Павла с отвращением, – а не преступник! Совесть у вас есть?!

– Зоя Петровна, – не слушая, позвал Павел, – у него шишка на башке, надо лед приложить. И дайте ему переодеться, вон он весь... в химических жидкостях!..

И вернулся в разгромленную комнату. Алла подождала, пока все разойдутся, и пробралась к нему, старательно обходя вонючие разноцветные лужи.

– Что? – спросил он, не оборачиваясь.

– Стеллаж не мог упасть сам по себе, – сказала она, глядя в бритый затылок. – Так?.. В прошлый раз, когда ты разогнал отсюда Димана, я обратила внимание на болты. Стеллажи привинчены к стене болтами.

– Молодец, – похвалил Павел. – Марк сказал, что ты наблюдательная. Вон они, болты. Все вывернуты. Можешь убедиться.

Алла подобралась поближе и присела рядом с ним.

– Ничего не понимаю, – призналась она. – Петьку хотели убить?! Или кого хотели убить?.. Тебя? Ты чаще всех здесь бываешь! Марка? Лыжи Марка здесь стоят?

Павел взглянул на нее очень серьезно.

– Самое интересное не это, – выговорил он медленно. – Самое интересное, что никакой черной банки с надписью «Poison» здесь нету.

Алла даже отпрянула немного.

– Как нету?! А что же он тогда хотел... – она осеклась и замолчала. А потом спросила: – И не было никогда?

– Почему, была. Была черная банка с морилкой. Зоя Петровна по весне ту баню, которая под горкой, ею обрабатывает, чтобы живность не завелась, жуки всякие, личинки. У нас весной сыро бывает, а летом жарко, вот она и обрабатывает!

– Павел!

– И банка действительно там стояла, а сегодня утром я ее в ангар отнес. Чего, думаю, торчит здесь, только место занимает! Все равно и пульверизатор, и шланги все в ангаре. И до бани оттуда ближе.

– Зачем он соврал?

– Зачем вы все врете?

Алла растерянно оглядела комнату, в которую как будто попала бомба.

– Павел, но он сам не мог вывернуть болты! Это... дикость какая-то. Получается, что Петечка пришел сюда непонятно зачем, а еще кто-то непонятно зачем вывернул болты. Чтобы убить... кого? Кого, Павел?!

– Стеллаж грохнулся и никого не убил. Оглушил малость.

– Это случайность. Просто Петьке повезло.

– Пойдем на улицу, – предложил «лесной человек». – У меня от этой вони голова раскалывается. Тут теперь разбирать придется... трое суток.

– Я тебе помогу.

Он не сказал «сам справлюсь», он просто кивнул, принимая ее предложение, и они выбрались на улицу. В сенях Павел замешкался, копаясь в куртках, загромодивших обширную вешалку.

– На лыжах бы сходить, – с тоской пробормотал он, щурясь на солнце. – Столько дней не катался! Да где теперь на лыжах ходить! Что ни день, то ЧП.

– Давай подумаем, – предложила Алла. – Петька явно видел раньше эту банку, раз сразу про нее сказал. Он не знал, что ты ее утром унес, вот и соврал. То есть он пришел туда не для того, чтобы посмотреть какую-то банку.

– Отлично, – похвалил Павел. – Молодец.

– Вопрос – зачем он туда пришел и почему соврал? Еще какой-то человек вывернул крепления, и когда Петька за чем-то потянулся, стеллаж обрушился на него.

– Подожди, – пробормотал Павел. – Крепления!.. Ну конечно. Как это я пропустил?

– Какие крепления? – не поняла Алла.

Не отвечая, он помчался по дорожке, которую утром они расчистили с Марком. Алла побежала за ним.

Он обогнул дом, поскользнулся, чуть не упал и скрылся за углом. Когда Алла подбежала, Кузьмич шурувал под навесом, переставляя лыжи.

– Павел, что ты делаешь?

– Смотрю крепления.

– Зачем?!

Он еще пошурувал немного и спросил:

– Ни у кого на маршруте крепления не ломались? Из ваших?

Алла честно попыталась вспомнить:

– Вроде нет. Точно нет!

– Точно или вроде?

– Не ломались ни у кого крепления! Павел, при чем тут наши лыжи?! Какое отношение они имеют к тому, что из стены болты вывернули?!

Он аккуратно составил лыжи обратно.

– Я пока не знаю. Но если крепления не ломались, значит...

– Что?

Он вышел из-под навеса, зачерпнул в ладонь снега и поел немного, а остатками протер бурые щеки. На подбородке повисла капля. Он смахнул ее тыльной стороной ладони. Руки у него все были в цыпках, Алла давно это заметила.

– Мне нужно подумать, Алла.

– Давай вместе думать.

– Давай, – согласился он, щурясь на снег. – Только как вместе, если ты все время отдельно?.. И вранье какое-то то и дело!..

– Павел, – возмутилась Алла. – Я же не в суде, чтобы говорить правду, только правду и ничего, кроме правды! Есть обстоятельства, которые не имеют никакого отношения к тому, что здесь происходит. Рассказывать о них я не хочу.

– А раз не имеют и не хочешь, значит, будем как прежде, по отдельности думать.

– Что могло быть у Петьки в записках? Для чего их сожгли? Да сожгли – полбеды, еще и убить его пытались! Какие тайны он может знать?! Наш Петечка!..

– Ваш, ваш. То-то и оно, что ваш.

– Павел, если ты опять про то, что кто-то из наших убил Виноградова...

Он махнул на нее рукой и зашагал по дорожке к «маленькому дому». Алла хотела его догнать, но передумала.

...Ничего нельзя изменить. Жизнь уже сложилась так, как сложилась. Ничего не изменят слова, сколько их ни говори. Мир не станет лучше, люди добрее. Преступление останется преступлением. Нужно постараться пережить – этот день, потом следующий день и, может быть, еще несколько дней, и придется вернуться в точку, из которой началось путешествие, а потом – тайны, загадки, преступления, весь этот странный сюжет. Кордон «полста-три» останется, как в сказке, «за семью горами, за семью долами», не обозначенный ни на одной карте, и она, Алла, должно быть, так никогда и не узнает, что здесь произошло на самом деле!..

Из-под горы выскочил Вик, завидел Аллу, замахал белым меховым бублем и, кажется, улыбнулся – приветствовал. Значит, Марк возвращается, уже где-то близко.

...Вот у него и глупой Женьки еще есть надежда! Слова еще могут все изменить. Их только нужно суметь сказать, и выслушать, и поверить. Нелегко, конечно, но – возможно!..

Алла вернулась в дом, чувствуя себя очень усталой и старой. В коридоре навстречу ей попала Женька.

– Марк возвращается, – сообщила Алла. – ты бы все же поговорила с ним, Жень! Придет вертолет, начнется следствие, нас всех заберут отсюда! Чего ты ждешь?

Лицо у Женьки моментально осунулось.

– Аллочка, – зашептала она и стала оглядываться по сторонам, – как же я могу, Аллочка? Он... он совсем на меня не смотрит, как будто не узнает, а я... Зря я, наверное, все это затеяла. Я в Москву вернусь, а там...

– Это ты хорошо придумала, – со злостью одобрила Алла. – Действуешь в правильном направлении!

Никого ни о чем не спрашивая, она разыскала в подвале какие-то коробки, притащила их в разгромленную комнату со снаряжением и, морщась от тяжелого химического запаха, принялась составлять уцелевшие банки и собирать разбросанные железки. Дышать она старалась как можно реже, но все равно вскоре голова стала понемногу наливаясь болью, как будто в нее тонкой струйкой затекала вонючая химия. Алла приоткрыла окно – сразу стало холодно, застучали зубы, зато химическая муть немного осела, перестала подступать к горлу.

Заглянула Зоя Петровна, поглядела, ни слова не сказала и канула куда-то.

Потом на пороге появился Володя.

– Что это вы делаете?!

– Как ты думаешь?

– Алла Ивановна, это не наш вопрос. – Он показал на разгром. – Пусть они сами разбираются.

Алла поставила в коробку еще одну банку.

– Помогите лучше. Вытащи это в коридор, мне тяжело.

Володя посмотрел на коробку.

– Алла Ивановна, зря вы стараетесь. Они все равно не оценят. Я понимаю, вам хочется услужить, всем хочется услужить – олимпийский чемпион, как-никак! Вон Сергей Васильевич рта не закрывает, все рассказывает, как он там выиграл, тут выиграл! Но...

– Володя, вытащи коробку.

– Но они человека убили, вы что, не понимаете?! Мы должны дистанцироваться, а не навязывать им свои услуги...

Алла взялась за коробку и, пятясь, поволокла ее по полу в коридор. Володя продолжал:

– Группа сразу же уйдет, как только появится такая возможность. Мы должны закончить маршрут тем же составом, что и начали. Только эту задачу нам надо решить...

– Володь, пропусти.

Он отступил немного. Алла проволокла мимо него коробку.

– ...Собрать наши вещи и проверить лыжи. Скорее всего завтра уже можно будет выходить на маршрут...

Коробка сама по себе взметнулась вверх. Алла охнула и чуть не упала.

– На крыльцо вынесу, – пробормотал Кузьмич. – Которые потекли, те лучше грузить в ящик железный. Вон я его поставил. Слышишь, Алла? Туда суй.

– Слышу, – сказала она.

– Я сейчас помогу, чего ты одна взялась-то?..

– Да я начала только.

– Пропусти, парень! – подвинув Володю, в комнату протиснулся Марк и присвистнул.

– Лыжи жалко, – через некоторое время сказал он жалобным мальчишеским голосом. – Мастикой залило, теперь выбросить придется!.. Жалко лыжи!..

– У вас труп на кордоне, – едко заметил Володя. – Между прочим, труп вашего спонсора! А вы про какие-то лыжи!

– Слушай, иди отсюда, а? – попросил Марк как-то так, что Володя попятился и оглянулся через плечо.

Ничего страшного не было в словах Марка, и, кажется, угрожающего тоже ничего, и Алла Ивановна поблизости продолжала ковыряться в злосчастных банках, и в кухне громко разговаривали, и Зоя Петровна гремела посудой, но Володя все равно почему-то попятился, и его лидерские качества попятись тоже. Если бы здесь был коуч, он бы тоже наверняка попятился!..

С улицы вернулся Кузьмич, загрохотал, затопал, и Володя быстро ушел в сторону «комнаты мальчиков». Алла проводила его глазами.

Пришла Женька и стала помогать. До вечера они разбирались, таскали ящики, отскребали от пола застывший клей и парафин, собирали какие-то порошки, ликвидировали потеки и лужи. Рухнувший стеллаж – он весил, должно быть, полтонны, не меньше, – оттащили к дальней стене. Битое стекло хрустело под ногами, и казалось, что разгрести завалы и ликвидировать разрушения не удастся никогда. У Аллы очень болела голова и чесалась кожа на руках – от химии, должно быть. Марк не пошел на вечернюю тренировку, хотя Павел пытался его отправить, Женьке он не сказал ни слова.

...Ну и как хотите, думала Алла, ожесточенно отскребая железкой застывшую пленку с пола. Вы взрослые ребята, чемпионы, олимпийцы, а я вам никто! Прав Володя – уже пора на маршрут. Давно пора на маршрут!

Ужинать ей не хотелось, хотя Зоя Петровна наделала котлет, и Женька съела пять штук подряд и все спрашивала, из чего это такие вкусные получаются.

– Лось! – отвечала Зоя Петровна, а Марина заявила, что убивать лосей, чтобы их есть, – дикость, и Петечка ее поддержал.

Всю вторую половину дня он проспал, встал помятый и недовольный, жаловался, что шея у него болит.

– Так тебе по шее вон какая бандура съездила, – утешал его Сергей Васильевич. – Ничего, до свадьбы заживет!.. Ты радуйся, что голова цела, а шея – подумает, шея!

После ужина, заглянув в «комнату мальчиков» Алла обнаружила Петечку, лежащего на диване с «Приключениями бравого солдата Швейка», и села рядом. Тусклая лампочка мигала в изголовье, рядом в высоком подсвечнике горела толстая свеча.

– Как вы думаете, когда свет дадут? – спросил Петечка, завидев Аллу, и пристроил Швейка себе на живот. – Может, Интернет тоже дадут?

– Петь, зачем ты заходил в комнату со снаряжением?

– А?! А, так я это... Я хотел банку достать, а она на меня упала, и все остальное тоже...

Алла вздохнула и почесала ладонь.

– Зачем ты врешь, – устало сказала она тоном Кузьмича. – Не было никакой банки. Она там действительно стояла до сегодняшнего утра, а потом ее унесли.

Солдат Швейк съехал с Петечкиного живота.

– Зачем ты туда заходил?

– Говорю же, просто посмотреть, – сказал он упрямо.

Алле было его жалко – он старался сделать независимый вид, отводил глаза, пыжился, отросшие волосы торчали в разные стороны, и худая рука с синими венами была выпачкана чем-то красным и желтым, как будто он рисовал в детском саду и забыл помыть руки перед уходом домой.

– Если б ты зашел и просто смотрел, стеллаж на тебя вряд ли свалился бы. Ты что-то с него взял. Потянулся и стеллаж потянул. Что ты взял?

Петечка сел, рывком подобрал книжку и сунул ее под подушку.

– Что вы ко мне пристали, Алла Ивановна? – прохныкал он. – Ну вы-то хоть в Касла не играйте!

– Кто такой Касл?

– Детектив из сериала. На самом деле он писатель, но расследует всякие темные дела.

– Петька, говори сейчас же! Что ты взял с полки?

– Не взял! – закричал Петечка и вцепился в свою дикую шевелюру. – Я хотел взять! А на меня все поехало! И больше я ничего не помню!

– Что ты хотел взять?

– Мышеловку, – выпалил Петечка. Алла вытаращила глаза, а он заговорил громко и раздраженно, защищаясь: – Какое ваше дело? Рядом с черной банкой мышеловки стояли, три или даже четыре! Я их тогда увидел, когда и банку! Я хотел достать их и выбросить!

– Зачем?!

– Затем, что мышеловки – это гнусно, – еще громче закричал Петечка. – Вы что, не понимаете?! Это приспособление, которое ломает мыши спину! Вы только представьте себе! Ну представьте! Вы – мышь. Вы ни о чем не подозреваете...

– Я не мышь и представлять не хочу.

Но он не слушал.

– Пахнет так вкусно, что у вас слюнки уже текут! Вы начинаете есть, только откусываете, и тут сверху вас бьет по спине эта штука! Ну, как будто стеллаж падает! И она ломает вам хребет! И в лучшем случае вы умираете сразу, а если она попадет по черепу или по хвосту? Или по ноге, то есть по лапе?! Вам больно, так больно, что слезы из глаз, а вы все еще не умираете! И умирать будете долго!

– Да уж.

– Мы живем в гуманное время! Мы это заслужили. Цивилизация заслужила! Нельзя убивать мышей таким варварским способом! Никого нельзя! Еще давайте гильотину обратно введем!

– Гильотина была во Франции.

– Какая разница! Человечество – единое целое, мы все представители цивилизации и носители гуманистических ценностей! Только дикари ловят мышей мышеловками, а волков капканами! Вы знаете, как зверь попадает в капкан?

Алла попыталась погладить его по голове, но он вывернулся.

– Выходит, ты полез на стеллаж, чтобы избавиться мышей от ужасной смерти.

– Да! Мышеловок, между прочим, там много! Я стал их доставать, и на меня все посыпалось! И больше я не помню ничего!

– Петька, Петька, – сказала Алла и все-таки погладила его по голове.

– Их нужно вышвырнуть! Все до одной.

– Хочешь клюквенного морсу? Зоя Петровна целый жбан еще с обеда на крыльцо выставила охлаждаться.

– Если им так мешают мыши, пусть купят ультразвуковые приборы! Есть такие, я в Интернете читал! Мыши не выносят ультразвук и уходят. А перебивать им хребты – преступление! Или мы не люди, а?!

– Тебе самому чуть не перебило хребет.

– Ну не перебило ведь! – Он дернул плечом. – Давайте морсу, только если он вправду холодный.

Алла поднялась. Он сидел на диване, всклокоченный и очень воинственный, смотрел сердито.

Хороший мальчишка. Точно знает, что ломать спины мышам – негуманно. Человечество должно быть гуманным – все целиком, и в отношении мышей тоже. Двадцать первый век на дворе. Идеалы и ценности.

– Петька, что ты написал в заметках? Такого, из-за чего стоило их красть?

Он пожал плечами. Он был уверен, что украли, чтобы выложить в Сеть – как литературное произведение. Не зря он потратил на них полдня!..

– Ну, что там было?

– Характеристики героев, – буркнул Петечка. – Ну, Женька красивая, Марина тоже красивая. Вы... в возрасте, вам трудно. Степан – сила, Володька карьерист. Диман хороший парень, Сергей Васильевич весь в наколках, должно быть, зону топтал.

– Сергей Васильевич? – переспросила Алла. – А еще что?..

– Да ничего такого!.. Что тут, на кордоне, странные дела творятся, человека убили! А я чуть убийцу не засек! Я в ту... В общем, я в ту ночь вставал, как раз под утро, Марина потом сказала, что под утро его и зарезали. И мог убийцу скрутить, а я не видел никого, только в коридоре в лужу какую-то наступил, Зоя Петровна, наверное, полы мыла и не вытерла.

– Но ты же никого не видел и не слышал!

– Никого! – подтвердил Петечка. – Я так и написал, что не видел!

Алла подумала. Не стоило жечь Петечкины записки, в которых было написано, что Женька красавица, Диман хороший парень, а в коридоре лужа! И уж совсем не стоило, если там было написано, что он никого не видел и ничего не слышал! Но их зачем-то взяли из «комнаты мальчиков» и сожгли! Кто угодно мог это увидеть и заинтересоваться, зачем жечь в печке бумаги, – по дому шляется полно народу!..

...Значит, что-то еще было в этих записках, чего сам Петечка – спаситель мышей и гуманист – не знает. Или знает, но не говорит?..

Ночью Алле снилось, как ржавая железка бьет ее по спине, с хрустом ломаются кости, она пытается уползти, спастись, но ноги больше не слушаются – позвоночник перебит. Она поворачивается из последних сил, чтобы увидеть лицо своего убийцы, и видит только красную куртку и шапку, натянутую до глаз.

Утром оба «лесных человека» – олимпийский чемпион и его тренер – ушли на трассу и не возвращались очень долго. Сергей Васильевич, Степан и Антон разгребали вокруг вертолета снег. Степан прихрамывал и ругался – прокатиться бы на лыжах, а он ногу распорол!.. Женька долго возилась на кухне, старалась, помогала, а потом ушла на улицу, села на широкую лавочку с подветренной стороны и подставила нос солнцу. Марина читала толстую книгу, а Володя играл с Петечкой в шахматы. Алла, закончив дела, тоже вышла на улицу.

Было холодно, воздух острый и чистый, но под стеной лиственничного дома, где сидела Женька, припекало вовсю. Алла пристроилась рядом.

– Хорошо, – не открывая глаз, сказала Женька. – Так бы и сидела. Ноги только мерзнут.

– Скоро все закончится.

Женька шевельнулась и сбоку быстро взглянула на Аллу.

– Прилетят люди в формах, напишут кучу бумаг, заберут Виноградова. Женька, кто его убил?

– Вы уже спрашивали, Аллочка, – пробормотала Женька. – Я не знаю, правда.

– И даже не догадываешься?

– Я не знаю! Марк точно не убивал! И Кузьмич тоже, и я не убивала!..

– И я, – перебила Алла. – Но кто-то же убил.

Ей казалось, нет, она была уверена, что Женька знает. Знает и не говорит. Вполне возможно, что казалось так исключительно из-за того, что Женька единственная из группы была связана с «лесными людьми» давно и даже когда-то жила с ними общей жизнью – с одним из них! – а все остальные увидели олимпийского чемпиона Ледогорова «своими глазами» впервые, когда он примчался сквозь метель со своей необыкновенной собакой и быстренько спас всех от верной смерти. Или все же в группе есть кто-то, кто, как и Женька, целенаправленно добирался до кордона «полста-три», чтобы... Чтобы убить Виноградова? Чтобы подставить Марка?

Алла была уверена, что это глупость и так не бывает.

– Ты не видела ни у кого из наших фотоаппарат?

Женька пришла в замешательство:

– Не-ет. Какой фотоаппарат, Аллочка, когда мы в зимний поход пошли, каждый грамм веса на счету!.. Помните, Сергей Васильевич на Петю ругался за то, что он телефон с собой потащил?

– Да, – согласилась Алла. – Помню.

– У Степы, по-моему, какая-то штука есть, узкая такая, вроде прибор для измерения силы ветра! Ну, черненькая, длинненькая. Он его всего только один раз и доставал, а никаких фотоаппаратов не было.

– Прибор? – рассеянно переспросила Алла. – Он, кажется, никакую силу ветра не мерил никогда.

– Может, прибор не работает, – предположила Женька.

Они взглянули друг на друга и засмеялись.

– Я не хочу в Москву, – сказала Женька и закрыла глаза. – Если бы вы знали, Аллочка, как я не хочу в Москву!.. Там у меня никого нет. Совсем. Вообще. Я вот когда думаю, как я вернусь обратно в квартиру... Я квартиру в Белой Даче снимаю, за МКАДом! Кругом все серое, грязное, мрачное. Люди злые, глаза опущены. До метро утром добраться – помереть легче. И в вагон не войдешь, поезда три надо пропустить, это в лучшем случае. А потом едешь-едешь, едешь-едешь, – Женька помотала головой, изображая, как качает в метро. – И толпа такая, что дышать трудно. Я себе прошлой осенью пальто купила. И порвали мне пальто! Совсем новое! На спине разошлось, от воротника и до самого низа, я протиснуться сквозь толпу не могла... А вечером домой, и в телевизор глядеть. А по телевизору показывают, как люди в Майами отдыхают! Вы не знаете, почему по телевизору то и дело показывают, как все отдыхают в Майами?! Почему не показывают, как в метро едут, потом в супермаркете пластмассовые помидоры покупают по триста пятьдесят рублей, потом на восьмой этаж поднимаются, а лифт не работает?! Вот этого почему никогда не показывают?!

Женька всхлипнула, выдернула из кармана темные очки и нацепила на нос.

– На работе только и разговоров, как все подорожало, а к лету еще подорожает, кто какой кредит взял и что в Интернете написали про то, как певец Прохор в Майами отдыхает со своей девушкой топ-моделью.

– Женька, – сказала Алла, – если ты хочешь в Майами...

– Я не хочу! – закричала Женька. – Я здесь жить хочу! Я хочу сидеть на завалинке всю оставшуюся жизнь, и наплевать мне на Майами! На Урале лучше, неужели вы не понимаете, Аллочка?! Мы здесь сколько уже, а про кредиты никто ни слова не сказал, и про певца Прохора тоже, и про тяжелые последствия пластических операций! Вот вы, Аллочка, хоть раз в жизни делали пластическую операцию?

– Нет.

– А собираетесь?

Алла улыбнулась Женькиному отчаянию.

– Не собираюсь, Жень.

– И я не собираюсь! Но почему-то мне кажется, что я должна, понимаете?! Если мне с утра до ночи все рассказывают про пластические операции, а я ничего в них не понимаю и слушать не хочу, это значит, что я ненормальная, да?! И в Майами я не хочу! И певец Прохор меня не интересует!

– Что ты разошлась, Женька?

– Я хочу, чтоб был смысл, – сказала та твердо. – Вот у Марка он есть, смысл. И у Павла есть. И у меня раньше был!.. Кредиты, пластические операции и Майами – бессмыслица.

...Смысл – это очень трудно. Трудно и непонятно, где его добыть. Раньше, до похода на Приполярный Урал, у меня тоже был смысл, или мне казалось, что он есть, и теперь его не осталось. Мне тоже предстоит заново его найти, и я не знаю – как. Только мне давно уже не

двадцать четыре года, и я ничего не могу решить, сказав правильные и нужные слова. В моей жизни давно уже ничего не решают слова! Да, собственно, и говорить их некому и незачем. Я точно знаю, что никто не станет мне помогать, решать за меня самые трудные вопросы, подставлять плечо, тащить за руку из болота. Я никому не нужна, я не строю никаких иллюзий, и мне придется обходиться только собственными силами. В этом нет ничего хорошего, но и ничего особенно плохого. Это просто такая данность – я одна, мне не на кого рассчитывать, и я не рассчитываю. В мои двадцать четыре года все было по-другому. Только вот я никак не могу вспомнить, интересовал ли меня тогда... смысл? Или без малейшего моего усилия жизнь казалась осмысленной и прекрасной?..

– Ты пришла сюда, на этот кордон, чтобы увидеть Марка, – сказала Алла и поднялась.

– Да, ну и что?

– Какого еще смысла тебе надо?

Женька немного подумала.

– Бери лыжи и иди катайся, – велела Алла. – Лыжи тебе Марк подарил.

Женька просияла, как будто услышала что-то очень хорошее.

– Ты накатаешься, а вечером мы будем варить глинтвейн. С апельсинами, яблоками и куантро! Самый биатлонный напиток. А потом ты будешь читать «Похождения бравого солдата Швейка». И если только ты не самая распоследняя идиотка, так может быть всегда. У тебя-то уж точно!

И Алла ушла в дом, а Женька осталась сидеть.

После обеда Марк опять ушел на лыжную тренировку, Алла мыла посуду и все гадала, пойдет Женька за ним или не пойдет. Она гадала и то и дело выглядывала из кухни, как только кто-то проходил мимо.

– Не мечись, – сурово приказала Зоя Петровна, когда Алла в очередной раз высунулась в коридор и чуть не стукнула ее по носу.

– Вы Женьку не видели?

Зоя Петровна вошла и стала расставлять отмытые цветастые тарелки – в буфете они стояли не боком, одна к одной, а лицом, и это было на редкость красиво и празднично.

– На лыжне, – буркнула Зоя Петровна, когда Алла уже и не надеялась на ответ. – Только ушла.

Алла так обрадовалась, как будто это она сама только что ушла на лыжную вслед за Марком.

– Зоя Петровна! Какая вы умница!

– Где уж нам.

Теперь важно было не пропустить момент, когда олимпийский чемпион и Женька явятся обратно. По их лицам все сразу станет понятно. Алла слонялась от окна к окну, высматривала, в общем, совершенно извелась.

Зоя Петровна затеяла пирог «на скорую руку», и когда в печке начали трещать дрова, в кухню потянулся народ. Сергей Васильевич со Степаном теперь резались в нарды, Петечка скучным голосом попросил чаю или еще чего-нибудь и получил кружку компота, даже Марина пришла со своей книжкой, и Володя с Антоном пришли, уселись и стали смотреть, как играют.

Потом явился из ангара Кузьмич и удивился:

– О как! Все в сборе.

Он стал калить над огнем какую-то длинную железку, и в кухне моментально запахло паленым.

– Я завтра тоже на лыжах пойду, – сообщил Степан, сгребая с доски деревянные кругляшки. – Сидеть надоело, сил нет!

– Ты погоди, может, завтра все пойдем, – отозвался Сергей Васильевич. Он выигрывал напропалую, и вид у него был довольный и благодушный. Тем более Зоя Петровна пироги затеяла!..

Кузьмич согнул свою железку, сунул в воду, она зашипела. Зоя Петровна покосилась неодобрительно, но ничего не сказала.

Кузьмич вынул железку, оглядел со всех сторон и достал из кармана что-то длинное и темное. Алла вытянула шею – она знала, что это такое.

– Вот это чей инструментик? – Павел положил на край стола большой охотничий нож в ножнах. – Только не надо мне говорить, что не знаете!.. Это точно не наш нож, стало быть, кого-то из вас.

– Где? – Сергей Васильевич высунулся из-за Володи и поднялся, отодвинув стул. – А, так это мой! А я всю голову сломал, сунул куда-то и забыл! Вот спасибо тебе, Кузьмич, он для меня как родной, ножик-то!

– Как он попал в «оружейную»?

– Куда попал? – не понял Сергей Васильевич.

– Эх ты! – засмеялся Антон. – Столько времени здесь живешь, а не знаешь, что у них на кордоне все комнаты с названиями. Есть «оружейная», есть «медицинская». А где книжные полки – библиотека, а еще есть...

– Что вы там делали? – перебил его Кузьмич.

– Где? – преданно переспросил Сергей Васильевич. Может, на самом деле не понимал, а может, ловко притворялся.

– В «оружейной» ничего нет, кроме радиоаппаратуры. Вы зачем туда заходили? И когда?

– Дак ведь я так и не вспомню, зачем да когда!.. Заходил, точно заходил, а вот... зачем... Шут его упомнит.

– Нож на полке лежал. Вы там что-то делали, Сергей Васильевич! Что вы там могли делать?

Тут Володя вдруг вспомнил, что он руководитель группы.

– Это что? Допрос? – И тоже поднялся. – Или этим ножом было совершено преступление?

– Володь, погоди ты, не горячись, – забормотал Сергей Васильевич, поглядывая на Кузьмича. – Какое еще преступление, Виноградова вовсе другим ножом зарезали, ты что, не помнишь?.. Я заходил... когда ж я заходил?.. наверное, поглядеть чего-нибудь. Убей меня, не вспомню, Кузьмич!.. А нож мой, точно мой.

Кузьмич кинул ему нож, тот поймал.

– Приметный такой ножичек, – сказал Павел. – Ты бы на нем еще свою фамилию вывел. Тут Сергей Васильевич вдруг улыбнулся широко, открыто, так, что морщинами собрался лоб.

– Так ведь он и без фамилии приметный, Паша, друг мой ситный!..

Он подтянул рукава тельняшки и аккуратно пристроил нож в наколенный карман бездонных брезентовых штанов.

– Татуировки у вас тоже приметные, я тоже такие хочу, – сообщил Петечка. – Где такие делают?

– Тебе еще рано. Подрастешь, покажу.

– У вас есть еще вопросы? – спросил Володя строго. – Или вы установили истину?

Алла так и не поняла, что случилось.

Зоя Петровна вдруг сорвалась с места и побежала, а за ней рванулся Кузьмич, так что опрокинулся тяжеленный, будто чугунный, стул.

Сергей Васильевич привстал с места и переглянулся со Степаном. Петечка поперхнулся и закашлялся, а Марина ойкнула, как Женька, и уронила книжку.

Алла, на ходу натягивая пуховик, вывалилась на крыльцо, зажмурилась и остановилась.

Все вокруг было залито тихим и сияющим предвечерним, сказочным, февральским светом. Деревья стояли не шелохнувшись, и невозможно было себе представить, что еще совсем недавно здесь мела такая метель, что Алла боялась не дойти от «большого дома» до ангара, заблудиться, потеряться, замерзнуть! Небеса над засыпанными снегом верхушками елок и лиственниц бездонны и прекрасны, лес под горой чист и тих, сугробы величественны и свежи.

Ни Зои Петровны, ни Павла не было видно.

...Куда они делись?

Какой-то странный дальний звук, крик или стон, донесся до ее слуха. Алла скатилась с крыльца и, скользя и подъезжая на ходу, чтоб не свалиться, побежала под горку, где начиналась свежая, только вчера проложенная ратраком лыжня. Там маячила Зоя Петровна, вся вытянувшись в струнку в сторону леса и приставив ладонь козырьком к глазам.

– Зоя Петровна, что случилось? – издалека крикнула Алла.

Грохот обвалился сверху, так что Алла шарахнулась и чуть не упала от неожиданности. Со стороны ангара стремительно и плавно к лыжне съехал снегоход на гусеничном ходу.

– Где?

Зоя Петровна махнула куда-то в лес и сунула Кузьмичу винтовку. Оказывается, все это время она держал в руках винтовку.

– Что случилось?! – подбегая, закричала Алла изо всех сил, как будто они были глухие.

Снегоход газанул, разворачиваясь, снежная пыль полетела из-под гусениц ей в лицо.

...Ну уж нет. Теперь я с вами.

Сама не понимая как, Алла прыгнула, уцепилась и оказалась на сиденье позади Павла. Вездеход сильно вильнул.

– Куда?! Назад!

Перед носом у нее были его спина и винтовка, которую он закинул за плечо.

– Я с тобой.

Он колебался одно мгновение, и она явственно ощутила его колебание, а потом снегоход дернуло вперед так, что Алла едва удержалась на сиденье. Заревел двигатель, снегоход пошел под горку, набирая скорость. Ветер засвистел в ушах, и стало страшно.

Сердце колотилось, кажется, прямо перед глазами, потому что белый свет то возникал, то проваливался в красное, а потом оказалось, что это не сердце, а красный пуховик Павла мотается у нее перед глазами.

Из-за воя двигателя ничего не было слышно, руки заледенели, заломило пальцы – перчатки она так и не успела надеть.

– Держись! Держись, сказал!..

Снегоход нагнал и как будто перепрыгнул через что-то. Алла вылетела из седла, зажмурилась, удержалась, вцепившись в красный пуховик, и выровнялась. Они петляли между лиственницами и елками, и казалось, что им вот-вот придет конец, со всего маху неповоротливая машина врежется в ствол, и от них ничего не останется, кроме груды искореженного железа и черного дыма, поднимающегося к праздничным и безмятежным небесам!..

Снегоход уворачивался от стволов, все быстрее, все ниже летел под гору. Лес кружился и мотался вокруг, как в кошмаре, когда понятно, что этого не может быть, но это есть, и происходящее ужасно, потому что его нельзя изменить – ни остановить, ни проснуться, ни вырваться.

Внезапно двигатель изменил тон, снегоход встал.

– Что?! – крикнула Алла.

Павел смотрел вперед и влево, куда-то под гусеницы. Алла обмерла. По свежему чистому снегу тянулся кровавый след, и из-за стука мотора опять послышался тот самый жалобный вопль или стон.

Снегоход как будто припал и вновь пошел, набирая скорость и забирая влево. Что-то мелькнуло за деревьями, Алла не разобрала, что именно.

Проломившись сквозь кусты, они выскочили на поляну. Не сбавляя хода, одной рукой Кузьмич стал тащить из-за спины винтовку.

– Что это, Паша?!

– Волки.

Какой-то странный зверь бурого цвета молча и страшно дрался за свою жизнь. На него нападали двое других – один метил в горло, а второй цеплял за лапы, не давал двигаться. Бурый зверь сражался, но видно было, что сражается он из последних сил. Он не мог ни отбежать, ни приготовиться, те двое висели на нем, терзали, не отпускали. Вот он стряхнул одного, но другой в это время прыгнул, повис, стремясь перегрызть горло.

Два выстрела грянули почти одновременно – сухой и острый грохот почти порвал барабанные перепонки. Павел, привстав на подножке, стрелял не целясь, от бедра, как-то странно держа винтовку в левой руке. Снегоход подпрыгнул и осел.

Двое крупных серо-желтых волков остались лежать на снегу. Странный бурый зверь прополз несколько метров и замер, вытянувшись.

Павел сунул Алле винтовку – она взяла, как во сне. Ствол был теплый, и от него сильно тянуло порохом.

Увязая почти по пояс, Павел полез через сугробы к бурому зверю.

– Вик! Вик, вставай!

Из-за деревьев выскочил Марк. Он тоже держал винтовку в руке. Широко ставя лыжи, он подбежал к собаке, лежавшей на перемолотом кровавом снегу. Вдалеке показалась Женька. Она не катилась, а как будто летела на лыжах над сугробами.

– Жив?

Павел оглянулся и ничего не ответил, лицо у него было желтым. Руки щупали бурую шерсть.

Алла закинула винтовку за плечо.

Этот бурый зверь – собака? Их собственная собака Вик?!

– Как ему сладить, – выговорил Кузьмич и кое-как взвалил Вика на руки, – когда их трое! Одного-то он загрыз, а эти от крови совсем озверели.

Алла оглянулась. На краю поляны лежал еще один волк, снег под ним был красный.

Как будто вброд через воду, Павел добрался до снегохода. Вик без движения висел у него на руках, и кровь, кровь шла, не останавливаясь.

Алла глубоко вдохнула и с силой выдохнула.

Белый пес был бурым от крови, которая лилась из него.

Алла молниеносно перебралась через сиденье и взялась за руль. Марк придерживал собаку, пока Кузьмич усаживался сзади.

– Гони!

Алла нажала на газ, двигатель взревел, и снегоход попер в гору.

– Держись, – приговаривал сзади Кузьмич, – держись, собака!.. Мало ли нас волки драли! Ты держись!

Алла петляла между деревьями, вся превратившись в зрение, изо всех сил стараясь удерживать непривычную тяжелую машину, не завалить ее набок, не застрять, не врезаться в ствол.

– Бери правее и прямо по лыжне! Вон она!

Она вывела снегоход на лыжню, добавила скорость и понеслась вверх, все быстрее, быстрее!..

Они одолели последний подъем, повернули и выпрыгнули почти перед крыльцом «большого дома». Зоя Петровна бежала навстречу, и Павел на ходу соскочил и побежал. Голова и

лапы Вика мотались, на снег капала кровь, солнце сияло, и небеса были голубыми, вечерними, ласковыми. Зоя Петровна подставила руки, и вдвоем они занесли собаку в дом.

Алла заглушила мотор и на секунду закрыла глаза.

...А вдруг он не умер?.. Вдруг его еще можно спасти?

Собака, какой бы сильной она ни была, не может одолеть трех волков сразу. Они напали подло – трое на одного, и Вик сражался, как он сражался! Но разве он мог победить один – троих?

Алла бросилась в дом. Там было очень светло, зажжены все лампы. Кровавый след тянулся по коридору в сторону «медицинской» комнаты, возле которой толпился народ. Алла, ни на кого не глядя, растолкала людей и ворвалась внутрь.

Пес лежал на кушетке под сильным светом, вытянувшись, совершенно неживой. Пасть оскалена, глаза закрыты. Зоя Петровна неподвижно стояла рядом. Павел ощупывал его, руки у него были красными от крови.

– Марина, – позвала Алла и оглянулась. – Где Марина?!

– Я здесь, пропустите.

Она вошла и бесцеремонно оттеснила Зою Петровну.

– Вика волки порвали, – зачем-то сказал Павел. – Ранен он.

– Я вижу.

В мгновение ока Марина превратилась из строгой молодой дамы во врача. Лицо у нее стало сосредоточенное. Очень аккуратно и четко, по очереди приподнимая лапы, она осмотрела собаку. Оттянула веки и заглянула в зрачки.

Из коридора протолкался Марк, а за ним Женька.

– Шприц с обезболивающим, быстро. Нужно дать наркоз. Есть что-нибудь такое?.. – спросила Марина.

Загремели стеклянные двери шкафов, вспыхнув, от чистого стекла отразился свет ламп. Не глядя, Марина нажала на педаль, и кушетка плавно пошла вверх.

– Инструменты. Мне нужны инструменты.

– Он жив?

Она даже не взглянула.

– Я ничего не обещаю, но попробую.

Она все осматривала раны, страшные, рваные, из которых уже не текла кровь, а изнутри просвечивало что-то белое, влажное. И это белое и влажное означало, что волки изодрали Вика до самого нутра, разворотили, распорол.

– Кто может мне ассистировать?

Павел кивнул ей снизу вверх. Короткими молниеносными движениями он доставал из круглой блестящей бадьи хромированные хирургические инструменты и раскладывал на столе.

– Хорошо. Остальные пусть выйдут.

– Алла, уведи людей.

Странное дело, но все послушались. Последней вышла Зоя Петровна и застыла в дверях, как часовая.

– Чего-то я ничего не понял, – спросил Степан. – Что случилось-то?

– Волки напали, – морщась, ответил Марк. – Пойдемте в кухню.

– На тебя?! – удивился Диман.

– На Вика. Есть тут один волк-убийца. Нападает просто так. Лосят перерезал тьму. Ладно бы голодный был!..

Они все ввалились в кухню, и Марк попил воды из чайника. Вода проливалась ему за воротник. Он поставил чайник и вытер лицо.

– Мы слышали, что они напали, я выстрелил, и мы побежали. Но не успели. Они далеко были.

– А... Вик?

– Одного загрыз, а двое его порвали. Их Павел пристрелил. Я, когда стрелял, уверен был, что они разбегутся. Но они кровь уже почуяли.

– Где собаке с тремя волками справиться, – тихонько сказал Сергей Васильевич. – Не горюй, парень! Собака все же не человек.

– А чего вы его раньше не застрелили, волка этого? – спросил Диман. – Если знали, что он нападает и всякое такое?

– Мы пытались, – отрезал Марк. – Паша сколько раз на него ходил! Волк хитрый и подлый, сволочь. Ал, ты молодец. Не струсила.

Алла покивала, принимая его похвалу. И она и Марк думали только о том, что происходит сейчас за дверью медицинской комнаты.

– Марина хороший врач, – отвечая своим мыслям, сказала она. – Оперирующий хирург. Женщин-хирургов мало, а она... работает.

Женька подошла и взяла Марка за руку.

– Ты бы переоделся. Мокрый весь.

В кухне неслышно материализовалась Зоя Петровна, и все замерли и уставились на нее. Она включила электрический чайник, чего не делала ни разу за все это время.

– Воды надо, – проинформировала она. – Подам.

...Держись, думал Марк про свою собаку. Держись, Вик!.. Ты олимпийская собака, а нас с тобой просто так не возьмешь. Ты живешь с нами, делишь с нами тренировки, испытания, трассу. Ты лучше всех ориентируешься в тайге. Ты здоровый молодой мужик. Тебе всего три года, у нас с тобой вся жизнь впереди! Мы с тобой должны пройти все наши километры, пристрелять все винтовки, поразить все мишени. У нас впереди Игры, и я буду сражаться и бороться, а ты ждать меня здесь. А потом я прилечу, и, услышав вертолет, ты наставишь уши и закрутишь свой необыкновенный хвост и побежишь встречать, и я, выпрыгнув из кабины, стану трясти тебя за уши и говорить, что ты собака, ты собака!.. А ты будешь прыгать и ставить лапы мне на плечи, и твои маленькие медвежьи глазки будут смотреть на меня с веселым лукавством. А впереди у нас весна, и ты полезешь во все ручьи, и станешь гонять по деревьям белок и пугать куропаток, а потом блаженно валяться на согретом солнцем крыльце, разбросав лапы, а с крыши будет капать веселая ледяная вода.

Все это будет, будет, ты, главное, сейчас держись!..

– Как он дрался, – простонал Марк. – Как он боролся!..

Заставил себя подняться и ушел. На лестнице тяжело прозвучали его шаги, хотя обычно он бегал вверх-вниз легко и весело.

Женька ушла следом за ним, и Алла, выглянув из кухни, обнаружила, что она, пригорюнившись, сидит на ступеньках лестницы.

– Ты понимаешь, Женька, – сказала ей Алла. – Я ведь даже сообразить ничего не успела. Куда Павел полетел на этом снегоходе, зачем!.. И Вика не узнала. Он был совершенно бурый, а Вик-то белый. Он стал бурый от крови.

– Как вы думаете, – спросила Женька, – он поправится?

– Я не знаю.

– А к Марку сейчас можно пойти?

– Лучше не надо, Жень. Мы... потом.

Она вернулась в кухню и стала заново растапливать погасшую плиту. За окнами вечерело, сумерки ложились на лес, лазоревые, чистые.

Пришел Петечка, постоял возле нее и сказал:

– Жалко собаку. Хорошая собака была.

– Замолчи, – велела Алла. – Они там стараются, а мы тут уже все решили, да?..

– Чего там решать, Алла Ивановна, – Петечка махнул рукой. – Вы ведь все понимаете, но прикидываетесь! Вы прикидываетесь святой, вам так больше нравится. Вы хотите всем показать, что верите в чудеса, а на самом деле знаете, что никаких чудес не бывает. И волшебных исцелений тоже не бывает.

Алла молча подкладывала дрова в плиту.

– И вот еще что, – тут Петечка уселся на стул верхом, как обычно садился Марк. Видимо, Петечке нравилась эта его манера. – Когда зарезали Виноградова, мы все не так страдали и убивались, правда ведь?.. Вот ведь человеческая подлость!.. Нет, мы сделали вид, что нам есть до этого дело, но нам было наплевать. Вернее, нас это касалось только в смысле подозрений – как бы не заподозрили кого-то из нас. А когда собаку волки порвали, так мы сразу стали такие добрые! Понимаем, сочувствуем, чуть не плачем! Выходит, мы скоты, да?

– Петька, ты глупый мальчишка, – сказала Алла. – Всем твоим взрослым рассуждениям грош цена. Тебе страшно, что Вик умрет или уже умер, вот ты и сидишь и несешь невесть что. От страха.

Она вытерла глаза, в которые попал дым, и повернулась к Петечке.

– Конечно, нам наплевать на Виноградова, – продолжала она, рассматривая парня. – Мы его не знали, не любили, даже почти не разговаривали!.. Для нас его смерть – не горе. Скорее чрезвычайное происшествие, да еще с неприятными последствиями. А Вик наш друг. Он пришел за нами в метель и привел Марка. И вас, дураков, он тоже нашел, когда вы одни ушли! Это ведь он мужиков на вас вывел. Он твой рюкзак понюхал и вывел! Ты наверняка в ту ночь с жизнью уже попрощался? Ну хоть себе-то не ври, так и было, да?.. И вдруг прибежал Вик. И сейчас ты сидишь и боишься, что его не спасут.

– Да ну вас! – Петечка поднялся, вышел в коридор и постоял там, словно не зная, куда идти.

Женька помедлила перед дверью с надписью «Посторонним вход воспрещен. Только для персонала», потянула за ручку и зашла.

Марк выглянул из ванной. Женька отрицательно помотала головой – никаких новостей.

– Ты бы тоже переделась, Жень, – сказал он. – Простынешь.

Она опять помотала головой, на этот раз соглашаясь.

Подошла к столу и стала рассматривать какие-то бумаги. Бумаг было довольно много, некоторые написаны по-английски. Английских почему-то больше, чем русских.

...Зачем нужны какие-то глупые, бессмысленные бумаги, если прекрасным вечером волки могут взять и загрызть твоего... друга? Это несправедливо, неправильно, и не помогут никакие бумаги!

Марк увидел, как она стоит возле его стола – плечи ссутулены, спина сгорблена. Даже тонкие пальцы, которыми она трогала стол, выражали отчаяние. Он швырнул в кресло, заваленное каким-то барахлом, полотенце, промахнулся, подошел и обнял ее.

Она сразу заплакала, как будто держалась из последних сил, повернулась, обняла его, стиснула изо всех сил и стала тыкаться в него разгоряченным мокрым лицом.

– Подожди, – уговаривал он, – подожди ты, не реви. Вик сильный, олимпийский пес! Он справится, Женька.

– Я же не справилась. Я так и не стала олимпийским псом.

– Ты справилась, – возразил Марк. – Ты же здесь. Ты молодец, Женька.

– Я думала, что буду как ты. Не как ты, но что я тоже стану сильной и знаменитой, но не смогла, Марк. И теперь все, все пропало.

Он прижимал ее к себе, вспоминая, узнавая и не узнавая, трогал светлые волосы и горячие красные щеки, и пунцовое ухо, и косточку на шее сзади, и с каждым ударом сердца ему легчало, как будто после долгих месяцев в пустыне он добрался до источника живой воды, и теперь больше ничего не нужно, совсем ничего, вот же он, источник. Долгие месяцы он знал

о его существовании, мечтал добраться и понимал, что именно в этом и будет спасение, но не мог и не умел этого сделать, и вот наконец нашел!..

– Женька, – вдруг сказал он и улыбнулся своему источнику живой воды. – Как ты могла меня бросить?! Зачем?! За что?

Источник притих на секунду и забурился что есть силы.

– Я же не знала!.. Я думала, что буду тебе мешать жить – со своей ногой. Я даже не знала, смогу ли ходить нормально, без костылей. А ты? У тебя совершенно особенная жизнь...

– У меня стала совершенно особенная жизнь после того, как ты меня бросила, – перебил Марк. – Первое время еще туда-сюда. Я думал, что ты очухаешься и вернешься. Потом понял, что не вернешься и что с этим ничего нельзя поделать. Ну, ты так решила, и я ничего не могу изменить. И еще я злился, конечно, а злость поначалу помогает.

– Поначалу помогает, – согласилась Женька.

– Но я быстро перестал злиться, и стало хуже. Я не мог привыкнуть, что тебя нет и не будет. Я старался, конечно, но никак не мог. Я говорил себе, что это вопрос времени, скоро привыкну, но все никак не получалось.

– И у меня никак, Марк, – сказала Женька. Она отстранилась немного и рассматривала его лицо. – Я так давно тебя не видела, жизнь прошла с тех пор, как я тебя видела. Я в прямом эфире ни одной твоей гонки не посмотрела, только в записи. Потому что не могла себе представить, что я сижу перед телевизором, а ты в эту минуту, в эту самую секундочку где-то там бежишь и стреляешь!.. У меня делался инфаркт.

– Я после Рупольдинга даже ухаживать за кем-то стал. А почему нет?.. Какая мне теперь разница! Она была на тебя немножко похожа, и время от времени мне даже удавалось убедить себя, что это ты.

– Зачем ты рассказываешь?

– Затем, что это правда. И когда удавалось себя убедить, мне становилось весело, и я думал, что победил тебя. Победил и забыл. Но очень быстро стало понятно, что ничего из этого не выйдет. Хотя я делал вид, что ничего не изменилось, – была одна девушка, стала другая, ничуть не хуже. А может, даже и лучше. Но я не мог сделать так, чтобы она стала тобой. Ну никак не мог. Тогда я опять начал тебя искать.

– Ты меня искал?

– Женька!

– Это я просто так, Марк. Ты скажи – да, искал.

– Я тебя искал – сначала, чтобы найти, потом, чтоб сказать тебе, что ты мне не нужна и мне давно уже на тебя наплевать, потом опять чтобы найти. Павел был уверен, что мы все соревнования из-за тебя отдадим Бьерндалену.

– Злился?

– Не то слово. Три года – это очень долго, Женька.

Он поцеловал ее как надо, как когда-то, как будто три года – это три минуты или три дня. Вот они только что расстались перед трудными соревнованиями, но он уже вернулся и целует ее, и по-другому и быть не может.

Женька вся подалась к нему, растеклась по нему, отдалась ему, – так никто не умел, кроме нее. Только она одна так ему принадлежала, полностью и целиком, без всяких оговорок, ограничений и поисков какого-то другого смысла.

– Так же нельзя, – сказал он с укором, перестав на некоторое время ее целовать. – Получается не жизнь, а сплошное дрыгоножество и рукомашество. Я тренируюсь, потом выигрываю. Тренируюсь и выигрываю. И так по кругу. Это очень хорошо, конечно, но это все же не совсем жизнь, Женька. И я даже не мог позвонить тебе и сказать, что ты мне не нужна. Или приехать и сказать. Какая-то ерунда на много лет.

– Марк, я не хотела быть тебе обузой.

– Это я уже слышал. Ты мне говорила когда-то. Вообще-то нормальные люди делают все наоборот. Когда болеют или слабеют, они призывают близких, чтобы те им помогали.

– Ты не должен был мне помогать! Это я должна была тебе помогать, а я так тебя подвела. И себя, и Виталия Петровича, тренера моего, всех! И я не хотела, чтоб тебе с каждым днем становилось все хуже и хуже, – вместе со мной... Все скучнее и скучнее. И чтоб ты в конце концов меня разлюбил.

– Я тебя не разлюбил. Я, правда, очень старался, Жень. Но ничего не вышло.

Она взяла его за руку, поднесла к лицу и уткнулась носом в ладонь.

– Я так хотела тебя увидеть, – пожаловалась она невнятно из-за ладони. – Я даже не знала, что буду делать, когда приду на этот твой кордон. Я так мечтала! Каждую ночь планы строила. Как я прихожу, и ты меня сначала не видишь, а потом вдруг видишь и целуешь, вот как сейчас. Или, наоборот, начинаешь кричать, чтобы я убиралась вон.

– Я собирался закричать, чтоб убиралась, – признался Марк и опять поцеловал ее. Ему было удивительно, что он теперь может целовать ее сколько угодно. – Только в последнюю минуту удержался.

– Ты не сказал мне ни слова. Ты сделал вид, что вообще меня не знаешь.

– Я тебя знаю, Женька.

– И тогда я решила, что просто побуду здесь и уйду с группой, когда перевалы откроют. Последнее свидание.

– Ты ошиблась. Первое за три года.

– Аллочка сказала, что я должна с тобой поговорить, все объяснить словами. Она сказала, что, как любой нормальный мужчина, ты понимаешь только то, что тебе говорят, а я тебе все время повторяла, что ты мне не нужен и чтобы убирался вон.

– Я все и так понял, когда ты пришла с этими странными людьми и все время на меня косилась. И сразу отводила глаза. И кокетничала с Игорем.

– Я не кокетничала! Это он со мной... кокетничал.

Осторожно, стесняясь, она пробралась ему под свитер и трогала теплое, твердое, живое тело. Ей было удивительно, что его теперь можно трогать сколько угодно.

– Мне она тоже сказала, чтобы я с тобой поговорил.

– Аллочка?

– Ну да. Она сказала – довольно драмы, как-то так. Смешно.

Он дышал редко и неглубоко, как будто контролировал дыхание. Женька все трогала его. Прямо перед собой он видел ее настороженные темные глаза.

– А помнишь, ты мне в Праге купил гранаты?

Он ничего не помнил, ни Прагу, ни гранаты.

– Ну вот! – Она вытащила из-под воротника цепочку. Камни сверкнули вишневым цветом, как ее глаза. – Неужели не помнишь?! Мы тогда только-только познакомились и гуляли по Праге. А там такая улочка из одних только ювелирных магазинов. И я все время подходила и рассматривала, а ты меня ждал и сердился. Мне так хотелось, чтоб ты мне что-нибудь подарил, но не могла же я сказать, тогда получилось бы, что я выпрашиваю. И я решила, что, когда накоплю денег, поеду в Прагу и куплю себе чешских гранатов. А потом ты догадался и сам купил!

– Вспомнил, – сказал Марк, – конечно. Сначала ты во всех витринах рассматривала гранаты, а потом стала рассматривать себя в гранатах.

– Мне очень нравился твой подарок.

– Мне очень нравилось, как ты его рассматриваешь.

– И я каждый день просыпалась и думала, что ты должен меня сегодня бросить. Что ты просто ошибся. Ну не можешь же ты на самом деле в меня влюбиться!..

– Я в тебя влюбился, и ты меня бросила.

Тут уж совсем стало не до разговоров и воспоминаний!.. Оказалось, что воспоминания – это прекрасно, но не главное. Слишком долго они были главным, а теперь перестали. Оказалось, что настоящее гораздо лучше воспоминаний, и оно не подведет. Ошиблась умная и взрослая Алла – слова оказались и вовсе не нужны. Они еще потом понадобятся, потому что именно словами нужно будет рассказать друг другу про эти три года, а пока... Временно слова утратили всякий смысл. Остались сумерки, звук дыхания, запах шампуня от его волос, шершавая лиственничная стена, к которой Марк прижал Женьку. Зачем нужны слова, когда и без них все ясно и все – правильно.

Отлепившись от стены, Женька повисла на нем и стала стаскивать с него свитер, так и не стащила, заскулила сердито, и в голове у нее вдруг помутилось, когда он стал развязывать шнурки ее брезентовых брюк.

Помутилось в прямом смысле – она перестала видеть, все вокруг потемнело и расплылось, как будто сумерки с улицы вдруг ввалились в его комнату, она позабыла, что нужно дышать и, наверное, упала бы, если б он не подхватил ее.

Теперь они целовались яростно и сокрушительно, стараясь заполучить как можно больше друг друга – как можно больше и как можно быстрее! Почему-то ни секунды нельзя было промедлить. Женьке казалось, если она не получит его в это самое мгновение, то погибнет окончательно и навсегда.

Марк кое-как пристроил ее на стол, на бумаги, среди которых было больше английских, чем русских. Он все забыл! Забыл, какая у нее кожа, как она пахнет, как грудь помещается в его ладонях. Он забыл свой собственный восторг, когда она оказывалась так близко. И чувство победы, несравнимое ни с чем, которое накрывало его, когда он получал ее. Да, да-а, да-а-а!!! Ах, как он вдруг вспомнил это чувство, как узнал его, и восторг, и огонь, и еще больше, ближе, сильнее.

Он не знал, делает ей больно или нет, и это не имело никакого значения – в такие мгновения она никогда его не боялась. Она вся принадлежала ему, и не было никаких трех пустых лет и не могло быть. Источник с живой водой бил все время, только он никак не мог до него добраться, и вот наконец нашел и уж теперь ни за что не потеряет к нему дорогу, и... и...

Женька то ли вскрикнула, то ли всхлипнула, стиснула его изо всех сил – глаза у нее были крепко зажмурены, пот блестел на висках, – а потом, видимо, умерла. Но все-таки не до конца, потому что пошевелилась у него в руках и слабо укусила за плечо.

– Я так тебя люблю, – пожаловалась она.

Он помог ей слезть со стола. Она слезла, потащив за собой бумаги. Бумаги разлетелись по полу.

Марк подтолкнул ее к дивану, уложил и лег рядом. Они обнялись, хотя было очень жарко, так жарко, как будто вместе с сумерками в комнату ввалились еще и тропики.

Тут кругом Приполярный Урал, а вовсе не тропики. Тропики далеко, очень далеко. Где-то там, в районе Майами...

– Не хочу в Майами, – пробормотала Женька.

– Ты собираешься уезжать?

– Куда?

– В Майами.

– С ума сошел?

Он потерся щекой об ее белые волосы. Он сто раз вспоминал, какие у нее волосы, и оказалось, что все забыл, начисто.

Она вдруг привскочила, ударив его макушкой в подбородок.

– Марк, что ты лежишь?! Нам нужно бежать, скорее! Там же Вик! Его волки порвали.

– Я знаю, – протянул он медленно. – Сейчас, Женька.

Он знал, что нужно вниз, знал, что время вышло, и ему очень не хотелось... туда. К его раненой собаке, к Кузьмичу, к людям, которые станут смотреть на него и ждать от него чего-то. Он хотел остаться здесь, в сумерках и тепле собственных комнат, в которые никто не посмеет зайти, в Женькином запахе, поцелуях, шепоте, прикосновениях. Чтобы еще немного ни о чем не думать. Только так: вот и прошли эти три года, они оба одолели их, как бесконечно трудный подъем, и теперь можно жить, как жилось когда-то, легко и радостно. Или это сейчас кажется, что тогда жилось легко и радостно?..

Ему хотелось еще немного побыть с ней вдвоем, как будто с самим собой. Рассказать ей немного, как он жил, и послушать, что она станет рассказывать.

Он знал, что – нельзя, нужно возвращаться, и все же тянул время. Немножко. Чуть-чуть.

Женька поцеловала его в ухо, а потом в шею и опять в ухо. Он повернул голову, чтобы ей было удобней его целовать. А потом поднялся.

Его свитер валялся за креслом, а Женькин он так и не смог найти и сунул ей какой-то другой. Зато лифчик обнаружился на письменном столе, прямо посередине.

Он подождал, пока она оденется, взял за руку и свел по лестнице вниз, как маленькую.

Вся компания была на кухне. Докторша Марина пила из большой кружки чай.

– Пока жив, – сообщила она, завидев Марка. – Я его зашила. Теперь все зависит только от него, справится или нет.

– Если сразу коньки не отбросил, – вступил Сергей Васильевич, – может, и обойдется.

Марк заглянул в «медицинскую». Лампы были притушены, кушетка опущена. Вик лежал на боку, весь забинтованный, как мумия, и совершенно неподвижный. Рядом сидел Павел и гладил пса по голове.

– Жив, жив, – быстро выговорил он, как только открылась дверь. – Борется. Видишь, дышит. Врачиха сказала, если через два часа не помрет, есть надежда. Ах ты, собака, собака!..

– Пойдем, Паш. Чего тут сидеть?

– Как чего? – удивился Павел. – Я ему помогаю.

Вошла Алла и тоже стала смотреть на Вика, а потом Марина всех разогнала.

– Дайте собаке покой, – раздраженно заявила она. – Нечего на нее любоваться!

Все вернулись на кухню, расселись вокруг стола и заговорили обыкновенными голосами. Зоя Петровна выволокла из печи пирог «на скорую руку» и водрузила в самый центр, а Алла вдруг велела Кузьмичу лезть в подпол.

– Зачем? – не понял тот.

Он все время тер глаза, как будто долго не спал.

– За красным вином, – отрезала Алла. – Зоя Петровна, где яблоки и апельсины? Еще мне нужна корица и... Павел, достань вино. Будем пить глинтвейн. Самый биатлонный напиток.

Марк улыбнулся и сел верхом на стул. Женька моментально пристроилась так, чтобы боком его касаться. Зоя Петровна покосилась на них.

Кузьмич спрыгнул в подпол и стал выставлять оттуда бутылки, одну за одной. Алла их принимала.

– Не ко времени ты это затеяла. – Он выбрался и опустил тяжеленную крышку, бухнувшую в пазах.

– Ничего, в самый раз.

Алла поставила на плиту огромную кастрюлю, потеснив чугуны и сковороды, сунула Петечке апельсины, чтобы чистил, а Диману яблоки, чтобы резал. Диман яблоки резал честно, а Петечка апельсины больше ел, и Алла их у него отобрала.

Вскоре в огромной кухне запахло корицей, гвоздикой, ванилью и еще чем-то острым и непривычным. Даже Зоя Петровна безмолвно приблизилась и заглянула в кастрюлю с интересом, и Сергей Васильевич подошел и потянул носом.

– А правда, что на больших соревнованиях спортсменам перед стартом тоже наливают?

Марк хмыкнул:

– Не наливают, Сергей Васильевич.

Он погладил Женьку по голове, поднялся и вышел. Они оба – и он, и Павел – то и дело смотрели на дверь, как будто ждали, что очнувшийся Вик сейчас выбежит, закрутив бубликом хвост.

– Есть куантро? Или любой другой ликер?

Если бы Алла своими глазами не видела запасы в подполе, ей бы и в голову не пришло спрашивать «какой-нибудь ликер», но она видела и знала, что на кордоне «полста-три» может быть все что угодно. Зоя Петровна подумала, подошла к одному из темных резных буфетов и распахнула створки среднего отделения.

– Не разбираюсь я в них, – под нос себе пробурчала она.

Бутылки в буфете стояли плотно и очень солидно, плечом к плечу. Здесь были водки, виски, джины, мартини, коньяки и арманьяки, кальвадосы, портвейны и еще всякая всячина. Поднявшись на цыпочки и заглянув в задние ряды марширующих бутылок, Алла вытащила одну.

– Что вы суетитесь? – спросил Петечка с досадой.

– С ликером вкуснее.

– Ну какая разница, вкусное будет варево или нет? Собака-то все равно помрет! Вы вон на Женьку равняйтесь! У нее уже все хорошо, да, Женечка? Соблазнила олимпийского чемпиона?

– Петька, ты не лез бы, – пробормотал Сергей Васильевич и покосился на Павла.

– Я не лезу, я спрашиваю. А чего такое? Деньги и слава чудеса творят! Да, Женечка? Раз – и в койку! На Олимпиаде интервью у тебя возьмут! Как у «спутницы нашего олимпийца»!

– Отстань, Петя, – вмешалась и Марина.

– Фотографии в журнале напечатают! На одной – ты лежишь на шкуре, голая, на второй – ты бежишь по пляжу, тоже голая, а на третьей...

– Петька, разломай апельсины на дольки, только больше не ешь, – перебила Алла, – а то на глинтвейн ничего не останется.

– Пошел он к чертовой матери, ваш глинтвейн!

...Они ничего не понимают, эти старые люди. Они даже не догадываются, что он собирался позвать Женьку в гости и познакомить ее с бабулей. Они не знали, что он об этом даже написал, осмысливая окружающий мир и свое положение в этом мире! Они не знали, что у него в голове как будто короткое замыкание происходило, когда Женька просто стояла рядом или наклонялась над ним, чтобы рассмотреть, что он там пишет. Он готов всю жизнь писать, лишь бы она над ним наклонялась. Он уже все придумал – как отправит ей «на мыло» свой рассказ или повесть, смотря что получится, она прочтает и придет в восторг, там же каждое слово – правда, все по-настоящему, из жизни! Ну вот, она прочтает, позвонит ему, и они встретятся в кафе. Это будет... в пятницу, да, в пятницу, и в кафе не протолкнуться. А он придет заранее. И станет смотреть, как она войдет и зашарит глазами, не находя его. А потом он ее окликнет. У него будет приготовлена одна роза... нет, роза пошло... орхидея... нет, тоже не то... настурция какая-нибудь, в общем. Она направится к нему, пробираясь между столиками, хорошенькая, легкая, беловолосая, и компания студентов проводит ее глазами. И он подарит ей настурцию. А она скажет: ты, оказывается, настоящий писатель!..

Теперь все это рухнуло и ничего не будет.

Женька потащила на лыжню за этим самым Марком, потом помчалась за ним наверх, когда Вику делали операцию, и они долго не возвращались, а когда вернулись, стало ясно, что все рухнуло. Как будто Женька сама сказала ему об этом.

Зачем она сделала это, мучился Петечка. Зачем?! Ни в какую такую любовь он не верил, знал совершенно точно, что ее не бывает на свете, пошлые, слюнявые выдумки для импотентов и женщин в климаксе! Они ничего не могут, вот и выдумывают всякие глупости. Ну посу-

дите сами!.. Говорят, когда любовь, в животе как будто бабочки порхают или что-то такое. У Петечки бабочки в животе начинали порхать только от голода, когда он уезжал на работу не позавтракав и жалел денег на пиццу в соседней забегаловке. Говорят, когда любовь, встречаешь «своего» человека. Петечка хотел бы знать – этот «свой» человек может встретиться только в институте или на работе, ну, или в Сети, что вернее, а как же миллионы и миллиарды остальных по всей планете? Если эта ваша любовь такое уж божественное чувство, почему его, Петечкин, человек не может обнаружиться в Китае? Или в Буркина-Фасо? И как его обрести, если он в Буркина-Фасо?! Женька с ее папашей-миллионером и пансионом в Швейцарии как раз была из другого мира, это понятно, и он почти поверил, что исключения все же бывают. Конечно, никакая у него не любовь, просто так, здоровое влечение, но... зачем она пошла к Марку и отдалась ему?! Зачем?!

И Вик умрет, обязательно умрет, вот увидите!..

Петечка швырнул апельсин, двинул сковороды и выскочил в коридор. И столкнулся с Марком.

– Поздравляю! – выкрикнул Петечка ему в лицо. – Ваша взяла! Чемпион по всем вопросам! Трахнул девчонку под шумок, пока все вокруг собаки танцевали и...

Марк очень аккуратно и легко взял его за руку и за шею и прислонил к стене. Странное дело, Петечка совсем не мог вздохнуть.

– Ты что, мальчик? – спросил Марк тихо. – Белены объелся?

Из кухни выглянул второй головорез и тут же скрылся. Петечка сглатывал и косил на Марка налитым кровью глазом.

Вся сцена казалась ему ненастоящей, как будто кино показывали. Впрочем, Петечке было не до кино.

Марк еще подержал его за шею, потом отпустил. Петечка подышал ртом.

– Вам все можно, да? – спросил он с ненавистью. – Ну, как же, олимпийский чемпион, звезда мирового спорта!..

– Пойди глинтвейна выпей, – предложил Марк миролюбиво. – Поможет. А не поможет, так хоть расслабишься.

Петечка ушел в «комнату мальчиков», повалился на свой диван и немножко полежал. У него все болело внутри – от жалости к себе, от жалости к собаке Вику, от ненависти к Женьке. Ему хотелось скрючиться, свернуться, завязаться в узел – может, так будет меньше болеть?..

Так нечестно, нечестно, повторял он про себя. Так нельзя, нельзя!..

Легкая рука погладила его по голове, и он понял, что Алла Ивановна явилась – утешать. Он понял и даже не повернулся. Так нечестно, так нельзя! Не приставайте ко мне!..

– Петь, – сказала Алла Ивановна Женькиным голосом, – ну что с тобой такое?..

Он вскочил. Женька сидела на краю дивана с большой кружкой в руках.

– Уходи отсюда, – велел он и тяжело задышал. – Пошла вон!..

– Я уйду, уйду, – торопливо согласилась Женька. – Только ты меня послушай. Я целых три года не могла его увидеть, понимаешь?.. А до этого сразу после травмы я его прогнала. Он бы не ушел, но я его обманула, понимаешь?..

– После какой травмы? – спросил Петечка глупо, как будто это имело хоть какое-то значение.

Женька с готовностью задрала брезентовую штанину. Женькина нога была длинная, сухая, очень красивая, щиколотка тонкая, тоже очень красивая. На щиколотке давний шрам, уже побелевший и как будто остывший. Петечка посмотрел на ногу, а потом ей в лицо.

Она несколько раз кивнула.

– Я сюда пришла, чтобы увидеть Марка, – сообщила она негромко. – И поговорить с ним. Ну, если он согласится со мной разговаривать! Я же не знала! Три года – это очень долго.

Тут он вдруг сообразил, что она городит какую-то несусветную чушь.

– Что ты врешь? Вы что... давно знакомы?

– Давно, Петь. Мы на соревнованиях познакомились, в Чехии.

– На каких соревнованиях?

– По биатлону. Я тогда еще каталась.

– Что ты делала?!

– Занималась биатлоном. Я тогда в первый раз за сборную выступала, ну а Марк уже был чемпион.

Про его чемпионство Петечка ничего не желал слушать.

– Подожди, у тебя же папа!.. И Швейцария.

– Я в интернате выросла. Только не в Швейцарии, а в Угличе, Петь. Папа мой умер давно. Я маленькая была, восемь лет. Родных никого не осталось, вот и отдали меня... в интернат. Я там начала на лыжах кататься, меня в сборную взяли, и мы с Марком познакомились. Я правда, Петь, очень его люблю.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.